

"Ночное столкновение"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джоанна Лэнгтон

Ночное столкновение

1

— Очнись...

Кэрол пошевелилась, чувствуя блаженное тепло. Открыла глаза и увидела, что закутана в шерстяное одеяло. Какой-то навес, бревно, и Алвеш, сидящий рядом на одном из них. Слабая улыбка тронула ее губы.

С большим трудом она вынула руку из-под одеяла и коснулась его лица.

— Тебе необходимо побриться.

— Большое спасибо, дорогая, — сказал он по-испански и, взяв ее руку, прижал к своим губам.

Затем встал и исчез из поля зрения. Где-то позади Кэрол услышала, как Алвеш что-то говорит о телефоне, а какая-то женщина твердит о еде, о горячей ванне и о том, что ему необходимо снять мокрую одежду. Этот голос напоминал голос ее школьной учительницы.

Она снова провалилась в какое-то забытие, наслаждаясь теплом и чувством защищенности. Время теперь не имело никакого значения. Потом Алвеш снова склонился над ней и поднял на руки.

— Сейчас ты сможешь принять горячую ванну и тогда совсем согреешься.

Кэрол как-то глупо захихикала.

— Похоже, тебе и вправду стало легче, — сказал Алвеш.

Пожилая женщина смотрела на нее, улыбаясь, в то время как голова Кэрол покоилась на широкой груди Алвеша.

— Когда-нибудь вы расскажете своим внукам, как чуть не умерли от холода и истощения во время своего медового месяца. Это будет иметь у них успех.

— Медовый месяц, — удивленно прошептала Кэрол, когда Алвеш нес ее вверх по лестнице.

Он усадил ее на стул в большой старомодной ванной комнате и развернул одеяло. Удивительно, но на ней не было никакой одежды. Но прежде чем она смогла что-либо сказать по этому поводу, он опустил ее в массивную викторианскую ванну, наполненную горячей водой.

— Медовый месяц? — спросила она.

— Я решил, что лучше не говорить правду. Сказал, что наша машина сломалась и мы заблудились. Миссис Дудик — вдова и живет одна. Это безлюдное место, и она не сразу решилась открыть нам дверь. Я постарался успокоить ее. Ведь мы, свалившись ночью ей на голову, выглядели не очень респектабельно.

Говоря это, он снял и с себя всю одежду.

Кэрол стало безумно жарко, но не от горячей воды, а от вида широких, тронутых бронзовым

загаром плеч с играющими мускулами. Темные курчавые волосы покрывали широкую грудь и живот. А ниже... Смущенная Кэрол отвела взгляд. Но все равно видела его перед собой: узкие бедра, длинные мускулистые ноги...

Вода в ванной полилась через край, когда он ступил в нее.

— О Господи, ты же ледяной!

— Извини, надо было подумать об этом раньше. Сейчас согреюсь, потерпи.

Она поднялась, чтобы вылезти, но он силой усадил ее обратно, придерживав обеими руками.

— Дорогая, тебе многому нужно еще научиться, и мне нравится учить тебя.

Кэрол почувствовала, как его руки коснулись ее груди, и вспыхнула. Соски мгновенно набухли под его ладонями.

— Алвеш!..

— Я уже сообщил начальнику своей службы безопасности о месте нашего пребывания. Поговорил и с полицией. Я дал им почти точные координаты того хранилища. Они устроят засаду и дождутся, когда эти негодяи придут за нами.

Этот решительный тон заставил Кэрол поежиться. Сейчас хотелось думать только о свободе, о роскоши горячей ванны и чудесном исцелении от страха. Ни о чем другом! И меньше всего — о мести.

Однако Алвеш, видимо, был настроен по-другому, полон решимости вступить в схватку и наказать похитителей.

— Они уже требовали выкуп?

— Да... Переговоры о выкупе уже ведутся и будут продолжаться так, чтобы они ничего не заподозрили. Мой помощник свяжется с Гарри Эвансом и сообщит ему о твоём освобождении.

— А как он узнал, кто я?.. — Кэрол зевнула.

Она лежала голая в ванне, с мужчиной, и так расслабилась, что была готова уснуть. И сама никак не могла в это поверить.

— Но мой шофер знал твой адрес, — напомнил он. — Если бы он не рассказал всю историю, полиция могла бы заподозрить тебя в связи с похитителями.

— Меня? — Кэрол изумилась, но сил выразить удивление уже не было. Веки словно налились свинцом. Но она еще не настолько поддавалась дреме, чтобы не почувствовать, как он напрягся. Но это уже не имело для нее никакого значения. Она наслаждалась чувством покоя и полной безопасности.

— Ты засыпаешь! — воскликнул он.

Она хотела напомнить, что на ногах с половины пятого утра, что, пока он ночью отсыпался, она выкидывала записочки через дырки в крыше. А потом еще откручивала эти дурацкие болты. Но сил объясняться не было. Он понял это сам, и через минуту, уже завернутая в пушистое полотенце словно ребенок, она стояла перед ним с закрытыми глазами, почти заснув, пока он

надевал на нее что-то хрустящее, пахнущее чистотой.

Затем оказалась в теплой постели, даже не заметив, как туда попала. Вдалеке слышались чьи-то голоса, доносился аромат чего-то вкусного, когда она провалилась в глубокий сон.

Было еще совсем темно, когда во сне Кэрол почувствовала знакомый запах и прижалась к теплому крепкому телу. Рука инстинктивно обвила мощную шею, а щека уткнулась в плечо.

— Алвеш, — прошептала она во сне.

В голове промелькнули какие-то воспоминания, но быстро унеслись прочь. Вдруг его рука коснулась ее волос, и она ощутила на губах пылкий поцелуй.

Это было похоже на воскрешение из мертвых. Каждая клеточка тела рванулась к жизни. Ответная реакция была такой неистовой, что она мгновенно проснулась.

— Алвеш!

И, задохнувшись от счастья, почувствовала, как его мощное тело буквально припечатало ее к кровати.

Алвеш стащил с нее ночную рубашку, губы коснулись ее груди. Горячая волна разлилась по всему телу. Не было ни единой мысли, ничего, кроме безудержного нарастающего желания.

Губы Алвеша ласкали низ ее живота, доставляя удовольствие столь необычайно приятное, что невозможно описать.

Она чуть не закричала, когда почувствовала его движение внутри себя, и уже не ощущала ничего, кроме безумного блаженства. Чувство было таким захватывающим, что хотелось, чтобы оно длилось вечно. Когда подошел момент кульминации, она застонала, купаясь в волнах наслаждения. Алвеш вздрогнул, каждый мускул его напрягся. Она обхватила его за шею и крепко прижала к себе, и он глухо застонал, как от непереносимой боли. Когда она вновь засыпала, в голове была одна-единственная мысль: она больше не сможет жить без него.

Везде и всегда люди обращали на нее внимание, оборачивались вслед. Пышная копна каштановых, отливающих золотом кудрей, необыкновенно длинные ноги, яркие цвета одежды, грациозность движений — все привлекало взгляды. Энергия, которую она просто излучала, делала эти взгляды долгими.

Пробравшись между столиками, Кэрол подошла к телефону-автомату и набрала нужный ей номер.

— Стив?

— Кэрол, извини меня... тут осложнения... кое-что произошло, — забормотал мужской голос на другом конце провода. — В общем, мне нужно вернуться в офис.

— Но...

Вдруг в трубке послышалось сдавленное хихиканье. Стив продолжал говорить, повысив голос, но его интонация как-то странно изменилась: будто он тоже еле сдержал смехок. Извинившись еще, заверив, что позвонит позже, он бросил трубку.

Вернувшись к своему столику в баре, где с друзьями праздновала свой день рождения, Кэрол изо всех сил старалась сохранить душевное равновесие.

— Где ты была? — спросила Энн.

— Звонила Стиву, — ответила Кэрол.

— Он еще не выехал? — Кэрол в ответ нервно пожала плечами. — Ты чем-то расстроена? — допытывалась подруга.

Больше всего сейчас не хотелось ничего объяснять. А тем более выслушивать наставления. Да, Стив Экройд был красивым, но совершенно невыносимым мужчиной. Несмотря на происхождение, образование, прекрасную работу.

— Господи, ну почему ты все время связываешься с такими типами! — не унималась Энн.

— Он не тип.

— Но ведь твой день рождения, а его нет!

Кэрол поправила лацканы пиджака и скрестила ноги, пытаясь хоть немного прикрыть их шифоновой юбкой, длину которой никак нельзя было назвать разумной. Эту юбку ей сегодня утром подарила Энн. Она была слишком короткой, но Кэрол надела ее, чтобы не обидеть подругу.

— Ну а какой предлог он нашел на этот раз?

— О, взгляни-ка на эти колеса, — перебила Кэрол, пытаясь сменить тему разговора.

Она потянулась к окну, всматриваясь в сверкающие серебром колеса роскошной машины, подкатившей ко входу в отель на другой стороне улицы.

— Что? — спросила Энн, поворачивая голову в том же направлении, но без особого интереса. Но вдруг, неожиданно встрепенувшись, воскликнула: — Взгляни-ка, кто выходит! Вот это мужчина!

— Прекрасная модель, — восхищенно произнесла Кэрол, не отводя взгляда от лимузина и совершенно не обращая внимания на его широкоплечего и темноволосого владельца. Она предпочитала блондинов.

— Так это же Алвеш де Оливейра! Я никогда не видела его живьем! — Энн, вытаращив глаза, не могла отвести от окна взгляда.

— Кто-кто? — спросила Кэрол.

— Если бы ты хоть раз сунула своей нос в газету, то тоже узнала бы его. Великолепен, не правда ли? И к тому же не женат.

— Да, у него отличные колеса. Он что, занимается машинами?

— Международный финансист, — внушительно произнесла Энн. — Недавно в газете писали о том, какое у него огромное поместье за городом. Понадобился целый миллион, чтобы его обновить.

Кэрол сморщилась. Финансы... Банки... Деньги... Она никогда не ходила в банк, ей там просто нечего было делать. В доме не было даже чековой книжки. А люди, которые имели дело с деньгами, вызывали у нее ужас. Когда-то некие безликие «представители банковской системы» привели семейный бизнес Хэммонов к банкротству и свели ее деда в могилу.

— О, а это, наверное, его нынешняя подружка!

Энн кивнула в сторону блондинки в мехах, выходящей из отеля.

Высокий, темноволосый, красивый, и рядом эта маленькая изящная женщина. Кэрол никогда не считала себя завистливой. Но эта пара, казалось, только что сошла с обложки журнала. Да, они были великолепны и вызывали восхищение. Аура особой изысканности как будто отделяла их от окружающего мира стеклянным колпаком.

— Живут же люди, — вздохнула Энн с нескрываемой завистью.

— Но почему так скучно? Давайте же веселиться! — воскликнула Кэрол, обратившись к своим гостям, и мило улыбнулась.

Черт побери, где же этот поворот! Кэрол ругала себя за то, что не осталась у Энн ночевать, как хотела сначала. Но Энн в этот вечер настроилась откровенничать, и слушать ее совершенно не хотелось. Наверняка заговорит о Стиве, будет опять бередить эту занозу, которая засела в сердце. Почувствовав это, Кэрол вдруг резко поднялась и заявила, что отправляется домой.

Было уже три часа ночи, темно и ни одной машины на дороге. Непонятно, каким образом, но по-видимому, она заблудилась. Вглядываясь в темноту, никак не могла найти нужный поворот. Глаза закрывались от усталости, и Кэрол, подумав о постели, с удовольствием зевнула и стала тереть слипающиеся глаза. Вдруг в свете фар, прямо перед носом, неизвестно откуда взявшись, появилась машина.

В ужасе Кэрол резко нажала на тормоз, завизжали шины, раздался скрежет и звон стекла затем наступила жуткая тишина. Сразу возникла мысль о людях в той, другой машине. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, и ничего не было видно. Дверца с трудом, но открылась, и она выбралась из своей выдавшей виды «мазды».

— С вами все в порядке? У вас есть пассажиры? — дрожащим голосом проговорила она в темноту. О Боже, лишь бы реакция у другого водителя оказалась лучше, чем у нее! — Господи! — вскрикнула Кэрол, увидев, что весь перед стоявшей перед ней машины смят.

Тяжелая рука опустилась ей на плечо. Кэрол была отнюдь не маленького роста, к тому же на каблучках, но человек, появившийся рядом с ней, был намного выше.

— В чем дело? — Голос звучал резко, с сильным акцентом. Человек развернул ее к себе. — Вы что, забыли, что эта улица с односторонним движением?! — проговорил незнакомец с нарастающим бешенством.

Сказав эти ужасные вещи, он оттолкнул ее, повернулся и быстро пошел к своей машине. Как улица с односторонним движением?! Какое наглое заявление! Кэрол открыла было рот, чтобы возмутиться, но тут буквально в нескольких метрах увидела дорожный знак. Да, одностороннее движение. Она просто не заметила знака, въезжая на эту улицу. Значит, в дорожном происшествии виновата только она сама. Эта мысль была так ужасна, что затряслись коленки и пришлось прислониться к дверце «мазды», чтобы не упасть. Шофер лимузина, в который она врезалась, что-то делал в салоне машины. О Господи, неужели я кого-то убила? Сейчас она

впервые внимательно взглянула на вторую машину, и та показалась безумно знакомой, хотя выглядела как-то иначе, чем днем. Но колеса не оставляли сомнений. Итак, она врезалась в «линкольн» стоимостью в четверть миллиона...

Безумно захотелось упасть на асфальт и забиться в истерике. Это, разумеется, не первое ее дорожное происшествие, но, несомненно, худшее. Как же имя этого парня?

— Что вы собираетесь делать? — спросила она слабым голосом, приближаясь к «линкольну», рядом с которым, о чем-то размышляя, остановился темноволосый красавец.

— Звонить в полицию, — решительно произнес он. — Надеюсь, вам это понравится.

— П-полицию? — запинаясь и бледнея, произнесла Кэрол, чувствуя, что ее охватывает дикий ужас.

— Естественно. Почему бы вам не сесть в ваше средство передвижения и не подождать там их прибытия?

— Неужели нам так необходима полиция? — дрожащим голосом пролепетала она. Одно только слово «полиция» вызывало тошноту.

— Конечно же, нам нужна полиция.

Кэрол сделала нерешительный шаг вперед.

— Пожалуйста, не звоните, не надо, — умоляюще прошептала она.

— По-моему, надо проверить вас на наличие алкоголя в крови.

— Я не пила, честное слово. Нам совсем не нужна полиция. Давайте обойдемся без них.

— Предполагаю, что они захотят с вами познакомиться поближе.

Алвеш де Оливейра бросил на нее раздраженный взгляд.

Кэрол не могла даже думать о полиции. Всю свою сознательную жизнь, как ни старалась, не могла отделаться от того детского страха, который испытала когда-то перед людьми в форме, выгнавшими их из дома.

— Пожалуйста, давайте скажем полицейским, что мы не совсем посторонние люди, — взмолилась Кэрол.

— Думаю, это не поможет. Да, тяжела жизнь на улице, — пробормотал он, окидывая взглядом ее фигуру и видя трясущиеся руки.

О чем он говорит? Кэрол старалась сконцентрироваться на его словах.

— Давайте решим нашу проблему без полиции, — взмолилась она снова. Но он повернулся и пошел к телефону-автомату, стоявшему невдалеке на обочине. Кэрол поплелась вслед.

Какая-то машина проехала мимо них, и водитель сбавил скорость, чтобы рассмотреть происходящее.

Сверкающие черные глаза незнакомца снова через плечо окинули ее фигуру изучающим

взглядом, остановившись на бледном лице. Но пальцы начали набирать номер телефона.

— Не думаю, что это возможно. Это единственная область, где я предпочитаю иметь дело с любителями.

— С любителями?—переспросила Кэрол в недоумении.

Теперь пришла ее очередь думать, что он пьян. И тут она услышала голос в трубке — дежурный полицейский отвечал на другом конце провода. И паника с новой силой охватила ее. Кэрол бросилась в будку и выхватила из его рук телефонную трубку с такой силой, что что-то хрустнуло.

Он железной хваткой сжал ее запястье. Силы оставили девушку, слезы градом покатались из глаз. Показалось, что этот человек вот-вот потеряет контроль над собой, расвирепееет окончательно. Однако голос полицейского на другом конце провода оборвался.

— Вы напали на меня! — зарычал он.

— Просто я не хотела, чтобы вы звонили в полицию, — на одном дыхании произнесла Кэрол. — Ну что вам от того, что меня арестуют?

— Перестаньте орать, — прошипел он. — Вы разбудите всех окрестных жителей.

— Я не ору, а если заору, это будет совсем другое дело, — пробормотала Кэрол сквозь слезы.- Как вы думаете, что будет с моей страховкой?

Он взглянул удивленно.

— У вас есть страховка?

— Конечно, у меня есть страховка.

Кэрол уже с большим трудом держала себя в руках. Он был так агрессивен, что ее паника усиливалась.

— Дайте мне координаты своей страховой компании и напишите заявление, в котором возьмете всю вину на себя, и я отпущу вас, — произнес он с нескрываемым облегчением.

— Что?

— Да еще пять минут в вашей компании, и я смогу понять, почему люди кончают жизнь самоубийством! Пожалуй, я примкну к движению против женщин за рулем.

Черт возьми, какое свинство! Всхлипывая и размазывая тушь по щекам, она с трудом подавила в себе желание ответить грубостью. В конце концов, виновата во всем она. На его месте она, наверное, тоже жаждала бы крови. Подумав о крови, несчастная девушка машинально взглянула на свое запястье, на котором стали проступать багровые пятна от стальных клещей Алвеша де Оливейры.

Он выдернул листок бумаги из блокнота и протянул его вместе с ручкой.

— Напишите сами, что следует, а я подпишу, -предложила Кэрол.

— Необходимо, чтобы все было написано вашей рукой.

Он стоял рядом и диктовал. Каждый раз, когда с его губ слетало длинное, трудное слово, Кэрол втягивала голову в плечи. Щеки Кэрол пылали от стыда. В детстве ей редко удавалось ходить в школу. Да она никогда и не испытывала потребности учиться, предоставленная полностью самой себе. Конечно, теперь, и особенно после того как она стала жить у Эванса, все изменилось, но она так и не научилась грамотно писать. Когда-то решила, что слишком ленива и не любознательна, чтобы учиться, и махнула на это рукой.

— Ну, ладно, так пойдет, — неожиданно согласился Алвеш де Оливейра и, сложив листок бумаги в несколько раз, спрятал его в нагрудный карман. Увидев, что он опять оглянулся на телефон, она поспешно назвала страховую компанию. — Я сейчас попытаюсь вызвать грузовик, чтобы отогнать наши машины, — произнес он без всякого выражения.

— О, спасибо, — смущенно пробормотала Кэрол и отошла в сторону, мысленно подсчитывая, сколько могут стоить такие услуги. — Мне очень жаль вашу машину, она великолепна, — со вздохом произнесла Кэрол, когда он закончил разговор.

— Я вызову такси для вас?

Кэрол нервно рассмеялась. Она жила почти в центре Бостона, в шестидесяти милях отсюда. И плата за такси составит ее недельный заработок, а то и больше.

— Забудьте об этом, — сказала она.

— Я заплачу за такси.

— Это ни к чему.

— Все-таки я настаиваю. — И он вынул бумажник из кармана.

— А я говорю «нет», — оборвала Кэрол и поспешила сменить тему разговора, — Холодно для мая, не правда ли? — Отбросив волосы со лба, она нахмурилась, застегнув пиджак и кутаясь в шарф.

— Сейчас придет такси, и вы можете ехать.

— Я же сказала «нет»! Я сама дождусь грузовика.

— Не спорьте же, в конце концов. Я сам за всем прослежу, — хрипло ответил он.

— Послушайте, на самом деле, это не моя машина...

— Что?.. — Он удивленно уставился на нее.

— Она принадлежит одному пожилому человеку, у которого я живу. Я только иногда езжу на ней, — пояснила девушка.

Черные глаза неотрывно смотрели на нее. Вдруг Кэрол поймала себя на том, что тоже пристально разглядывает черты лица незнакомца. До сих пор, собственно, толком она не успела его рассмотреть. В ней вдруг проснулся художник, и оказалось, что это лицо могло бы стать прекрасной моделью для портрета.

— Насколько же стар ваш пожилой человек? — спросил Алвеш де Оливейра.

— Настолько, насколько он сам это чувствует, — рассмеялась Кэрол. — Гарри говорит, что он

чувствует себя на пятьдесят в хорошие дни и на семьдесят в плохие. Но я подозреваю, что его настоящий возраст ближе к последней цифре.

— А сколько же тебе лет?

— Двадцать один, — ответила Кэрол и, взглянув на часы, добавила: — И четыре с половиной часа.

— Так вчера был твой день рождения?

— Да, день рождения. А сегодня я уже должна работать.

— Такое случается, — сказал он каким-то напряженным голосом.

— А мой друг обманул меня.

Эти последние слова сорвались как-то неожиданно. Она вовсе не собиралась их произносить. Может быть, потому, что весь вечер молчала и старалась не думать о Стиве.

— Это... твой старик?

Наверное, она выразилась неточно, он явно ее не понял. Может быть, он вообще плохо понимает английский?

— Да нет, не Гарри, конечно.

— А ты не думала о другой работе? О чем-нибудь таком, что позволит тебе по ночам быть дома... Хотя, возможно, и нет...-пробормотал себе под нос Алвеш де Оливейра.

Разве она упоминала о своей работе? Кажется, нет. От этой нервозности все в голове перепуталось. И ужасно хотелось спать. Подавив очередной зевок, Кэрол вздохнула.

— Мою работу, конечно, нельзя назвать хорошей, к тому же она очень скучная. Но она хотя бы позволяет мне оплачивать жилье.

— Он что, берет с тебя плату за жилье?

— Конечно, хотя и не очень большую. — Она снова зевнула, стараясь прикрыть рот рукой. — Гарри хотел было сделать из меня что-то вроде экономки. Но, честно признаться, я не очень люблю заниматься домашним хозяйством. И это-то ему во мне и нравится. Очень сложно объяснить, что он за человек.

— Скажи, ты всегда делишься с первым встречным интимными подробностями своей жизни? — Эти слова Алвеш произнес тоном, в котором она вдруг почувствовала восхищение.

Кэрол немного подумала, а затем утвердительно кивнула, хотя слова «интимные подробности» ей не очень-то понравились. Друзья обычно отмалчивались или притворно охали, незнакомые люди просто слушали ее, погруженные в свои собственные мысли. Ни то, ни другое почему-то не сделал человек, стоящий сейчас перед ней. Он был для нее совершенно незнакомым типом мужчины, из какого-то другого мира. И она подумала, что он чем-то напоминает реку, глубокую и быструю.

— Вы, кажется, финансист, — заметила она только для того, чтобы как-то поддержать разговор.

— Как, черт возьми, ты догадалась? — удивленно воскликнул тот.

В недоумении Кэрол уставилась на него.

— Просто видела вас сегодня днем, и моя подруга сказала мне, кто вы.

— А потом совершенно неожиданно ты врезалась в мою машину? Не слишком ли много совпадений для одного дня? — неожиданно грубо спросил Алвеш де Оливейра.

— Да, редкое везение! Если бы я раскинула картишки сегодня утром, то вряд ли вообще вылезла бы из постели.

— Картишки? — как эхо повторил он.

— Ну, гадальные карты. Все последние дни я боролась с искушением предсказать себе свою судьбу. Хотя, как выясняется, иногда полезно знать, что тебя ожидает.

— А я не верю в такого рода совпадения — произнес задумчиво Алвеш. — Признайся, ты намеренно устроила эту встречу со мной?

— Вы очень плохо воспитаны, — пробормотала Кэрол, укоризненно покачав головой. — И слишком навязчивы.

— Навязчив? — вскричал Алвеш. — Ты смеешь говорить, что я навязчив?!

Кэрол возмущенно мотнула головой.

— Вам не кажется, что пора наконец ехать домой. Даже для такого кутилы, как вы, уже слишком поздно.

— Кутилы? — повторил он, задохнувшись от возмущения.

— Мистер Оливер... или как вас там...

— Алвеш... де... Оливейра, — произнес он очень медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, словно имел дело с законченной идиоткой.

— Да, да. Это очень странно. Думаю, мне не стоит объяснять, вы и сами понимаете, как самоуверенно считать, что совершенно незнакомый человек врезается в вашу машину намеренно, только чтобы познакомиться с вами, — тоже медленно и отчетливо проговорила Кэрол. — Не говоря уже о том, что я могла просто погибнуть в этой автокатастрофе.

Бросив быстрый взгляд из-под черных длинных ресниц, он задумчиво произнес:

— Я знаю женщин, готовых пойти на любой риск ради нужного им знакомства.

— Интересно, почему? — сказала она и тут поняла, что зачем-то произнесла эти слова вслух, вместо того чтобы подумать про себя. — Да... то есть я хотела сказать... что... мистер де Оливер...

— Де Оливейра, — резко оборвал он.

Грубость — это, пожалуй, то слово, которое хоть как-то могло определить его реакцию. Он был в бешенстве. Но успокаивать его она не собиралась. Да и сил уже просто не было. Кэрол

посмотрела на пустынную тихую улицу.

— Кто-то говорил об аварийной службе, — вздохнула она. — Кажется, мы торчим здесь уже несколько часов.

— Еще полчаса вашей невыносимой, бездумной болтовни, и я...

— Неужели вы сейчас раздражены больше, чем когда-либо? Ну, ну, все о'кей. Я не обиделась на вас — улыбнулась Кэрол. — Вы либо любите, либо ненавидите — третьего не дано. Но для вашей собственной пользы следите за давлением и займитесь чем-нибудь успокаивающим. Например, садоводством. Такие парни, как вы, обычно умирают от инфаркта в сорок пять!

Не обращая никакого внимания на неожиданно выступивший румянец на его щеках, Кэрол посмотрела через его плечо вдаль и неожиданно воскликнула:

— Ну наконец-то едет!

Потом быстро направилась к своей «мазде» и, встав коленями на переднее сиденье, начала торопливо переключать содержимое бардачка себе в сумочку: какие-то бумаги, счета, сломанные карандаши и другой мусор.

— Надеюсь, вы сообщите недостающие данные о вашей страховке завтра моему секретарю. Вот номер телефона.

Машинально сунув карточку с номером в карман, она продолжала вынимать из машины свои вещи.

— Если вы не позвоните, я сообщу в полицию.

— Слушайте! В конце концов, чего вы добиваетесь? Хотите, чтобы ночью у меня были кошмары с вашим участием?! — беспомощно воскликнула Кэрол. — Я законопослушная гражданка.

— Я не могу доверять вам, не имею для этого никаких оснований, — ответил Алвеш де Оливейра тоном, очень далеким от вежливого.

— Но ведь вы не хотите, чтобы я потеряла права, не так ли? — Кэрол пристально смотрела на него ярко-зелеными глазами. — Мне потребовалось много лет, чтобы получить их. И труда. Экзаменаторы безжалостно мучили меня. Но ведь у всех свои недостатки. Может быть, я действительно плохо вожу машину. Но, честное слово, это самое большое дорожное происшествие, которое случилось со мной когда-либо. И постараюсь быть более осторожной в будущем... Могу поклясться чем угодно...

— О! Замолчи, пожалуйста!

— Что вы сказали? — удивленно уставилась на него Кэрол.

— Я хотел сказать, чтобы ты позвонила своему другу. Пусть заберет тебя отсюда.

— Но он наверняка скажет, что его машина не в порядке и что уже слишком поздно.

— Но должен же быть хоть кто-то, кто мог бы забрать тебя!

— Чтобы в четыре утра везти меня в Бостон?

Кэрол произнесла это таким тоном, словно ее удивлению не было границ.

— Но я не собираюсь делать крюк к твоему дому, — прямо заявил Алвеш де Оливейра.

Так, значит, он тоже направлялся в город.

— А я не собиралась просить вас об этом. Почему бы вам наконец не уехать и не оставить меня одну?

— Может быть, это звучит глупо и ты привыкла разгуливать одна по улицам ночью, но мне чрезвычайно трудно, как джентльмену, бросить тебя здесь.

— Может быть, мне стоит напомнить вам, хоть на минуту, что это я повредила вашу великолепную машину... Ничего, не волнуйтесь, со мной все в порядке. Просто у меня не было большого опыта в общении с такими джентльменами как вы. Мне доставались одни подонки...

Наступило молчание.

— Так не забудь позвонить завтра моему секретарю.

Но Кэрол уже не слушала его, направившись к шоферу грузовика. Подойдя к кабине, она попросила оттащить ее «мазду» к ближайшему гаражу. Но когда водитель объявил, сколько это будет стоить, она беспомощно развела руками.

— Я не могу заплатить сейчас. У меня нет с собой столько денег.

— Я позабочусь об этом, — слышался сзади голос Алвеша де Оливейры.

Она состроила забавную рожицу.

— Но я не прошу вас это делать! — запротестовала она.

— Я сказал, что заплачу! — прорычал тот.

Кэрол так устала, что не было больше никаких сил пререкаться. Она просто кивнула, соглашаясь. Повернулась и пошла прочь.

— Куда ты идешь?

— На остановку автобуса, — бросила она через плечо. Ну почему он не оставит ее в покое. Какого черта! Зачем ему знать, как она собирается добираться до дому.

— Святая Дева Мария! — вскричал Алвеш. — До утра здесь не будет ни одного автобуса.

— Ну что ж, мне осталось ждать всего пару часов.

— Я подброшу тебя, — процедил он сквозь зубы.

— Забудьте об этом.

— Я сказал, что подброшу, но только при одном условии: ты не будешь открывать свой рот.

— Я предпочитаю автобус. Это более демократично. Там мне позволят дышать, то есть, как вы понимаете, вдыхать кислород. Но все равно спасибо.

Но когда около нее остановился «линкольн», сонные зеленые глаза расширились от удивления. Она-то думала, что он поймает ей такси. Но быть подброшенной до дома на настоящем лимузине... Устоять было невозможно.

— Мистер де Оливейра! — воскликнула Кэрол.

— Может быть, ты изменишь свое решение, — произнес он, не поворачивая головы. — Должно быть, это очень глупо...

— Что?

— Дай моему шоферу адрес, а потом замолчи, ради всего святого.

Кэрол назвала свой адрес и забралась на заднее сиденье машины.

— Скажите, а вы всегда... Ой, простите! Я забыла!

Лимузин плавно отъехал от обочины. Ее спутник нажал на какую-то кнопку, и вдруг на глазах незаметная деревянная панель сдвинулась в сторону, и ее взору предстал великолепный бар.

— Ого! — восхищенно произнесла она.

— Хочешь выпить? — просто спросил он.

— Нет, спасибо. Мой отец был алкоголиком. И может быть, вы и не поверите, но я вообще не прикасаюсь к спиртному.

Он налил себе виски и залпом выпил.

— Мне кажется... — начала было Кэрол, но тут же замолкла, вспомнив о своем обещании.

— Что кажется? — спросил он. — Так что?

— Я хочу сказать, что у нас мало общего, не так ли? И эта встреча такая странная... — Кэрол еще что-то пробормотала, но уже совсем тихо. В машине было тепло, урчал мотор. Она откинула голову на подушку, уже не в силах бороться со сном.

Кто-то грубо тряс ее за плечо. С трудом открыв глаза, она почувствовала, что лежит лицом на чем-то похожем на подушку, но совсем жестком и незнакомом. Она быстро села.

— Ты пошутила? Ты же не можешь здесь жить, — в недоумении произнес Алвеш де Оливейра. — Или шофер неправильно запомнил адрес?

Кэрол взглянула на знакомый, в георгианском стиле дом с террасой, все еще элегантный, хотя совсем ветхий и обшарпанный, который был ее убежищем весь последний год.

— Почему вы решили, что это шутка?

Она попыталась открыть дверцу машины, но та не поддавалась.

— Я и представить себе не мог, что какая-то проститутка может жить в доме, который стоит миллион!

Проститутка? О Боже, значит, он принял ее за... Думал, что она продает свое тело за деньги?

Ужасно! Кэрол уставилась на него долгим, полным изумления и страха взглядом. А в голове стучала одна и та же навязчивая мысль: «Он совсем неправильно все понял! Совсем неверно!»

— Вы решили, что я уличная?.. — наконец проговорила она с трудом. В глазах была надежда, что все это лишь шутка. Однако этот человек вовсе не шутил. И Кэрол охватил гнев. — Да как вы смеете! Откройте дверь! Иначе я разобью стекло! — кричала Кэрол, дергая все ручки подряд.

Черные брови в недоумении поползли вверх.

— А ты что, хочешь сказать, что нет?

— Конечно нет! — Кэрол не понимала, как такое вообще могло прийти ему в голову. — Меня никто никогда еще так не оскорблял!

— Но ты одета как...

— Как кто?

Господи, неужели все из-за этой слишком короткой юбки, которую она надела только ради Энн.

— И ты поймала меня, как самая дешевая шлюха, — добил он ее окончательно.

— Поймала вас? — Она изо всех сил старалась взять себя в руки, и лишь изумрудные глаза сверкали гневом. — Я... поймала вас?.. Вы что, сошли с ума?

— Ты предложила себя мне.

— Что сделала? Вы что, идиот! Выпустите меня сейчас же! Я не чувствую себя здесь в безопасности. Если бы хоть на секунду могла представить себе такое, ни за что на свете не села бы в вашу машину!

— Теперь пытаешься убедить меня, что ты не проститутка?

— Да как вы вообще могли такое подумать? Да еще, что я поймала вас! — накинулась на него Кэрол, словно дикая кошка, уже не сдерживаясь. — Да ваша машина рисковала больше, чем вы! Что с того, что мои вещи не новые, что я говорю и пишу не очень правильно. Разве это означает, что у меня нет принципов! Если это вам так интересно, можете узнать, что я вообще девственница!

Он расхохотался как безумный. Не помня себя от гнева, Кэрол бросилась на него с кулаками. И тут же почувствовала, как пара крепких рук железной хваткой сжала ее запястья. В ту же секунду она оказалась крепко прижатой к его сильному телу.

— Девственница?! — воскликнул он, все еще смеясь. — Может быть, не проститутка... но определенно не девственница.

— Отпустите меня!

Секунду он смотрел в зеленые кошачьи глаза. И в это короткое мгновение внутри у нее что-то произошло. Где-то в глубине, под ложечкой возникло странное ощущение, и все тело покрылось мурашками. Стало трудно дышать, каждый мускул напрягся. Кэрол застыла в смятении, чувствуя, как от желания набухает грудь и становятся твердыми соски.

— Так что же ты делаешь сегодня вечером? — выдохнул Алвеш де Оливейра.

Потрясенная такой реакцией своего тела на близость практически незнакомого ей мужчины она молчала, словно не слыша вопроса.

— Как же вы проводите время с твоим Гарри?

— Оставьте меня в покое... Мне нехорошо, — дрожащим голосом прошептала Кэрол. И это была правда.

Он с интересом взглянул на нее, словно увидел в первый раз. Потом неожиданно нахмурился, У девушки появилось странное чувство, что он не меньше, чем она сама, сейчас расстроен своим поведением.

— Я поговорю с вашим секретарем завтра, — пробормотала Кэрол. Нервы были так напряжены, что, казалось, лопнут в любую секунду.

Он нажал кнопку. Шофер вышел и открыл дверцу машины в полнейшем молчании. Кэрол вылетела из автомобиля как пробка из бутылки и кинулась к дому. Вынув дрожащими руками из сумочки ключи, она с трудом попала в замочную скважину. Когда же, в конце концов, удалось открыть дверь, она бросилась под спасительную крышу темного дома и с треском захлопнула дверь. Только сейчас, когда между ними наконец появилась преграда, она почувствовала себя в безопасности. Раздался шум отъезжающего лимузина.

Кэрол испытала настоящий шок. Такого никогда не было ни с одним мужчиной. Ясно, что в эту ночь она стала пленницей самого сильного человеческого чувства — сексуального влечения. Но она могла гордиться собой — здравый смысл победил. Хотя она и бежала с поля боя, словно заяц.

2

В кромешной темноте, то и дело спотыкаясь о кучи старых книг и газет, тут и там сложенных на ступеньках лестницы, Кэрол наконец добралась до второго этажа, где находилась «студия». Все еще дрожа как осиновый лист, она зажгла свечу у изголовья кровати и присела, чтобы отдышаться. В эту минуту хотелось только одного — больше никогда не видеть этого человека! Впрочем, нет необходимости волноваться. Вряд ли это может когда-нибудь произойти, уговаривала она себя. Но все равно продолжала дрожать.

«Я следую своим чувствам. Они никогда не обманут», — однажды сказала Ребекка, считавшая, что не надо обращать внимание на окружающих и думать о прошлом. Ее мать в отношениях с мужчинами была похожа на пилота-камикадзе. Каждый более или менее подходящий мужчина в радиусе ста миль непременно попадал в поле ее зрения и был вынужден остановиться около нее на денек-другой. А лишь затем отправлялся дальше своей дорогой. Но Ребекка продолжала, хотя и безуспешно, убеждать себя и свою дочь, что уж следующий непременно будет особенным, не таким, как все предыдущие. И никто не имел ни малейшего понятия о том, как сильно страдала Кэрол от такого отношения мужчин к матери.

Когда Кэрол спустилась вниз на следующее утро, Гарри в своих видавших виды домашних тапочках был уже на кухне, такой же древней, как и весь дом. Пришел счет за газ. Вынув бумагу из почтового ящика, он рассматривал ее с уже знакомым Кэрол выражением лица. Такое лицо он делал всякий раз, когда получал какие-нибудь счета. За этим обычно следовали вопросы о том, как часто она пользовалась плитой или электрическим чайником. Единственной целью в жизни Гарри было сэкономить как можно больше денег.

Но это был его единственный недостаток. Он любил повторять, что у каждого человека есть пунктик. И этот пунктик становится все более заметным с годами. Однако за грубыми, иногда неприятными манерами скрывалась доброта. У Гарри была куча процветающих родственников, которые с нетерпением ждали его смерти, чтобы поскорее продать дом и поделить полученные деньги. Никто из них не навещал его с тех пор, как они попытались уговорить Гарри жить в доме для престарелых, а он в ответ пригрозил, что оставит их без наследства.

— Я разбила машину прошлой ночью, — коротко произнесла Кэрол.

— Снова? — Гарри поежился, словно от холода, хотя на нем была старая шерстяная кофта.

Стыд и чувство вины охватили девушку.

— Это не будет стоить тебе ни гроша! — поклялась она.

— А у меня и нет ни одного гроша! — Это были привычные слова, когда возникала хоть малейшая угроза залезть ему в карман.

— Ведь для этого существует страховка, — победно заявила она, надеясь избежать ссоры. — Ты не успеешь и глазом моргнуть, как «мазда» уже будет как новенькая.

Поднявшись к себе наверх, она откопала страховой полис и вспомнила, что подтверждения об уплате последнего взноса не получила. Вряд ли это будет иметь значение, успокоила она себя.

Кэрол направилась к телефону, не обращая внимания на Гарри, который настаивал, чтобы телефоном пользовались только в исключительных случаях. Девушка из страховой компании была очень дружелюбна, пока Кэрол объясняла ей подробности несчастного случая, но потом на минутку прервала разговор, чтобы уточнить данные страховки.

— Извините, мисс Хэммон, — снова раздался в трубке уже совсем не столь любезный голос, — но на момент несчастного случая вы не были застрахованы в нашей компании.

— Как так?! — в недоумении воскликнула Кэрол.

— Ваш взнос мы должны были получить не позднее вторника. К сожалению, он пришел двумя днями позже.

— Но...

— Вам были даны ограниченные сроки для взносов.

— Но я...

— Мы возвратим вам взнос по почте. Деньги не получены в срок, и вы автоматически исключены из списка клиентов нашей компании, — жестко сказала девушка и повесила трубку.

Кэрол совершенно растерялась. Что же теперь делать! А ведь во всем виноват Гарри. Этот противный скупердяй считал, что пошлина на перевод денег в страховую компанию слишком велика, и заставил ее колесить по городу в поисках места, где это было бы дешевле. На это ушла масса времени, и она опоздала с переводом. Тут Кэрол вспомнила, что должна позвонить секретарю Алвеша де Оливейры. Вынув из кармана карточку с телефоном, которую дал ей Алвеш, она уставилась на нее отсутствующим взглядом. Как теперь звонить и говорить, что у нее

нет страховки?! О Господи, какое чудовищное стечение обстоятельств!

«Линкольн»... Кэрол охватил гнев. А как же «мазда» Гарри? Теперь долги до конца ее дней. Может быть, даже придется сесть в тюрьму! Ведь этот чертов аристократ получил от нее бумагу, в которой написано черным по белому, что она ехала не по той стороне дороги и что столкновение произошло по ее вине.

Час спустя Кэрол уже была в приемной господина де Оливейры со своей самой невинной и приятной улыбкой.

— Я секретарь мистера де Оливейры, мисс Атс. Но у меня нет сведений о вашем приходе, мисс... мисс Хэммон. Вы теряете и мое и свое время, — мягко, но настойчиво пыталась остановить ее секретарь.

— Но я же вам объясняю. Он, вероятно, забыл об этом. Он поздно вернулся сегодня ночью! — в отчаянии Кэрол повысила голос. — Я прошу вас только передать мою записку.

— Если вы сейчас же не уйдете отсюда, я буду вынуждена позвать охрану.

— Сегодня в четыре утра Алвеш сказал мне, чтобы я позвонила секретарю! — сделала последнюю попытку Кэрол.

— Мистеру де Оливейре не нравится, когда его беспокоят.

— Еще больше ему не понравится то, что я сообщу, — пробормотала не очень разборчиво Кэрол и уселась на диван, давая понять, что не уйдет отсюда, пока не дожидется приема.

Мисс Атс исчезла. Брюнетка, сидевшая за другим столом в приемной, так смотрела на девушку, словно боялась, что та смахнет со стола дорогую хрустальную пепельницу или что-то украдет. Спустя две минуты появилась мисс Атс, красная и смущенная.

— Пройдите сюда, пожалуйста...

Кэрол пошла за ней, сунув руки в карманы юбки и нервно сжимая в кармане пачку сигарет, которую зачем-то купила по дороге.

— Какого черта ты тут делаешь? — донесся до нее голос Алвеша с другого конца необъятного кабинета, куда ее пригласила мисс Атс.

Кэрол оглянулась вокруг с нескрываемым любопытством, и лишь потом посмотрела на мистера де Оливейру. Оказалось, что в нем было больше шести футов роста. Широкоплечий и длинноногий. Перед Кэрол стоял микеланджеловский Давид в современной дорогой одежде: темно-синий в тонкую полоску костюм, белоснежная рубашка и в тон костюму темный галстук. Вероятно, в торжественных случаях он надевал какой-нибудь яркий галстук и был еще более элегантен. «Давид» взглянул на нее, как на компьютер, на экране которого должна вот-вот появиться важная информация.

Кэрол гордо вскинула голову и прямо посмотрела ему в глаза.

Оказалось, что и глаза у него поистине божественные. Вчера ночью они показались черными, разглядеть их было невозможно. Но сейчас Кэрол поразились. Глаза были... золотые. На самом деле карие, но сверкали золотыми искорками, эффектно выделяясь на бронзовом от загара лице. Теперь глаза дразнили и горели. Глаза — зеркало необузданной души. «О! — сказала

себе Кэрол, — этот парень хочет меня».

— Я спрашиваю, что ты здесь делаешь. — Алвеш де Оливейра нетерпеливо повторил свой вопрос.

Кэрол с трудом отвела взгляд от его лица, отметив про себя, что связь, возникшую между ними секунду назад, не так-то легко порвать. И тут же смутилась и покраснела от этой мысли.

Стараясь взять себя в руки, запинаясь, произнесла:

— Я написала об этом в своей записке.

— А что, в частности, означает фраза «У нас проблема»? Кстати, слово «проблема» пишется через «о», а не через «а».

— Постараюсь запомнить.

Кэрол уставилась на мыски своих ковбойских сапог. И неожиданно для себя вынула из кармана пачку сигарет и спички. Она так нервничала, что никак не удавалось зажечь спичку. Но вдруг и сигарета и спички почему-то выскользнули из рук и через секунду оказались в корзине для мусора.

— Вы что, боретесь с курением? — попыталась возразить девушка. И вдруг почувствовала, что никогда в жизни ей не нужна была сигарета так, как сейчас. — Только одну, ну пожалуйста.

— Не надо быть такой настойчивой. Это тебе не поможет, — усмехнулся Алвеш де Оливейра. — Так что за проблема? — Кэрол с трудом глотнула и глубоко вздохнула. — Ты выглядишь виноватой, — снова усмехнулся Алвеш. — И если мои подозрения окажутся верными, то ты отсюда отправишься напрямик в полицию.

Кэрол судорожно облизала неожиданно ставшие сухими губы. Глаза цвета закатного солнца скользнули по ее лицу, на секунду задержавшись на губах. В воздухе повисла напряженная тишина.

Выкладывая перед ним на стол страховое свидетельство, она чувствовала себя будто в безвоздушном пространстве, двигаясь в каком-то замедленном темпе.

— Я сяду?

— Разрешите мне сесть, — автоматически поправил он. — Нет.

И стал внимательно изучать бумагу.

— Видите, страховка закончилась в понедельник, — извиняющимся тоном произнесла Кэрол. — Я сделала очередной взнос и думала, что все в порядке. Но когда я позвонила в компанию сегодня утром...

Золотые глаза остановились на съежившейся фигурке.

— Так ты ездил без страховки, когда врезалась в меня...

— Но ведь не намеренно же! — выдохнула Кэрол, взмахнув обеими руками. — Я не имела ни малейшего представления об этом. Была уверена, что все в порядке. Я же отправила деньги. И если бы не случилось этого несчастного происшествия, они бы получили деньги и возобновили

мою страховку.

— Ты оправдываешься, — ледяным голосом произнес мистер де Оливейра.

— Не оправдываюсь. Я только пытаюсь все объяснить, — запротестовала девушка.

— Пункт первый — если ты не имела страховки, когда столкнулась с моей машиной, то все случившееся — только твоя вина. Пункт второй — если ты ездил без страховки, тебя могут привлечь к ответственности через суд.

— Но...

— И пункт третий — я поступил очень недальновидно, позволив тебе избежать встречи с полицией после преступления, которое ты совершила вчера ночью.

— Какого преступления?.. — запинаясь произнесла Кэрол, чувствуя в этих его словах какой-то подтекст, скрытую агрессивность. — Я же не специально все это совершила. Ведь с каждым может случиться такое! Кругом сейчас такая ужасная путаница...

— Для тебя, но не для меня. — Алвеш взглянул на нее тяжелым взглядом. — Когда я проинформирую обо всем мою страховую компанию, они наверняка будут настаивать, чтобы я написал заявление в полицию, и тогда тебя в принудительном порядке заставят выплатить непообразимую сумму.

Кэрол побледнела.

— Пожалуйста, не сообщайте в полицию. Как-нибудь я выплачу вам деньги... Я обещаю!

— Что, твой Гарри мне заплатит?

— Нет, — пробормотала уже совсем еле слышно Кэрол.

— У меня уже есть перечень необходимых работ по починке машины и их стоимость. — Он протянул ей бумагу.

Посмотрев на список, Кэрол почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног. Сейчас она упадет в обморок.

— Мне почему-то кажется, что ты не сможешь выплатить такую сумму.

— Да, это невозможно, — беспомощно произнесла Кэрол и мысленно добавила: «Даже если всю оставшуюся жизнь буду голодать и ходить оборванная».

Однако факты были налицо. Где-то в глубине души еще теплилась надежда, что они смогут прийти к какому-нибудь соглашению. Но, с другой стороны, не будет же он сам платить за починку своего «линкольна», а потом двадцать лет ждать, когда она вернет ему деньги. Холодный ужас охватил ее.

— Значит, без полиции не обойтись, — просто и прямо заявил он. — Ты в очень тяжелом положении, красотка.

— Не смейте говорить со мной так.

— Я пожалел тебя прошлой ночью, но когда ты пришла сюда, то сделала очень большую

ошибку, — холодно проговорил он. — Ты думала, что достаточно показать свои вызывающе длинные ноги, и я тут же соглашусь со всем...

— Я вовсе так не думала, — с трудом понимая, о чем идет речь, произнесла Кэрл.

На секунду показалось, что все это она уже где-то слышала. Захотелось бежать отсюда куда глядят глаза, вернуться к прежней жизни, где нет громких имен, лимузинов, крупных воротил бизнеса. Как вообще могла прийти в голову такая нелепая идея, что она сможет начать новую жизнь здесь, в большом городе, и забыть все, что было раньше?

— Ты никуда не сбежишь, — жестко произнес он, словно догадавшись, о чем она думает.

— Вы не можете держать меня здесь, — заикаясь, прошептала Кэрл.

— Я позову охрану или полицию. Если ты уйдешь отсюда, то, конечно, исчезнешь навсегда. Может быть, полиция уже ищет тебя... или какая-нибудь другая служба, — предположил он, впиваясь взглядом в ее бледное дрожащее лицо.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Ты слишком напугана... Намного больше, чем следовало бы при небрежном вождении машины без страховки. Если это лишь первая твоя вина, то считай, что тебе повезло. А если последняя в цепочке, тогда понятно, почему ты так боишься полиции.

Так, значит, в его воображении она уже проделала путь от беспечного водителя до преступницы. Подобное уже случалось и раньше. Ее первый год жизни у Эванса был просто адом. Все — соседи, учителя, соученики не упускали случая показать на нее пальцем. Кэрл никогда в жизни ничего не только не украдала, но и не совершила ни одного неблагоприятного поступка, однако все до одного почему-то всегда считали ее в чем-то виновной.

Собрав остатки мужества и гордости, она подняла голову и заявила:

— У меня чистая биография!

— Прекрасно. Тогда незачем закатывать истерику из-за того, что я хочу доставить тебя в полицию.

— Вы... в полицию? — В глазах девушки появилось загнанное выражение.

— Скажи мне, почему ты так боишься полиции? — мягко спросил он, пытаясь, видимо, вызвать ее на откровенный разговор.

— Не ваше собачье дело!

На его лице мгновенно появилось надменное выражение.

— Ну ладно. На этом, думаю, мы закончим. У меня впереди тяжелый день.

— Не пойду я ни в какую полицию. Вам придется сбить меня с ног и тащить за волосы.

— Очень заманчивая картина! Перестань наконец притворяться. Твои прелести больше меня не трогают. Хотя прошлой ночью, если бы я захотел тебя, то обязательно получил. Да в этом здании вряд ли найдется мужчина, который бы тебя не захотел. Ты очень привлекательная молодая женщина. Но я никогда не связываюсь с проститутками. И никогда не свяжусь.

Кэрол была просто потрясена этими словами. Что же такое она сделала, что позволяет так думать о ней? Да, она считала его настоящим мужчиной, и очень привлекательным мужчиной. Но не сделала ни одной попытки привлечь его внимание. Ничего, ровным счетом ничего не думала и не совершала, что могло бы вызвать такое раздражение.

А он снова и снова называет ее проституткой. И абсолютно убежден в том, что она очень неразборчива в отношении мужчин и использует свое тело как защиту в самых трудных жизненных ситуациях. Созданный им образ был настолько далек от реальности, что моментами просто хотелось расхохотаться ему в лицо. Но вместо этого она испытывала боль, боль, как от удара ножом в самое сердце. Такую боль она уже испытывала не раз, когда соседи перешептывались у нее за спиной.

Он крепко взял ее за руку, вывел из кабинета и, не отпуская, повел к лифту. Кэрол заметила только удивленный взгляд секретарши, когда они выходили из офиса.

— Вы сошли с ума, — прошептала она в лифте.

— Скажешь это в полиции.

— Вы не от-тправите меня в п-полицию. — Ее снова охватила паника, как только она представила полицейский участок. Зубы застучали, как от холода.словно животное, загнанное в ловушку, она рванулась из его крепких рук и кинулась искать выход в движущемся, закрытом наглухо лифте.

Он грубо схватил ее и прижал к стене.

— Отстань от меня! — взвизгнула Кэрол. Слепая ярость охватила ее. — Отстань от меня, негодяй!

Он снова удержал ее всей мощью своего тела и силой мускулистых рук, бросив какую-то резкую фразу по-испански и сверкнув яркими глазами.

— Я не собираюсь причинить тебе боль. Почему ты так себя ведешь? Успокойся же! — процедил он сквозь зубы.

— Отпусти меня... отпусти меня! — дико закричала она. — Пожалуйста.

— Если я сейчас не отвезу тебя в полицию, то доставлю к себе домой. — Каждый мускул его тела был напряжен. Он бросил на нее взгляд, полный желаний, от которого у нее подкосились ноги. В глазах его было море страсти. — Ты испытываешь такое, чего никогда раньше не испытывала ни с одним мужчиной. Я никогда никого не хотел в жизни так, как хочу тебя. Даже знание того, что ты доступна каждому, мне не помогает. — Кэрол чувствовала его горячее дыхание у себя на щеке. — И если я это сделаю, то ты пожалеешь, что не выбрала полицию.

Казалось, что его голос доносится откуда-то издалека. Слишком много других вещей отвлекло ее внимание: теплота его тела и мягкий, очень знакомый запах, бешено стучащая в висках кровь и горячее, странное жжение внутри. Все эти ощущения были такими новыми, такими яркими, что она невольно оказалась в их плену.

Их губы встретились. И при этом прикосновении тело пронзило словно электрическим током. Более сильного ощущения в своей жизни она еще не испытывала. Кэрол почувствовала его язык между своих губ, и тепло волной разлилось по телу. Она вся задрожала от прикосновения

его рук к своим бедрам. Но все равно казалось, что его тело еще очень далеко и необходимо приблизиться к нему. Станный звук вырвался из ее горла, звук, который она не сразу признала своим. Он был похож скорее на крик дикого животного.

Неожиданно он разомкнул объятия, и, потеряв равновесие, Кэрол отлетела к зеркальной стенке лифта. Двери лифта распахнулись, и поток холодного воздуха ворвался внутрь.

Первым желанием было бежать. Но тут она увидела ряды припаркованных машин. Подземный гараж. Два человека мощного телосложения стояли по обе стороны лифта. Они было двинулись к ним, но в недоумении остановились, увидев своего хозяина в столь странном обществе.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул им Алвеш де Оливейра.

— Но... мистер де Оливейра...

— Вон!

Еще секунда, и Кэрол кинулась бежать. Она уже промчалась несколько метров, когда железная рука легла на ее плечо. Она ударила его несколько раз довольно сильно — куда попало.

— Негодяй, — завопила она во весь голос.

— Тебе понравилось это! — воскликнул он, заключая ее в объятия и привлекая к себе.

— Не двигаться... и никто не пострадает, — раздался резкий незнакомый голос.

— Что за черт! — Де Оливейра повернул голову в том направлении, откуда донесся окрик, и замер, напрягшись от неожиданности.

Кэрол посмотрела вслед за ним и увидела двух мужчин, одетых в черное. У обоих в руках было оружие. Потрясенная, она раскрыла рот и во все глаза уставилась на них.

— Спокойно... А теперь отойди от него, — обратился к ней более высокий.

Кэрол моргнула, стараясь избавиться от наваждения, но люди в черном не были плодом воображения.

— Ну же... Ты оказалась умной девочкой и избавила нас от его телохранителей.

Дикий визг вырвался из груди Кэрол. Не успев ни о чем подумать, она закричала так, что крик эхом разнесся во всему гаражу. Звенящий безумный крик ужаса. Высокий мужчина бросился на нее, сбил с ног и повалил на землю с такой силой, словно хотел не только заставить Кэрол замолчать, но и вообще лишить жизни.

Огромная рука зажала ей рот, она почувствовала укол в плечо и, задохнувшись от боли, провалилась в крошечную тьму.

3

Первым возникло ощущение страшного холода. Потом сильнейшей головной боли. Затем она поняла, что слышит какой-то несмолкающий грохот, как будто кто-то колотит металлом о металл — грубый, все заполняющий звук. Может быть, этот звук идет изнутри? В горле

пересохло. Не было никаких чувств, никаких воспоминаний. Мозг явно отказывался работать, но Кэрол заставила себя открыть глаза.

Взгляд упал на голую стену. Она шевельнула головой и застонала от боли. Оказалось, что она лежит на кровати — узкой жесткой кровати. Невыносимый металлический звук исчез, но уши все еще были полны им. Послышались шаги.

— Я думал, ты без сознания... А иначе убил бы тебя...

— Алвеш? — чуть слышно спросила Кэрол.

— Зачем я отослал охрану? Почему не позвонил в полицию? — тихим зловещим голосом произнес Алвеш и грозно взглянул на девушку. — Сказать почему? Я позволил похоти встать между мной и моими принципами. И чуть не поплатился за это жизнью. Но я должен выкарабкаться отсюда живым, чтобы отвезти тебя в полицию. И если существует справедливость на свете, то ты будешь доживать свой век за решеткой!

Ресницы ее дрожали во время этой речи. С огромным трудом, не сразу, Кэрол приподнялась и прислонилась к спинке кровати.

— Что случилось? — слабо произнесла она.

— Меня похитили!

Это ни о чем не говорило, но тут вдруг в памяти всплыли гараж, мужчины, оружие, нападение... последние минуты перед забвением. Волной накатила слабость.

— О Господи, — дрожащим голосом прошептала Кэрол.

Алвеш де Оливейра выглядел теперь совсем по-другому. Пиджак расстегнут, на рубашке грязные пятна, черные волосы странно кудрявятся, весь какой-то взъерошенный. Вообще он совершенно не походил на того тщательно ухоженного, с гладкой прической джентльмена, которым был утром.

— Только без истерик! — предупредил он жестко.

— Вы сказали... вас похитили. Но я тоже здесь. — Кэрол свесила ноги с кровати и с трудом встала.

— Ну, значит, и тебя тоже похитили вместе со мной. Но я не просил их об этом.

Кэрол несколько секунд помолчала.

— И на том спасибо... Думаю, вы сделали что могли.

— У тебя осталась хоть какая-то способность здраво мыслить? — неожиданно снова ринулся в атаку Алвеш. — Неужели я обязан провести последние часы своей жизни с какой-то полупреступницей!

Кэрол сжалась от этих слов. Она совсем не считала себя ни преступницей, ни даже наполовину преступницей.

Конечно, этот человек просто опять хочет вывести ее из равновесия. Поэтому она заставила себя промолчать и сосредоточилась на обследовании окружающего пространства.

— Металлическая, -сказала она, прикоснувшись к стене.

— Спасибо, что они хоть оставили нам дырки для воздуха.

Кэрол изучила кровать и единственный стул. Маленькая тусклая лампочка была единственным источником света. Скудное освещение было привычным. Она выросла с ним, нередко приходилось сидеть и в крошечной темноте, когда нечем было платить за электричество... Окна не было. Около кровати стояло что-то похожее на ширму. За ней обнаружился маленький холодильник, стол, еще стул, старый буфет и какая-то ободранная небольшая плита. За деревянной перегородкой были лишь туалет и маленькая раковина. И ни одного окна! Ни одного, нигде.

Взгляд упал на дверь. Она инстинктивно взялась за ручку и стала ее дергать, но дверь, естественно, была заперта. Кэрол охватила паника.

— Где мы? — хрипло произнесла она.

— В металлическом контейнере, — произнес Алвеш бесстрастно. — Надеюсь, ты не страдаешь Клаустрофобией.

Что это такое, она не знала и на всякий случай промолчала. Привстав на цыпочки, Кэрол дотянулась до потолка. Ее рука попала как раз в одно из отверстий для воздуха, о которых говорил Алвеш, и холодный, всепоглощающий страх пронизал все ее существо.

— Это похоже на металлический гроб!

— Сколько времени? Мои часы разбиты.

Этот простой вопрос немного успокоил. Она снова подошла к кровати и поднесла часы к тусклой лампе.

— Десять минут восьмого.

— Как раз время чего-нибудь поесть.

— Поесть? Нас похитили, а вы говорите про еду? Я хочу побыстрее убраться отсюда.

— Думаешь, я не хочу?

Сильные пальцы коснулись плеча Кэрол. Он привлек ее к себе и взглянул в глаза.

— Я думаю об этом на два часа больше, чем ты. Я уже обследовал каждый сантиметр этого металлического ящика. Но кроме дыр для воздуха, одна сплошная сталь. У нас нет ни одного шанса выбраться отсюда самостоятельно, — холодно резюмировал де Оливейра. — Ты когда-нибудь видела такие болты? А это — единственный выход.

Она взглянула вверх его плеча и с трудом разглядела металлическую дверь, которая прилегала так плотно, что почти сливалась со стеной.

— Мы никогда не выберемся отсюда. В таком контейнере человек должен умереть от голода и страха.

— Не имею ни малейшего желания умирать здесь от голода и страха, -твердо заявил Алвеш. — Не думаю, что похитители собираются нас убить. Мертвый я не стою для них и цента. Кто-то

очень тщательно разработал план похищения: у нас есть все необходимое для жизни — вода и еда. Они абсолютно уверены, что мы не сбежим, и не спешат встречаться с нами. Это позволяет надеяться, что на данный момент мы в безопасности, насколько вообще возможно быть в безопасности в подобной ситуации.

— В безопасности?

— Было бы хуже, если бы один из них сейчас сидел здесь с нами. Или если бы кто-то подошел к двери с той стороны, когда я барабанил в нее.

— Барабанил? — переспросила Кэрол.

— Я хотел узнать, есть ли снаружи охрана. Или попробовать привлечь чье-либо внимание. Но безрезультатно. Все равно будем пытаться. Есть же хоть какой-то шанс, что нас рано или поздно услышат.

Да, он дал надежду, за которую она немедленно ухватилась. Ощущать себя беспомощной было совершенно невыносимо. Но еще хуже был ужас, охватывавший при мысли о том, что в конце концов придут какие-то люди и возьмут ее жизнь.

— Слышишь, какая здесь тишина? Ни одного звука снаружи — ни голосов, ни шума машин, ни лая собак... ничего.

— Но эти стены могут быть звуконепроницаемыми. Один из моих друзей... — начала Кэрол.

— Перестань болтать! Лучше посмотри, что есть в холодильнике.

— Господи! Ну почему, почему же все это случилось! — вскрикнула Кэрол.

Алвеш пожал плечами.

— Вообще-то, меня готовили к подобной ситуации. И охранники не раз меня предупреждали, чтобы я был начеку. Однако если признаться честно, никогда не верил, что могу оказаться в подобном положении.

Кэрол обхватила голову руками. Невозможно поверить, что это произошло именно с ней. Похищена! Да, приходилось читать о чем-то схожем в газетах, но всегда о других незнакомых людях... И далеко не все из них оставались в живых. Под ложечкой снова заныло.

— Ты очень богат, Алвеш? — спросила она.

— Очень.

— Это хорошо.

Вспомнились его слова о том, что похищение было тщательно организовано. Значит, скорее всего, преступники потребуют выкуп, и банк господина де Оливейры или его семья уплатят нужную сумму. Тогда их освободят.

— А за меня они тоже потребуют денег? — беспомощно спросила девушка.

— Сомневаюсь.

Конечно же, она не представляет никакой ценности. Кэрол не знала, радоваться этому или

огорчаться. Попала в переplet, потому что просто оказалась не в том месте и не в то время. Но в этом была его вина. Если бы не он, она никогда не оказалась бы в том злосчастном гараже. А с другой стороны, если бы там что-нибудь случилось с Алвешем, бандиты непременно убили бы ее, чтобы избавиться от свидетеля.

— Ты здоров? — почему-то шепотом спросила она.

— Даже слишком.

Кэрол облегченно кивнула, и тут же снова подумала о том, что все еще не верит в происходящее. Сутки назад в это же время они не только не были знакомы, но она и не подозревала о существовании Алвеша де Оливейры.

— Все-таки ты ужасный! — вздохнула Кэрол. — Я так пострадала из-за тебя!

— Из-за меня? — Он холодно взглянул на нее.

Однако холодность была напускной, эти слова явно заделали его, но он постарался сдержать гнев.

— Да, из-за тебя! Если бы ты не напал на меня, я никогда не оказалась бы здесь.

— Ну что ж, прошу прощения, — с иронией произнес он.

— О нет-нет... Как ты уже сказал, меня можно не брать в расчет.

— Ладно, успокойся. Как мы сюда попали уже не так важно. Сейчас главный и единственный вопрос — как отсюда выбираться. Как выжить.

Глаза Кэрол наполнились слезами. Она уставилась в пол и всхлипнула. Очень хотелось спросить, что случилось после того, как она потеряла сознание. Но вместо этого она закусила губу и замолчала.

— Все-таки неплохо было бы чего-нибудь съесть. Посмотри в холодильнике. Если они собирались держать меня здесь долго, то, наверное, позаботились о еде.

Кэрол машинально подошла к холодильнику, но когда открыла его, то ее охватило дурное предчувствие. Холодильник был буквально набит продуктами: салат, холодное мясо, сыры, молоко, хлеб, масло. Все необходимое. Этого было много даже для двоих. Причем большая часть продуктов могла храниться долго. Так сколько же времени их намеревались держать здесь?

В ящике у плиты нашлась посуда и даже несколько запасных лампочек.

— Здесь можно устроить целый банкет. Если ты разожжешь плиту, то я смогу подогреть все это.

— Топлива все равно нет.

— Можно разломать стул или еще что-нибудь, — настаивала Кэрол, которая уже давно дрожала от холода.

— Думаю, что вентиляция здесь далека от совершенства. Дым может не уходить в трубу, мы задохнемся. плитой нельзя пользоваться.

Да, сейчас с ней говорил настоящий босс. Но Кэрол действительно замерзла так, что стучали зубы. И становилось все холоднее. Сам-то он одет намного теплее! Интересно, а где ей предстоит спать — на кровати, на сдвинутых стульях или на металлическом полу?

Она вынула из ящика тарелки, сполоснула их под краном и поставила на стол. Потом очистила и вымыла салат и очень удивилась, когда, повернувшись к столу, увидела, что он уже разложил по тарелкам сыр, помидоры и что-то еще.

Кэрол улыбнулась. Он наверняка был еще менее приспособлен к хозяйству, чем она, но его попытки помочь были очень приятны.

— Что произошло после того, как меня укололи в плечо? — как бы невзначай спросила девушка, усаживаясь на пододвинутый им стул.

— Зачем об этом говорить? — нахмурился Алвеш, — Потому что я хочу знать...

— Я испугался, что тебя могут убить, — ты так закричала. Тот, что поменьше ростом, очень нервничал. Он сразу взял тебя на мушку, едва ты упала.

Кэрол прикусила губу.

— Значит, я заорала, как дура?

— Думаю, это была естественная реакция.

Он явно пытался «закрыть» тему. Кэрол чувствовала некоторую его нервозность, хотя он и прекрасно контролировал себя. Но почему-то не хотел рассказывать всю историю.

— Почему же он не выстрелил?

— Я помешал, — признался Алвеш.

— Как?

— Выкрутил ему руку.

Ее бросило в дрожь, когда она представила эту сцену.

— Но тебя могли убить.

— Что же, по-твоему, я должен был спокойно стоять и смотреть?

— Ну а потом?

— Пока мы боролись, тот, другой, ударил меня сзади по голове. Наверное, рукояткой пистолета. Больше я ничего не помню. Очнулся уже здесь... жаль вот, часы раздавили.

И это говорил человек, способный купить целый часовой завод.

— Хорошо, хоть сам остался цел. — У Кэрол хватило духу взглянуть ему в глаза. — Спасибо. Выходит, ты спас мне жизнь.

Она чувствовала себя виноватой и за разбитые часы, и за то, что он остался без охраны. Не зная, что сказать в свою защиту, Кэрол пробормотала:

— Если бы вдруг появились твои охранники, то, наверное, бандиты начали бы стрелять.

— Не думаю. Они же не идиоты. Скорее всего, попытались бы исчезнуть. На кой черт им рисковать своей жизнью? Да и моей тоже...

Кэрол понуро отодвинула тарелку. Конечно, он давал понять, что из-за нее упустил шанс на спасение. Но в любом случае он был не из тех людей, которые машут кулаками после драки.

— Конечно, я испугалась. Ну а теперь чего уж... — вздохнула Кэрол.

— Я сам во многом виноват, — сухо сказал Алвеш. — Если бы не потащил тебя вниз и не отпустил своих охранников, то сейчас мы не были бы здесь. Но они ждали меня. У меня деловые обеды почти каждый день, и мне много раз говорили, что я должен постоянно менять расписание. Но ленч... время ленча трудно перенести.

— Да, — согласилась Кэрол, удивленная, что он как бы оправдывает ее.

— Просто несправедливо, что я сорвал на тебе свой гнев. Извини. Я не привык к такой беспомощности. Ведь знал же, всегда знал, что являюсь лакомой добычей для гангстеров, но никогда всерьез не верил, что такое может со мной случиться. Вот и расплачиваюсь за легкомыслие.

— Не думаю, что ты смог бы как-то предотвратить похищение, если его задумали всерьез.

Кэрол не могла отвести взгляда от его лица. Сейчас он выглядел необыкновенно честным, открытым. Она и не предполагала, что почти незнакомый мужчина, да еще такой аристократ, как Алвеш де Оливейра, может вдруг стать столь близким человеком. И она снова почувствовала раскаяние и какую-то нежность и жалость. Было видно, что его буквально сводит с ума мысль, что его захватили так легко и в такой глупой ситуации.

— Как ты думаешь, где мы?

— Не знаю. Не знаю даже, как долго я был без сознания. Мы можем быть в сотнях миль от Бостона так же, как и в самом его центре.

— Но здесь так тихо.

— Этот контейнер явно находится в каком-то здании. Мы не на улице. Высоко над нами что-то вроде крыши. Мне удалось разглядеть ее через вентиляционное отверстие. Но с трудом — в здании очень мало света. Это может быть либо склад, либо заброшенный старый цех в промышленной части города — что-то в этом роде. Или какой-нибудь амбар где-то в сельской местности.

— Почему ты так решил?

— У меня было время поразмышлять, пока ты не пришла в себя. И, смею надеяться, я умею анализировать факты. Работа в банковской системе приучает к этому.

Кэрол опустила голову, неприятно удивленная таким признанием своего умственного превосходства. Он уверен, что она глупа, потому что пишет не очень грамотно, да и одежда не говорит в ее пользу. Возможно, если бы он увидел ее картины, то изменил бы свое мнение. Хотя, впрочем, может быть, и нет.

Гарри, например, не считал, что она уже готова выставиться. Это он сказал, что нужно еще набраться мастерства и выработать собственное творческое видение, прежде чем начинать экспонировать или продавать свои картины. А Гарри знал, что говорил. В старые добрые времена Гарри Эванс был знаменитым художественным критиком, его мнение рушило и создавало карьеры многим известным живописцам.

— Если мы внутри какого-то помещения, то и наши тюремщики могут быть где-то рядом, но за его пределами.

— Да. — Он не отрицал такой возможности. — Но судя по тому, как нас обеспечили всем необходимым, они предпочли оставить нас здесь одних и надолго, а сами уехали очень далеко.

Кэрол побледнела.

— Оставить нас одних здесь? Ты думаешь?

— А почему нет? Операция была спланирована... до мельчайших деталей... И они не причинили нам большого вреда.

— Не причинили вреда?

— Конечно, предпочли использовать наркотики, чтобы отключить нас, хотя вполне могли покалечить или оставить здесь, к тому же без еды и воды, но не сделали этого.

— Думаешь, это террористы?

— Вряд ли. Но я могу и ошибаться. Они вели себя очень профессионально, очень уверенно. Террористы обычно нервничают и плохо умеют пользоваться оружием.

На это возразить было нечего. В отличие от Алвеша, ей не удалось оценить действия похитителей.

— Брать меня в подземном гараже — это был явный вызов. Скорее всего, они привыкли, и им даже нравился риск. Во всяком случае, тот, с которым я схватился, наверняка человек, имеющий подобный опыт. Бывший солдат или наемник. У него очень быстрая реакция.

— Я боюсь, — прошептала Кэрол. Неожиданно большая теплая рука коснулась ее кисти. — Полиция, наверное, уже ищет нас, — попыталась подбодрить себя Кэрол. Впервые в жизни она подумала о полиции не как об угрожающей, а как о защищающей силе. — Алвеш не ответил. Она взглянула умоляюще, ища поддержки. — Вероятно, информацию уже передали по телевидению. Все уже знают о нас, и, конечно же, кто-то где-то видел нас. Возможно даже, таких людей несколько, — продолжала Кэрол.

— Да, — наконец бесстрастно произнес он, уставившись на стакан воды. — Возможно. — И вдруг перебил неожиданным вопросом: — Расскажи мне о Гарри.

От неожиданности Кэрол растерялась.

— О Гарри?

— Он ведь тоже волнуется сейчас из-за твоего исчезновения.

Она немного подумала и покачала головой.

— Еще нет. Мы ведь не слишком следим друг за другом.

— Ты хочешь сказать, он привык, что ты приходишь поздно? — удивленно спросил Алвеш.

— Каждый может иногда остаться у друзей. Гарри очень хороший человек, но у него слишком, на мой взгляд, однообразная жизнь. А я люблю перемены, — призналась девушка. — Мы не слишком часто проводим время вместе. Когда он предложил мне переехать к нему...

— А когда это было?

— Год назад.

— Где ты с ним познакомилась?

— Я знаю Гарри всю жизнь, — усмехнулась Кэрол. — Ну, с четырнадцати лет.

— С четырнадцати? — Лицо Алвеша потемнело. На нем появилось какое-то странное выражение. Слишком странное для такой безобидной информации.

— А что в этом такого? — нахмурилась Кэрол.

— Ну, если для тебя в этом нет ничего странного, то мне нечего сказать. А где твои родители?

— Я всю жизнь прожила со своим дедушкой.

— И он не защитил тебя от этого грязного старикашки? — брезгливо поморщился Алвеш.

От удивления Кэрол раскрыла рот.

— Это ты Гарри называешь грязным старикашкой?

— А как еще можно назвать старика, соблаздившего девочку? Или ты считаешь это в порядке вещей?

Кэрол сощурилась, блеснув своими кошачьими глазами.

— Так ты решил, что мы с Гарри любовники? О Господи! Хорошего же ты обо мне мнения. Извините, судя по всему, я разочарую вас, мистер де Оливейра, но Гарри лишь хозяин дома, в котором я живу, и мой друг. Также и друг моей семьи.

— Друг семьи? — недоуменно спросил он.

— Гарри знал моего отца и деда. — Кэрол залпом выпила стакан воды, чтобы унять гнев.

— Когда же он заметит твое отсутствие?

— Не знаю. Во всяком случае, не сегодня. Он обычно ложится очень рано, когда меня еще нет дома. А вообще, как правило, я отсутствую весь день. Мы не всегда встречаемся даже за завтраком. Я работаю, и очень часто — сверхурочно. Между прочим, официанткой... А не шатаюсь по улицам в надежде повыгоднее продать свое тело, как считают некоторые, — пыталась поддеть его Кэрол. — То, что я поздно возвращаюсь домой, еще не дает никому права считать меня шлюхой.

Темные глаза задумчиво остановились на ее лице. Губы дрогнули.

— Конечно. Еще раз, прости меня. Но ты так сексуальна... Твой взгляд, походка, тембр голоса, все сразу вызывает желание. Хотя теперь я уже не уверен, что ты сама осознаешь это хотя бы наполовину, — мягко добавил он.

Кэрол смотрела на Алвеша широко раскрытыми от удивления глазами. Он сделал это заявление-признание с какой-то отстраненной сдержанностью, почти бесстрастно, как будто босс обсуждал профессиональные качества своего работника. Но никто, никто никогда раньше не говорил с ней так, тем более мужчина. Щеки ее запылали. Он отодвинул пустую тарелку и встал из-за стола.

— Думаю, самое время снова попытаться привлечь к себе внимание. — И он, взяв стоящую в углу железную кочергу, нашел к двери, оставив ее абсолютно растерянной и смущенной.

Первый удар металла о металл заставил вздрогнуть. Звук был невыносим, но вдруг кто-нибудь услышит их... Ведь должен быть хоть какой-то шанс? Или похитители действительно упрятали их так, что могут спокойно отсутствовать?

Кэрол вымыла посуду и почувствовала, что страшно устала. Алвеш продолжал барабанить по двери. Весь контейнер гудел от этих ударов, и у Кэрол уже раскалывалась голова и заныли зубы. Наконец он остановился и сел на стул, переводя дыхание.

— Теперь моя очередь, — сказала Кэрол.

Он повернулся к ней лицом, на котором отчетливо проступили капельки пота.

— В этом нет нужды. А я хоть немного умерю свой гнев. А вот ты выглядишь усталой. Почему бы тебе не прилечь?

— Но должна же я приложить руку к нашему спасению, — настаивала Кэрол.

— Ты сможешь сделать это и завтра. Или среди ночи. Да, пожалуй, ночью звук будет слышен лучше. А если ты заснешь и проспишь вахту, то я разбужу тебя, — заверил он.

Кэрол хмыкнула.

— Неужели ты думаешь, что я засну под такой грохот?

— Постарайся. Нам потребуется много сил.

В полумраке сверкнули золотом глаза. И вдруг, как ни странно, но только сейчас впервые она вспомнила те объятия в лифте, жадно ищущие губы, волнующие прикосновения крепкого мускулистого тела.

— Хорошо, — пробормотала Кэрол, с трудом понимая, что говорит. Вдруг накатилась новая волна слабости, которую никогда раньше не испытывала.

— Ты напоминаешь мне кошку из мармелада, — улыбнулся он, — вот-вот выгнешь спинку и замурлычешь.

— Никто никогда мне не говорил такого. Кстати, терпеть не могу кошек.

Она с трудом выдавила улыбку и исчезла за перегородкой, где была раковина и туалет. Сполоснув руки под краном, вытерла их полотенцем. Затем нерешительно взяла в руки единственную еще запечатанную зубную щетку и пасту, тоже оставленную здесь. Похитители,

видимо, не планировали держать узника в особо тяжелых условиях.

— Мы будем вместе пользоваться зубной щеткой?

— Если мы будем пользоваться одной кроватью, то можно обойтись и общей зубной щеткой, — пробурчал он.

Но они же собираются спать не вместе, а по очереди. Очень демократично и очень трогательно — один вроде бы спит, а другой изо всех сил колотит по двери. Невероятно, как можно заснуть под такой грохот! Сняв сапоги и колготки, Кэрол свернулась калачиком на кровати и с головой накрылась одеялом.

Перед глазами опять всплыла сцена в лифте. Снова и снова она чувствовала на губах его поцелуй, его страстные объятия. Сладкая истома горячей волной пробежала по телу.

Ни один мужчина еще никогда не заставлял испытывать такое. Ее буквально трясло от желания, но Кэрол понимала — нужно справиться с этим наваждением. Прыгнуть с крыши небоскреба менее опасно, чем очутиться в его объятиях. Страсть не для нее. Страсть жадна и безгранична, это чисто физическая вещь, и у нее нет будущего. Конечно, некоторым очень везет в жизни — они находят и любовь и страсть одновременно. Но таких мало. Большинство же путают страсть с любовью и недоумевают, почему вдруг их чувства так быстро сходят на нет. Но она-то знает эту разницу очень хорошо.

Ее родители были очень страстными людьми. Но ни Ребекка, ни Брюс никогда не пытались контролировать свои чувства, не сковывали себя прочными связями ни друг с другом, ни с какими-либо другими партнерами. Их чувства выливались в дикие, необузданные и очень короткие вспышки сильных эмоций. Потому что оба были необузданными и нетерпеливыми. И всегда думали, что где-то лучше, где-то будет еще счастье.

Кэрол была уверена, что никогда не попадет в подобную ловушку. Да, желания нередко одолевали ее, как любую здоровую молодую женщину. Но она всегда хотела выбрать партнера умом, а не идя на поводу у сиюминутных чувств... И тут Кэрол поняла, что вот уже двадцать четыре часа не думает о Стиве, хотя еще сутки назад он занимал все ее мысли. Это было потрясающе. Стив причинил ей много страданий. И теперь она начала наконец выздоравливать. Чувства ушли, когда он предал ее.

Но она очень любила Стива. Наслаждалась его обществом, уважала его ум, верила, что его взгляды на жизнь совпадают с ее собственными. И думала, что именно на этом и строились их отношения. Но Стиву этого, конечно, было недостаточно. Она сознательно отказалась от близости с ним, считая его чувства недостаточно сильными.

А потом... потом был тот женский смех в трубке, когда он говорил с ней. Ясно, он нашел сексуальные утехы на стороне. И при этом, наверное, думал, что Кэрол никуда не денется, будет продолжать любить его. Но она не могла себе этого позволить. Стив был нечестен с ней, а значит, не готов к прочным отношениям, хотя часто говорил об этом.

Кэрол не заметила, как заснула. Пробуждение же было внезапным. Она почувствовала уже знакомый запах, и ее рука уперлась в волосатую мужскую грудь. Испуганно открыв глаза, она подняла голову.

4

Сильная рука вновь прижала ее голову к подушке.

— Спи, — прошептал Алвеш.

— Еще чего. — Кэрол с силой оттолкнула его руку, пытаясь сесть.

— Успокойся — мягко проговорил он.

— Я сейчас ударю тебя! Как ты посмел лечь в постель со мной?!

— О Господи, ведь уже четыре часа утра.

— Значит, моя очередь бить в стену.

Крепкие руки обвили ее талию.

— Забудь об этом, — простонал он. — Сейчас еще ночь, и я хочу спать. Если ты встанешь, то и мне придется подняться.

— Я не собираюсь спать с тобой в одной постели.

— Ты думаешь, я насильник? — возмутился Алвеш.

— Откуда мне знать? Вот ты уже почему-то разделся. — Внутри у Кэрол нарастала злость.

— Но у меня только один костюм, не могу же я лечь в нем в постель. И, наконец, я не голый!

В доказательство он откинул одеяло и показал, что на нем трусы.

Кэрол даже подпрыгнула от такой наглости.

— Как ты посмел? — закричала она, пытаясь отодвинуться от него подальше.

Алвеш вздохнул, стараясь скрыть раздражение.

— Не будь такой трусихой. Конечно, мужчине лежать в одной постели с красивой полураздетой женщиной и не заниматься с ней любовью — тяжелое испытание. Но я не собираюсь принуждать тебя.

— Не верю!

— Напрасно, я полностью себя контролирую.

Гораздо труднее мне контролировать гнев.

— Я не верю тебе, — прошипела она, все больше раздражаясь как от собственной беспечности, так и от положения, в котором очутилась. — Я могла крепко заснуть, и тогда ты...

— О, не волнуйся! Если бы я только коснулся тебя, ты бы немедленно проснулась и вряд ли снова уснула бы. Со мной этого не удавалось еще ни одной женщине.

— Ты невыносим! Отпусти меня!

В ответ он лишь пробормотал что-то невнятно по-испански и вдруг, сделав резкое движение, опрокинул ее на спину. Она даже не успела вскрикнуть, как почувствовала на своих губах страстный поцелуй.

Кэрол совершенно не была к этому готова. Но то, что произошло потом, поразило еще больше. Едва его язык коснулся ее неба, все мысли, все благоразумие разом вылетели из головы. Стремительная волна наслаждения подхватила и понесла ее куда-то ввысь. Голова закружилась, и перед глазами все поплыло. Поцелуй открыл для нее другой мир, полный невероятных ощущений. Ее же поцелуй, вначале робкий и трепетный, а затем все более страстный, вызвал в нем ответную вспышку чувств.

— О Господи... — как раненый зверь простонал он, когда его тело коснулось ее упругой груди. Усилием воли Алвеш заставил себя чуть отстраниться. — Я... Инстинктивно Кэрол вцепилась пальцами в густые темные кудри и притянула его голову к себе. Никогда в жизни ей ничего не хотелось так, как сейчас хотя бы одного его прикосновения! Охваченная неведомой ранее страстью, она прильнула губами к его губам. Их второй поцелуй был бесконечно долгим и нежным.

Она вся дрожала от возбуждения, а он крепко сжимал ее в своих объятиях. Его рука коснулась ее груди, еще защищенной кружевным бельем. Через мгновение этого барьера уже не было, и длинные чувственные пальцы коснулись трепетного тела с такой нежностью, что Кэрол чуть не задохнулась от переполнивших ее чувств. Кончиком языка он дотронулся до набухшего соска.

Это было как удар тока. Женщина выгнулась от напряжения и застонала. В ушах отдавался бешеный стук сердца. Казалось, оно сейчас выскочит из груди. Испытываемое ею наслаждение было настолько сильным, что никогда раньше она бы не поверила, что такое возможно. Кэрол уже не контролировала себя. Неужели все это происходит с ней? Никогда прежде не позволяла она такого ни одному мужчине. Мысль об этом медленно выплыла из сознания, и тут, в панике, она отпрянула.

— Нет! — выдохнула она, сжав зубы.

Спрыгнув с кровати на пол, Кэрол сообразила, что уже наполовину раздета. Вспыхнув, она попятилась в темноту и тут же наткнулась на холодную железную стену. С трудом попав в рукава блузки и натянув на колени юбку, Кэрол забилась в самый темный угол, дрожа от страха и смутения.

— Пресвятая Дева Мария! — вскипел Алвеш. — Что, черт возьми, ты тут пытаешься изобразить?!

— Пожалуйста, верни мне мою одежду, — Кэрол опустила глаза и принялась тщательно изучать пол. Но из-под опущенных ресниц все же наблюдала за человеком, чье тело и чьи ласки вызвали в ней такую бурю эмоций. Она беспощадно впилась ногтями в свои колени, пытаясь хотя бы так избавиться от наваждения.

Жакет и лифчик лежали возле кровати рядом с сапогами. Чувствуя на себе пристальный взгляд, она чуть ли не на четвереньках подобралась к своему жакету, не обращая внимания на лифчик. А ведь она даже не успела заметить, когда он снял с нее эти вещи. И эта маленькая деталь говорила о том, насколько она потеряла голову.

Вот гад, подумала Кэрол, решив, что он и вправду обладает какой-то особенной сексуальной притягательностью.

— Ты ведешь себя так, словно я напал на тебя, — зло прошептал Алвеш.

— Ты начал, а я закончила. Давай оставим это.

— Но я не сделал ничего плохого...

— Я не просила тебя вообще чего-либо делать, — гневно прервала Кэрол.

Воцарилась тишина.

— Ну, раз так... — В голосе послышалось такое удивление, что Кэрол невольно подняла голову. — Значит, мне показалось. Тогда прости...

— Не знаю, что это вдруг на меня нашло, — смутилась она.

— Неужели?

Кэрол призвала все мужество, чтобы заставить себя взглянуть ему в лицо.

— Эта ситуация... эта необходимость быть так близко друг к другу... это напряжение, в котором мы оба находимся, — начала она. — Извини, что я позволила всему этому зайти так далеко. Но никто из нас не хочет проснуться утром с чувством вины за то, что произошло ночью, в беспамятстве.

— Вины?-не понимая, переспросил Алвеш.

— Послушай, хотя я особа, которая, как ты убежден, спит со стариком, я все-таки кое-что тебе скажу.-Вспомнив обиду, Кэрол гордо вскинула подбородок. — Секс без духовной близости, по моему, всегда должен оставлять чувство вины. Я совсем не знаю тебя, но если ты такой же, как большинство мужчин, которых я встречала, то ты просто делаешь это и не утруждаешь себя подобными размышлениями.-Кэрол бросила в его сторону быстрый взгляд и заметила, что Алвеш задумчиво наклонил голову. — Ладно, все в порядке. Я не сужу мужчин. Это природа сделала вас такими. Выживание индивидов... и все такое... — Его глаза блеснули в темноте, когда он с интересом взглянул на нее. — Вряд ли ты вообще думаешь о чем-нибудь в постели с женщиной, — торжественно заключила она, уверенная, что одержала полную победу.

— Не могу поверить, что слышу все это! Господи, образумь ее!

Девушка взяла его пиджак и начала опустошать карманы.

— Что ты делаешь? — в изумлении воскликнул Алвеш.

— Собираюсь использовать твой пиджак как одеяло. Всего на несколько часов. Потом я встану и буду колотить в стену.

— Не будь смешной! Возвращайся в постель. Я и пальцем тебя не трону.

— Это не самая удачная идея — делить кровать. Я дарю свое место тебе. Так будет спокойнее.

— Если ты собираешься таким образом унижить меня...

Кэрол смутилась.

— Да нет же, я совсем не хотела этого делать. Просто я пытаюсь быть разумной.

— Почему ты не веришь мне? — В голосе прорывался еле сдерживаемый гнев и еще какие то чувства, которые не поддавались оценке. — Я бы очень хотела... Но даже себе в данной ситуации я не могу довериться.

Он вздохнул.

— Никогда в жизни не чувствовал себя таким уставшим. Возвращайся в постель. Обещаю тебе... Ты будешь здесь как у Христа за пазухой.

Кэрол с иронией взглянула на него. Но, похоже, он говорил правду. И в голосе, и в выражении глаз чувствовалась усталость.

— Спи, Алвеш, — прошептала она неожиданно нежно. — Просто спи.

— Но я не могу оставить тебя на полу...

— Сотни раз в своей жизни я спала на полу, — вздохнула она, подумав, какие они с ним все-таки разные люди.

Кэрол села на стул, завернулась в пиджак и стала смотреть, как он засыпает. Ну что ж, дорогуша, поздравляю, ты выдержала это испытание, подумала она и тут же мысленно сама себе возразила. Ведь заперта она в этом идиотском контейнере с тем единственным мужчиной, которому почти удалось проникнуть сквозь преграды, выставленные ею для противоположного пола.

Мужчины вились вокруг нее, как пчелы вокруг цветка, и никто не мог получить от нее то, что она не хотела им дать. Быть объектом сексуального домогательства-вовсе не было для нее комплиментом. Время от времени она ходила на свидания либо для развлечения, от нечего делать, либо в надежде все же найти такого человека, который соответствовал бы ее представлениям о муже. Расставаясь с очередным знакомым, она не испытывала угрызений совести, ибо твердо решила, что выйдет замуж только за того, с кем будет чувствовать себя в безопасности. А до тех пор останется одна. Поэтому сказать «нет», как она это сделала только что, было для нее совсем не трудно. Более того, Кэрол искренне считала, что сама никогда не давала повода считать ее поведение сексуально вызывающим. И всегда была честной в своих отношениях с мужчинами. Ей никогда и в голову не приходило, что однажды кто-то из них вот так внезапно, одним прикосновением сможет вызвать в ней такое желание и такую страсть, что она чуть не нарушит все свои заповеди и не поддастся этому зову.

Да, Алвеш де Оливейра очень отличался от всех ее знакомых мужчин. Он разбил стену ее самоконтроля так легко, как разбивают сырое яйцо — без сожаления, не задумываясь.

Но можно ли упрекать его за это? Может быть, они уже никогда не выйдут из этого контейнера живыми. Когда двое людей вынужденно оказались в такой интимной обстановке, и к тому же их так тянет друг к другу, секс должен казаться очень простой, естественной вещью, которая помогает хоть на минуту отрешиться от трагичности их положения.

Но Кэрол слишком хорошо осознавала, что Алвеш де Оливейра проник в ее сердце, и гораздо глубже, чем кто-нибудь еще в ее жизни. Он умный. Сильный. Очень бережно относится к ней и ее чувствам. И к тому же он очень... очень нравится ей.

Она смотрела на него, лежащего на кровати, и думала, что окажись сейчас там, рядом с ним, то вряд ли смогла бы обуздать свою затаившуюся где-то внутри страсть, которой, как оказалось, очень трудно управлять. И еще она знала, что в глубине души очень, очень хотела вновь оказаться в его объятиях.

Это чувство было сильнее всех доводов рассудка. Он так не похож на нее! Во всем. И это возбуждало. У них ничего не было общего — ни происхождения, ни общественного положения,

ни взглядов на жизнь, а тем более — на секс.

Алвеш вполне мог бы заняться с ней любовью и уже через секунду полностью забыть о ее существовании. Скорее всего, он раб своих сексуальных желаний. Вот и сегодня он не увидел в создавшейся ситуации ничего неестественного.

Для него это просто незначительное событие на фоне главной цели — выжить.

Но у Кэрол взгляды на жизнь сложились в суровую пору ее детства, когда отец совершенно не заботился о ней, а мать замечала ее лишь тогда, когда в этом возникала необходимость. Выросшая тринадцатилетняя дочь однажды стала препятствием между ней и ее очередным мужчиной, и Ребекка отослала ее к деду, даже не подозревавшему о существовании внучки.

Жизнь приучила ее не подпускать никого слишком близко. Внешне очень открытая, она оберегала свою душу, подсознательно чувствуя ее уязвимость. Даже предательство Стива не причинило сильной боли, а просто очень расстроило. Сегодня же она впервые по-настоящему испугалась. Появилось предчувствие, что Алвеш де Оливейра может украсть ее душу.

— Святая Мария! Ты же разобьешься!

Кэрол вздрогнула и сразу проснулась, широко открыв глаза. Оказывается, она заснула, сидя на стуле, поджав под себя ноги. И теперь, если бы он не подхватил ее, грохнулась бы на стальной пол.

Алвеш удивленно смотрел на свои собственные вещи, выложенные ею ночью из карманов пиджака. Взяв бумажник, нахмурился — тот был совершенно пуст. Еще накануне в нем находилась весьма солидная сумма. Теперь же осталась лишь одна двадцатидолларовая бумажка, да и та почему-то была свернута трубочкой. Он развернул ее. Аккуратными буквами на ней было написано: «Помогите. Мы в контейнере».

— Сначала я писала на этикетках от банок, -виновато объяснила Кэрол. — Я вытаскивала их через самое большое отверстие для воздуха и дула, чтобы они отлетали в сторону. Может быть, некоторые из них достигнут земли, и тогда кто-нибудь сможет прочесть послание. Потом я увидела твой бумажник и мне пришло в голову, что двадцатидолларовые бумажки скорее заметят на земле, чем какую-то этикетку. Извини... я, наверное, не права.

— Да... — пробормотал он, не сводя с нее глаз, и протянул ей последнюю банкноту. — Мне следовало самому подумать об этом.

— Ты что, считаешь, что только в твою аналитическую голову приходят хорошие идеи? — рассмеялась Кэрол, но смех ее тут же угас. Это, конечно, очень призрачная надежда, но вдруг кто-нибудь окажется рядом с контейнером и обнаружит наше послание, или сквозняк вынесет записку наружу...

— Но все-таки шанс. Отличная мысль!

— Если, конечно, мы не на какой-нибудь свалке, где непроходимые дебри, — заметила Кэрол. — Что бы вы хотели на завтрак, сэр?

— Думаю, это я должен предложить тебе завтрак. Ты дала мне поспать несколько часов. — Он взял ее руку и поднес к лицу, как бы желая поцеловать, но лишь посмотрел на ее часы.

— Ого! Уже первый час... Ничего себе! Почему ты не разбудила меня раньше?

— Успокойся, я шумела и грохотала изо всех сил, пока ты спал. — Кэрол прикоснулась к своему запястью там, где только что были его пальцы. — И за тебя и за себя, но ты спал так что ничего не слышал. Значит, требовался отдых. Думаю, что наркотики, которыми нас накачали, сослужили и хорошую службу. По крайней мере, мы выспались.

Алвеш отправился за перегородку, кажется, в неплохом настроении, бурча себе под нос что-то по-испански.

Кэрол же поймала себя на странном ощущении. Когда он стоял рядом с ней секунду назад, она почувствовала, как между ними что-то происходит. Словно протянулись невидимые магнетические нити, наполняя тело сладкой дрожью.

— Я подумала... этот кран... — начала Кэрол довольно громким от смущения голосом, — мы скорее всего, находимся не в сельской местности, а в каком-то старом заброшенном цехе. Иначе этот контейнер не снабжался бы водой. Возможно, это бывший офис какого-нибудь цеха. Как ты думаешь? — вдруг заторопилась она.

Но он совсем не слушал. Не переставая бормотать по-испански, он вдруг неожиданно бросился к ней и заключил в объятия. Кэрол тут же поняла, что он испытывает просто непреодолимую потребность в физической близости, и не сопротивлялась, поддавшись этому порыву. Он припал губами к ее губам со страстью, которая буквально сжигала.

Да, да, ей тоже был необходим этот жар, как необходим кислород, чтобы дышать и жить! Руки сами обвили его шею, и она прижалась теснее, чувствуя, как грудь набухает от желания и охватившего нетерпения. Тело само вспомнило ночные ласки и узнало их.

Его губы несли невыразимое, почти мучительное наслаждение. От охватившего возбуждения начали дрожать ноги. Каждое новое прикосновение усиливало это возбуждение, которое уже полностью овладело ею. Ни о чем больше не думая, она отвечала со страстью, которая наконец смела все преграды на своем пути. Руки скользнули под расстегнутую рубашку, коснулись его спины.

Внезапно оторвав губы от ее рта, он пристально посмотрел сверху вниз. Горящие глаза остановились на подрагивающих губах. Потом, резко отстранившись, Алвеш разжал объятия, и у Кэрол подкосились ноги. Какую поразительную власть он обрел над ее телом.

Прислонившись к краю стола, Алвеш смотрел на нее долгим, напряженным взглядом, сжав губы. И почему-то был похож на пирата. Кэрол дотронулась рукой до горевших губ, вдруг испугавшись мысли, что больше никогда в жизни не испытает ничего подобного.

— Я не смог сдержать себя... — почти грозно произнес он.

Да, он не смог. Она поняла. И мысль об этом была невыносима. В глазах горел гнев, который он не умел скрыть.

Видимо, этот человек привык всегда и во всем контролировать себя. Неожиданно Кэрол вспомнила, какой порядок был у него на письменном столе в офисе, и неподдельный ужас при виде хаоса в ее «мазде» той ночью. Алвеш явно принадлежал к породе очень организованных дисциплинированных людей, которые редко совершают необдуманные поступки... Теперь равновесие нарушилось — и ему это не нравилось.

— Этого больше не повторится, — тихо произнес он.

— Знаю... ты не хочешь показаться слабым, и я действительно не твой тип, — попыталась успокоить его Кэрол. — Но и ты тоже не мой тип. Давай забудем все это.

Показалось, что раздался скрежет его зубов.

— Я не сноб!

— Ты раздражен, что привлекшая тебя женщина ездит в таком дурацком автомобиле, как мой! Одевается не так, как дамы твоего круга. Ведь правда? Ты богат и удачлив. Наверное, из такой же богатой семьи. У тебя есть власть! Тебя, вероятно, очень уважают, и ты привык к хорошему мнению о себе самом. И уж совсем не предполагал, что какая-то малограмотная девушка сможет настолько овладеть твоими помыслами...

— Достаточно... Баста! — Он ударил по столу рукой. — Как ты можешь такое говорить!

— ...и это очень беспокоит, не так ли? Люди, с которыми ты привык общаться, не часто оказываются в таких ситуациях. — Кэрол усмехнулась, красивое лицо стало циничным. Она пыталась скрыть боль, которую сейчас чувствовала. Но какого черта! Я совсем не собираюсь перекладывать себя ради твоего удовольствия.

— Ты не думаешь, что говоришь! — Во взгляде были одновременно и гнев и нетерпение. — Я отпустил тебя, потому что не было выбора. Даже если ты пьешь таблетки, то сейчас их нет. Ты можешь забеременеть. Это риск, который не нужен ни тебе, ни мне.

Кровь отхлынула от лица Кэрол. А потом краска стыда залила щеки. Она поспешно отвернулась. Неужели ни одна женщина никогда не сказала «нет» Алвешу де Оливейре? Неужели он действительно думает, что она была бы такой дурой и позволила бы ему зайти так далеко?

И как эхо она проговорила вслух:

— Это не зашло бы так далеко, поверь мне.

— Жаль, у меня нет такой уверенности...

— Все, что я сделала, это лишь позволила поцеловать меня! Это совсем не значит, что я собралась тут же прыгнуть с тобой в постель! — Кэрол старалась не смотреть ему в лицо, чувствуя, что он еще сердится.

— Ладно, замолчи! Бесплезно об этом говорить! — неожиданно жестко произнес он. — Я очень хотел... и очень мучился. Мечтал сорвать с тебя одежду и накинуться, как животное. За всю мою сознательную жизнь я никогда настолько не терял власть над своими эмоциями. — Кэрол выпрямилась и медленно повернулась к нему лицом. — Если ты не захочешь проблем, они у тебя не возникнут. Я никогда не прикаснусь к женщине без ее желания. Но каждый раз, когда смотрю на тебя, я вижу в твоих глазах тот же голод.

— Я...

— Не отрицай, — грубо прервал он. — Увы, мы рабы своих инстинктов даже тогда, когда наши жизни в опасности, и это бесит.

— Да, наверное, это потому, что мы здесь в ловушке, — пробормотала Кэрол, чувствуя, что он продолжает смотреть все тем же пристальным, пронизывающим взглядом. О Господи! Что

происходит? Что происходит с ними обоими?

— Не говори глупости! — Великолепно очерченные губы дрожали. — То же самое я чувствовал у себя в офисе. Почему, ты думаешь, я так хотел отправить тебя в полицию?

— Ты собирался наказать меня за то, что я привлекла твое внимание? Ты что, садист?

— С тех пор, как встретил тебя, я словно сошел с ума! — заорал он. — Я больше не принадлежу себе!

Резко развернувшись, он направился к двери. И через секунду Кэрол услышала гулкие яростные удары. Казалось, сейчас не выдержит металл. Значит, Алвеш так же поражен силой возникшего между ними притяжения.

Кэрол улыбнулась. Это открытие помогло почувствовать себя более уверенной в сложившейся непростой ситуации. Никто из них не желал, чтобы произошло что-то непоправимое. Они хотели вести себя как цивилизованные люди и оставаться в своих отношениях в определенных границах.

Но, черт возьми, куда исчез расчетливый бизнесмен и откуда появился этот свирепый тигр? Просто поразительно, как ему удавалось так долго подавлять холодным разумом свою истинную сущность, свой необузданный, дикий нрав.

Она приготовила сэндвичи и позвала его. Они молча сидели друг против друга, Кэрол не отводила взгляда от стакана с молоком.

— У тебя есть семья, которая сейчас беспокоится? — неожиданно спросила она.

— Родители умерли. Есть старшая сестра, но она замужем и живет в Испании.

— Наверное, ей уже сообщили о твоём исчезновении, — вздохнула Кэрол.

Алвеш медлил с ответом.

— Si, — наконец выдавил он.

Он переходил на свой родной язык только тогда, когда был напряжен. Наверняка его тревожила мысль о сестре.

— Вы близки с ней? — спросила Кэрол.

— Да. Очень.

Кэрол решила продолжить разговор, хоть немного расшевелить его, вывести из сумрачного настроения.

— Ты испанец, да?

— Отец был португальцем, а мать — испанкой. Я вырос в Андалузии.

— В богатой семье?

— В богатой, — как-то виновато подтвердил он.

Сейчас перед ней был другой Алвеш — мягкий, обаятельный, в глазах которого светился юмор. Его легкая улыбка чуть было не привела Кэрол в легкомысленное настроение.

— А твои родители? Они, как это часто бывает у богатых, не слишком ладили друг с другом?

— Напротив! — удивленно возразил он. — Они были счастливой парой, но я родился очень поздно. Отец умер, когда я был подростком, а мать — два года назад.

— Сколько же тебе сейчас?

— Тридцать два... Слишком много для тебя... — неожиданно добавил он.

— Послушай, давай не будем говорить о подобных вещах. — Кэрол лукаво взглянула на него. — Ты ведь... Водолей по гороскопу? Я угадала?

— Да, — удивился он. — А что?

— А то, что мы должны избегать друг друга. Наш союз обречен.

— Я не строю свою жизнь по гороскопу. Лучше расскажи мне о себе.

— Не спрашивай. Это вызовет у тебя несварение желудка.

— Но все же я хотел бы знать. Кто твои родители?

Кэрол сжалась. Естественно, его интересовали не имена, он все равно никогда не слышал их.

— Мой отец Брюс Хэммон.

Алвеш удивленно вскинул брови.

— Художник?

Ну и ну! Оказывается, он еще и живописью интересуется.

— Да. А мать была одной из его моделей. Они увлеклись друг другом. И я — результат этого романа. — Кэрол поразились, что рассказывала ему о том, чем обычно ни с кем не делилась.

— Они не были женаты?

— Мать хотела, чтобы он заботился обо мне... Но это была глупая идея. Брюс не верил в брак. Он навещал мать от случая к случаю. Когда родилась я, его визиты стали совсем редкими. А после того как мне исполнилось тринадцать, я больше его не видела.

Она замолчала.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, ничего. — Кэрол встала и принялась убирать со стола. — Он очень злился, когда его пытались заставить жить в одном месте. Обвинял мать в шантаже, даже пытался доказывать, что я не его дочь... В общем, он не был героем...

— Но у него был талант. И имя.

— Но ведь если по-честному, то он больше известен как пьяница и бабник. Так?

— А твоя мать... Что стало с ней?

Кэрол повернулась к нему спиной и постаралась ответить бесстрастно.

— У матери был любовник, который не хотел, чтобы я путалась под ногами. Отец, чтобы избавиться от нас, дал ей денег. Она купила трейлер и укатила. А меня спихнула деду.

— Трейлер?

— Она всегда любила путешествовать. Наверное, была рождена не для одной, а для нескольких жизней, — вздохнула Кэрол. — Мать ушла из дома в восемнадцать лет и жила среди хиппи. Дед говорил, что она была дикая. Выгнал ее после очередной ссоры, но потом часто жалел об этом. Вернулась она только лет через двадцать. С Брюсом они прожили лишь года два вместе. Потом она встретила одного парня на автомобиле, и мы укатили с ним. Исколесили все Штаты.

— И ты путешествовала с ней... пока не исполнилось тринадцать? — Кэрол кивнула. — Вы так нигде и не осели?

— Нет. Месяц, два, три... Не больше. Так было все годы, пока она оставалась с ним.

— А как же твое образование?

Кэрол улыбнулась.

— Я начала учиться в тринадцать. Мать тогда уехала совсем, оставив меня у деда. Я уже ей мешала.

— Похоже, у тебя была несладкая жизнь.

— Иногда было весело. — Но на глаза вдруг навернулись слезы. Кэрол вспомнила, как голодала, мерзла, как часто сталкивалась с враждебным отношением к ним людей: ведь путешественники редко желанные гости в маленьких городках, в глубинке, по которой они колесили.

Кэрол замолчала. Никогда раньше она так много не рассказывала о своей прежней жизни и не понимала, почему вдруг сейчас потянуло на откровенность. Все это никого не касалось.

Разозлившись на себя, Кэрол схватила кочергу и принялась яростно колотить по двери контейнера. Но сделала лишь несколько ударов, как в ответ раздались такие же резкие, громкие звуки — удар металла о металл. От неожиданности кочерга выпала из рук. Она радостно обернулась, к Алвешу.

— Вот видишь, нас услышали.

Он уже был у нее за спиной и резко дернул к себе, потянув к кровати.

— Тихо, — прошептал он.

— Но... — Он что, сошел с ума? Ведь там, снаружи, есть кто-то, кто может открыть им дверь и выпустить на свободу!

— Это были пули! — Крепкие руки подхватили ее, когда Кэрол пошатнулась от ужаса и у нее подкосились ноги.

На крыше кто-то был — над ними послышались шаги. Кэрол даже показалось, что снаружи кто-то засмеялся. Или это звенело в ушах от страха? Сердце было готово, казалось, выскочить из груди. Тело сковал животный ужас.

Алвеш осторожно притянул ее к себе. Она ощутила его напряжение и внезапно порывисто обняла и прижалась к нему, чувствуя себя такой маленькой, такой незащищенной! Они в капкане, полностью во власти своих тюремщиков.

Затаив дыхание, Кэрол вновь услышала звук шагов. Но вдруг звук оборвался, и в контейнере воцарилась тишина.

— Они ушли, — сказал Алвеш.

— Или просто стоят и ждут, пока мы снова не начнем шуметь...

— Сомневаюсь. Думаю, они приходили проверить, все ли в порядке. На всякий случай посидим пока тихо.

— Гады! — пробормотала Кэрол, все еще дрожа от страха. Уткнувшись лицом в плечо, она ощущала запах его тела, уже такой знакомый.

— Пока они не получают выкупа, нас не убьют. А выкуп будет выплачен в любом случае.

— Может быть, полиция этого не допустит?

— Активность полиции на данном этапе вообще нежелательна.

— Почему?

Алвеш встал, зажег свет, затем сел на стул возле кровати.

— Полиция может напортить, а если все пойдет как надо, мой банк выплатит деньги. Это довольно стандартная процедура. Огласка сейчас для нас с тобой совершенно ни к чему. Напуганные похитители гораздо более опасны.

Кэрол встретила с его взглядом. На лице Алвеша появилась виноватая улыбка: сначала он позволил ей поверить, что полиция их ищет, и только теперь сказал правду.

— О Господи, — прошептала Кэрол.

— Извини, я не хотел тебя огорчать.

— Да, наверное, это было правильно.

— На высоком уровне полиция, конечно же, осведомлена о том, что произошло, — успокоил он. — Но сейчас, мне кажется, они просто ждут, как будут развиваться события.

— А если эти твои так называемые события разовьются в трагедию, тогда полиция станет более активной? — съязвила Кэрол.

— Не говори так.

— Но ты же хочешь, чтобы у меня был трезвый взгляд на происходящее. А на самом деле мы просто сидим в этой клетке и ждем, пока какой-то бандит не придет и не возьмет наши жизни. — В голосе Кэрол послышались истерические нотки.

— По-видимому, мы лишь теряем время и силы, барабанив в дверь. Раз этот человек стрелял, значит, не боялся, что выстрел будет кем-то услышан.

— Да, очень обнадеживающая мысль, — уныло согласилась Кэрол.

— Все же, не думаю, что наша жизнь в опасности, — снова принялся успокаивать ее Алвеш. — Вообще-то, я думал, ты посмелее...

Кэрол с трудом сдерживала слезы.

— Да, ты, наверное, не знаешь такой слабости, как страх. Хотя я предпочла бы, чтобы в тебе почаще просыпались нормальные человеческие чувства. Пусть даже для этого придется пережить весь этот кошмар.

На последних словах ее голос сорвался.

— Неужели тебе понравилось бы, если бы я сидел и трясся от страха?

Рыдания душили ее, из глаз хлынули слезы, Алвеш коснулся пальцами мокрого подбородка. Затем обнял и прижал к себе.

Да, он все прекрасно понимал. Сейчас больше всего на свете ей была нужна его теплота, его нежность.

Она почувствовала, как напряглось его тело и это напряжение передалось ей. Кэрол подняла голову и встретилась с его взглядом. Такого выражения она еще не видела.

— Я себе сейчас не доверяю — тихо сказал Алвеш.

— Доверяй своим инстинктам, — прошептал он Кэрол. Помедлив несколько секунд, она нерешительно начала расстегивать его рубашку.

— Кэрол!..

Бледные щеки вспыхнули румянцем. Но охватившее ее желание было гораздо сильнее, чем робость, порожденная сексуальной неопытностью.

— Здесь только ты и я, — выдохнула она, когда пиджак упал с его плеч. — И это то, чего я хочу.

Кэрол смело взглянула на Алвеша. Она была еще одета, но душу свою перед ним уже обнажила. Это был риск, и она ясно осознавала это. Но понимала и то, что если теперь не решится, то будет жалеть всю оставшуюся жизнь.

Он крепко обнял ее.

— Не раскаешься потом?

Он просил индульгенцию! Разрешение на свободу действий. Слова эти больно кольнули. Еще не поздно отказаться, обратить все в шутку. Но прежде чем она приняла решение, страстный поцелуй лишил ее способности думать. Кэрол задрожала. Остатки воли покинули ее без всяких

угрызений совести. Обжигающая волна его желания захлестнула, и она утонула в ней.

Алвеш пробормотал что-то по-испански, затем их губы опять сомкнулись. Когда Кэрол с усилием открыла глаза, то увидела, что ее грудь бесстыдно улеглась на его ладони.

— Ты так прекрасна!

Кончик языка скользнул по груди и остановился на набухшем соске. Кэрол задохнулась от восторга и инстинктивно притянула его голову еще ближе к себе. Она никогда не думала, что может существовать такое наслаждение. Пальцы скользнули по нежной поверхности ее живота и достигли бедер. Она окончательно потеряла контроль над собой, дыхание стало сухим и частым. Кэрол просто сгорала от желания. Алвеш застонал, их губы вновь встретились, и она еще крепче прижалась к его телу. Неожиданно ее пронзила боль. Он вошел в нее, и Кэрол до крови прикусила губу.

Он сделал новую попытку проникнуть глубже.

Она вскрикнула.

— Мне больно!

— Так ты еще девушка! Господи, мне и в голову не могло прийти. — Он совершенно растерялся.

Если сейчас он отвернется, то все будет кончено, и никогда больше...

Кэрол еще крепче обняла его и, собрав все свое мужество, резко подалась ему навстречу, задохнувшись от мгновенной боли. Нерешительность была сломлена, крепкие руки опять ласкали ее. Их тела слились в едином, стремительном ритме. Теперь каждое движение приносило новое наслаждение.

Эта любовная схватка была похожа на вспышку какой-то мучительно-прекрасной, но слепой ярости. Кэрол будто взлетала на гребень сверкающей волны и тут же с огромной высоты падала в бездонную пропасть. Все быстрее и быстрее. И вот волна подхватила, закружила, и, захлебнувшись в крике, она провалилась в небытие...

Когда Кэрол открыла глаза, то не сразу поняла, где находится.

— Что случилось? — прошептала она еще в забытьи. — Что со мной произошло? — Испытанное наслаждение не покинуло тело, и все вспомнилось.

— Что случилось? — услышала она в ответ. — И ты смеешь спрашивать? — Голос звучал грубо, безжалостно.

Ее словно окатило ледяной водой.

Пораженная этой внезапной резкостью, Кэрол села, чувствуя, как переполнявшее ее ощущение счастья стремительно улечивается. Дрожащими руками натянула на себя одеяло. Алвеш стоял рядом, бесстыдно голый, каждой клеткой своего тела излучая злость.

Никогда в жизни она не была так смущена.

— Прости... это было так прекрасно... я на миг будто умерла. Но почему ты... Не понимаю... Я что-то сделала не так?

Кэрол беспомощно вглядывалась в ставшее жестким и чужим лицо.

— О нет, — усмехнулся он, — ты сделала все, как надо. — И неожиданно взорвался: — В какую игру ты со мной играешь? Что это за сцену соблазнения девственницы ты только что разыграла!

Если бы мне хоть на минуту пришло в голову, что я буду первым мужчиной в твоей жизни, я бы никогда не притронулся к тебе!

— Думаю, что это мое право — сделать выбор, — прошептала Кэрол, опуская голову и изо всех сил пытаясь подавить слезы.

— Естественно, я его не делал. Напротив, был уверен, что занимаюсь любовью с равным партнером. Я никогда раньше, слышишь, никогда никого не лишал невинности.

— Но ведь я же сказала тебе об этом.

— Я не поверил. На кого ты уж никак не похожа так это на девственницу. Ни в мыслях, ни в действиях... И в какую сумму мне теперь обойдется это удовольствие?

— Обойдется? — эхом повторила Кэрол.

— Сначала сладкая ловушка, а потом расплата, — с холодной иронией произнес Алвеш. Сценарий хорошо известен.

Каждое слово буквально хлестало по щекам. Кэрол была потрясена. Только что он со всем пылом отдавался обуревавшим его чувствам. Сейчас же отрицал все — и ее и свою собственную страсть с такой циничной жестокостью, что она сидела и смотрела на него, словно парализованная.

— Предупреждаю тебя сейчас... Я не женюсь на тебе! — И повторил, отчеканивая каждое слово. — Я вообще не женюсь больше никогда. — «Больше»? Значит, он уже был женат? Несмотря на охватившее отчаяние, Кэрол кольнуло это открытие. — Хоть ты и начиталась сказок про золушек и принцев, но, поверь, даже беременность не толкнет меня на такой шаг.

Кэрол до боли сжала кулаки.

— Вы не мой принц, мистер де Оливейра. Успокойтесь, — с горечью и сарказмом проговорила она, вздернув голову. — Золушка давно не верит в волшебные сказки...

У него вырвался вздох. Он ожидал от нее все, что угодно — слезы, мольбы, упреки — но только не это. Чаши весов уравнились. Но она была смятена, подавлена, не верилось, что всего лишь несколько секунд назад они были так близки, как только могут быть близки друг другу мужчина и женщина. А теперь эта враждебность и торг. Он требовал назвать стоимость того, что для нее не имело цены.

— Почему же тогда? Почему ты отдалась мне?

Кэрол потянулась к своей одежде, лежащей на полу возле кровати. Руки дрожали, душил гнев. Да, век живи — век учись. Нет правды в этом мире. Она была полной дурой, отдав себя с такой готовностью человеку, считающему ее лгуньей.

— Кэрол?.. — с нажимом произнес он.

— Я хотела тебя. Похоть... что же еще? — Великолепные зеленые глаза вспыхнули и тут же погасли под его холодным взглядом. — Никакого тайного умысла у меня не было, — Чувственные губы сложились в кривую улыбку. — Ты ведь это хотел услышать? — зло сказала она, натягивая юбку под одеялом. — Но похоть — это то, что надо тебе, но не мне, понятно? Неужели ты думаешь, что я буду так же виснуть на тебе, как твои подружки, богатые леди? Или ты думаешь, что я уже сошла с ума от любви к тебе? Спустись на землю!

Выпалив все это, Кэрол спрыгнула с кровати и скользнула за перегородку. Кое-как умывшись, она прислонилась к холодной стене, с трудом держась на ногах. Любовь берет вас за горло, когда вы совсем этого не ждете, и вырывает из груди сердце, сколько бы вы ни твердили: «Я не хочу этого! Мне не нужны эти чувства!»

Да, это была ошибка, но гордость мешала признаться. Иногда вы играете и проигрываете. Иногда из вас делают дурака. Это жизнь. Но если не потеряете самоуважение, вы выздоровеете. И это тоже жизнь.

Грубое ругательство вдруг сорвалось с ее губ. К счастью, он не расслышал. Эта привычка к бранным словам в стрессовой ситуации сохранилась у нее с детства, и она никак не могла от нее избавиться. Впервые в жизни в голове царил полный хаос. Ей сделали по-настоящему больно. И шок никак не проходил. Стоило только подумать о том, как он с ней обошелся, и она была готова заплакать от унижения.

Они совершенно не подходили друг другу. Жили в разных мирах. Если бы судьба была более милостива к ней, то они вообще никогда бы не встретились. Что могло быть у них общего? Амбициозный, жестокий, принадлежащий миру самых богатых людей, этот человек носил дорогие костюмы в полоску, держал свой стол в безупречном порядке и даже в разгар любовной страсти думал о предохранении против беременности. И ее девственность оказалась не подарком для него, а угрозой. Как она вообще позволила себе влюбиться в такого!

Конечно же, это не любовь! Их вынужденное заключение смешало все эмоции, породив чувство, которого прежде не могло быть. И когда эти пули ударили в дверь, она была так напугана, а Алвеш так оберегал... Она так радовалась, что он рядом и защищает ее, что неправильно истолковала свои собственные чувства. И, не задумываясь, пожертвовала девственностью, которую хранила для будущего мужа, следуя наставлениям деда. Его нравоучения и были ее образованием. У матери был другой, свой собственный взгляд на мораль, но он не принес ей счастья. Понимая это, Кэрол решила, что сексуальные эксперименты не для нее. Вот если она полюбит кого-то и кто-то полюбит ее, и впереди их будет ждать общее будущее, — тогда другое дело. Но страсть без любви... на это был запрет в кодексе Кэрол. И она только что нарушила свой же запрет. Мысль об этом отозвалась очередной волной боли.

Алвеш включил еще одну лампу. Интересно, для чего? Сам он стоял в тени, и Кэрол поняла — он хочет получше разглядеть ее лицо. Первым желанием, несмотря ни на что, было 'броситься ему на шею. Она испугалась этого порыва. Казалось, что внутри нее живут два человека. Один старается быть разумным, другой — рушит все барьеры. Что, черт возьми, с ней происходит?

— Кажется, я неправильно оценил тебя, — начал Алвеш шелковым голосом.

— Забудь это. Я уже забыла.

Она лгала. И ему и себе. Ощущение их близости было настолько острым, что даже эта идиотская ситуация не притупила его. Наоборот, сексуальное напряжение нарастало. Она

отвернулась, щеки пылали.

— Похоть для меня тоже много значит, -вдруг услышала она.

Кэрол замерла, уверенная, что ослышалась.

Он не мог сказать такого.

— Не желаю это обсуждать, — отрезала она.

— Не будь ханжой, это тебе не идет.

Щеки Кэрол запылали сильнее, она выпрямилась.

— Послушай, я сделала ошибку и не собираюсь ее повторять...

Сделав над собой усилие, посмотрела на него и осеклась. Он стоял, отвернувшись, и сосредоточенно разглядывал что-то на потолке. Потом попытался повернуть лампу так, чтобы осветить потолок над плитой.

Проследив за его взглядом, Кэрол увидела над плитой в потолке отверстие для трубы.

— Дай мне кочергу.

Она молча подчинилась. Алвеш просунул кочергу в отверстие и дернул. Оттуда вывалился кусок цемента.

— Что ты делаешь?

Он снова с удвоенной силой стукнул кочергой, и новый кусок упал на пол. Теперь она поняла, чем он занят. В крыше было отверстие для трубы, заделанное цементом. В темноте они не разглядели его.

Алвеш продолжал бить по краям отверстия, все больше расширяя его, до тех пор пока не отлетел последний кусок. Вверху показался свет.

— Все равно слишком узко, мы не пролезем, — разочарованно прошептала Кэрол.

Алвеш бросил на нее оценивающий взгляд.

— Если я помогу, ты, пожалуй, протиснешься.

Кэрол забралась на плиту и просунула голову в отверстие. Первое, что она увидела, был старый трактор, стоящий у какой-то стены.

— Мы в хранилище, — прошептала она.

— О Господи! Не затем же мы затеяли все это, чтобы ты разглядывала пейзаж.

И прежде чем она сумела что-либо сообразить, крепкие руки подтолкнули ее вверх. Цепляясь за края и до крови поранив руки, с огромным трудом Кэрол в конце концов вылезла на крышу.

— А теперь вытаскивай меня отсюда! — прокричал Алвеш. Неужели он подумал, что она убежит и бросит его здесь.

Сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот. Она подползла к краю крыши и спрыгнула на землю, при этом больно ударив ногу. В голове стучала только одна мысль: а что, если заперто само хранилище? Она бежала к двери и слышала голос Алвеша, подгонявшего ее.

— Заткнись! — крикнула она со злостью.

Дверь была закручена на болты. Но, к счастью, видимо второпях, их не докрутили. Они поддались довольно легко. Кэрол, ломая ногти и сдирая на пальцах кожу, принялась их раскручивать. На это ушло минут десять. Последний болт — и дверь распахнулась!

Алвеш выскочил наружу и первым делом снова закрыл дверь и до конца закрутил болты. Схватив ее за руку, он бросился к выходу, таща ее за собой.

Стараясь не произвести ни единого звука, он осторожно отворил дверь. Кэрол высунула голову. Снаружи как из ведра лил дождь. Больше ничего не было видно.

— Пошли, — прошептал Алвеш.

Кэрол молча подчинилась, удивляясь пустоте вокруг. Потом вдалеке она увидела какое-то каменное строение, а с другой стороны — дорогу, ведущую на холм.

— И что теперь?

Порывистый ветер и дождь безжалостно хлестали в лицо. Алвеш крепко держал ее за руку. Они добрались до дороги. Она была не очень широкой, именно такой, по каким машина проезжает не чаще одного раза в день.

— Как холодно, — проговорила Кэрол жалобно.

— Ничего, скоро согреешься.

Он снял пиджак и набросил ей на плечи. Кэрол посмотрела удивленно.

— Но теперь ты замерзнешь, — виновато произнесла она.

— Маленькая разница между джентльменом и подлецом — подлец всегда остается в тепле.

— Мы должны найти убежище, скоро стемнеет.

Дорога петляла, поднимаясь по холму. Они прошли около мили, прежде чем увидели другую дорогу. Не сговариваясь, свернули на нее. Ливень не утихал, но было уже все равно: они и так были мокрыми до нитки. Сделав еще один поворот, увидели вдалеке тусклый свет. Сначала Кэрол решила, что это мираж. Все тело ныло, с каждым шагом идти становилось все труднее.

В какой-то момент она остановилась, качаясь, не в силах двигаться.

Алвеш упрямо подтолкнул ее сзади...

Раздался лай собаки, такой громкий, что мог бы разбудить и мертвого. В доме на холме зажегся свет. Сделав еще один шаг, Кэрол пошатнулась.

— Еще немного, постарайся, — наклонившись, сказал ей Алвеш и обнял за талию, стараясь поддержать.

Она старалась, она очень старалась. Но никогда в жизни не чувствовала себя такой уставшей. Ноги сами собой подогнулись, и она упала, потеряв сознание.

6

— Еще чаю, миссис де Оливейра?

Уголком глаза Кэрол уловила, как напрягся Алвеш, услышав эти слова хозяйки. Но ведь та считала их мужем и женой.

— Пожалуйста, зовите меня Кэрол, — сказала она, вежливо отказываясь от дополнительной чашки.

Алвеш разбудил ее, когда уже был одет.

Едва увидев его, Кэрол испытала шок. Гладко выбритый, в безукоризненно отглаженной белой рубашке (стараниями миссис Дудик) перед Кэрол стоял совсем не тот Алвеш, к которому она уже успела привыкнуть. Перед ней был человек, разговаривавший с ней в банке.

— Машина заберет нас в восемь. Затем мы сделаем заявление для полиции, — ласково произнес Алвеш, прежде чем выйти из комнаты и оставить Кэрол одну.

Взгляд упал на ночную сорочку, лежащую на кровати. И тут Кэрол вновь начали раздирать противоречивые чувства. Как она могла снова заняться с ним любовью? Нежность и страсть прошлой ночи опять поймали ее в ловушку.

Над воротничком его рубашки виднелся след оставленный ее зубами. Бог мой! Там, в темноте ночи, он на сто процентов был соблазнителем, а она — на сто процентов его жертвой. Вспоминая все, что было, она испытывала еще большее унижение. Теперь, при дневном свете, между ними вновь возникла та дистанция, которая была с самой первой встречи.

Мир снова стал реальным. А время, проведенное внутри контейнера, находилось за пределами этой реальности. Они опять стали самими собой. Он — Алвеш де Оливейра, богатый влиятельный финансист. А она — Кэрол Хэммон, бедная официантка, мечтающая стать художником. Пропасть между ними бездонна. И первым, кто напомнил об этом, был Алвеш. Переживания были такими сильными и мучительными, что испугали ее. Выйдя из спальни, она первым делом взглянула на Алвеша — не испытывает ли он то же самое, хотя бы в глубине души?

Но он совершенно спокойно и невозмутимо разговаривал с миссис Дудик. Да, Алвеш де Оливейра полностью контролировал себя. Точно знал, что чувствовал и что хочет чувствовать. Зачем же он любил ее прошлой ночью? Почти во сне, когда она была совершенно без сил.

Ну конечно, он просто из тех людей, которые занимаются сексом, когда хотят ям заниматься. Она была для него лишь желанным женским телом, тут же рядом, в одной постели. И, как он уже заметил раньше, не стоит строить никаких глупых иллюзий по поводу их дальнейших отношений.

...Машина без номеров забрала их ровно в восемь. Двое мужчин сидели на переднем сиденье. Они еще не успели спуститься с холма, как Кэрол поняла, что это полицейские. Они начали задавать вопросы.

На каждый вопрос, обращенный к Кэрол, отвечал Алвеш. В другой ситуации и в другое время

она возмутилась бы таким поворотом дела. Но сейчас ей было наплевать. Она сидела на заднем сиденье и молчала, позволяя Алвешу делать из нее безмозглую дурочку.

Мысли были далеко отсюда. Она думала о предстоящей разлуке.

— Мисс Хэммон, — вдруг очнувшись, услышала она громкий голос одного из полицейских.

Вздрогнув, Кэрол недоуменно посмотрела на пожилого инспектора, который каким-то образом оказался рядом на сиденье и внимательно ее разглядывал. Поняв немой вопрос, она ответила:

— Со мной все в порядке. — И опустила ресницы.

— Нам необходимо от вас письменное заявление, мисс Хэммон. Я понимаю, какое потрясение вы пережили, но тем не менее... Таков порядок.

Пока он говорил это, Кэрол уловила в его голосе какое-то особое любопытство, да и разглядывал ее он скорее не как полицейский, а как мужчина. Так, значит, теперь все будут ломать головы по поводу их отношений. Ну уж нет! Она не желала, чтобы кто-нибудь узнал о том, что с ней произошло.

Они подъехали к полицейскому участку в каком-то неизвестном маленьком городке. Чтобы пройти внутрь, пришлось пробиваться сквозь огромную толпу, окружавшую здание.

— От этих шакалов-репортеров невозможно избавиться, — заметил один из полицейских.

— От репортеров? — удивилась Кэрол.

— Они налетели как мухи, когда узнали о вашем освобождении. Похоже, вам придется дать им интервью.

— Да уж, без шоу теперь не обойтись, — произнес пожилой инспектор, пропуская Кэрол впереди себя в небольшую пустую комнату.

Оказавшись внутри, Кэрол почувствовала еще больший страх, чем тот, который испытала, очнувшись в контейнере.

— А что, пресса разве уже знает о нас — испуганно прошептала она.

— В газетах если и появится, то только пара слов о вашем освобождении. И то только после того, как мы поймаем похитителей.

— Мисс Хэммон пока останется в моем поместье. У меня хорошая охрана. И никаких интервью, — спокойно произнес Алвеш.

— Но ее рассказ о происшедшем может принести добрую сотню тысяч, — заметил инспектор с холодным взглядом. — Надеюсь, вы понимаете, какой возможности ее лишаете.

Неожиданная догадка пронзила Кэрол. Полиция уже все о ней знает: о ее происхождении, о том случае, который свел ее с Алвешем, о ее непроходимой бедности. Даже будучи жертвой, она вызывала не сочувствие, а подозрение, и теперь проверяют, действительно ли она пострадавшая сторона... Вспомнились слова Алвеша, брошенные невзначай в ванной, о том, что ее могут подозревать.

В глазах инспектора она как раз была человеком, который способен пуститься в подобные

приключения для того, чтобы заработать денег.

— Кэрол не будет говорить.

Взглянув на Алвеша, она увидела предупреждающий взгляд. В нем была угроза. Глаза говорили: «Только попробуй рассказать, что там произошло». Чаша унижения наполнилась еще одной каплей. Неужели после всего, что они пережили вместе, он все еще не верит ей? Думает, что хотя она и не проститутка, но требовать деньги все равно будет. И это был тот мужчина, с которым, как ей подсказывало сердце, она могла бы связать свою судьбу! Но теперь между ними все кончено.

— Конечно же, она не будет говорить.

Пожилой полицейский заботливо взял ее за плечи и усадил на стул. Кэрол почувствовала странное облегчение рядом с этим человеком, который знал о ее жизни больше, чем Алвеш.

Она отвечала на вопросы как автомат. Коротко и с достоинством. Да, гордость, только она сейчас оставалась ее защитой.

Когда допрос подходил к концу, послышался шум приближающегося вертолета. Это был вертолет мистера де Оливейры.

— Я отвезу вас куда хотите, как раз сейчас отправляюсь в Бостон, — обратился к ней инспектор.

— Кэрол поедет со мной, — произнес Алвеш тоном, в котором не было ни тени сомнений.

Даже не повернув голову в его сторону, Кэрол поблагодарила полицейского за его предложение и заметила:

— Спасибо. У меня есть друзья, к которым я бы хотела поехать.

— Может быть, вы оставите нас одних на несколько минут? — попросил Алвеш.

— Я подожду за дверью, — понимающе улыбнулся инспектор.

Дверь закрылась, и они остались с глазу на глаз.

— Черт возьми, что ты изображаешь? Конечно же, ты едешь со мной!

Усилием воли Кэрол заставила себя взглянуть ему в лицо. Она должна была знать, прежде чем уйти, что принимает единственно возможное решение. Она страшно боялась, что проявит слабость и вновь позволит ему распоряжаться собой.

— Не беспокойся, я не буду делать никаких заявлений прессе, — сдавленным голосом произнесла Кэрол.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

Он не ответил на это ее замечание, а лишь повторил:

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Зачем? Уик-энд окончен. Разве ты не понимаешь?

Сказав эти слова, она словно вонзила нож в свое сердце.

— Но я не прочь, чтобы оркестр поиграл еще немного, — как бы в тон ей ответил Алвеш.

Да, он без сожаления использовал нож. Для него существовал секс и больше ничего. Все, что он хотел, это получить на время развлечение, теперь уже у себя дома. Плюс уверенность в том, что она не разболтает ничего прессе.

Таким он и стоял перед ней. Аккуратным, уверенным в себе, сексуально привлекательным. Почему-то захотелось закричать и вцепиться в него ногтями.

Но она не сделала этого. Просто молча повернулась к нему спиной и направилась к двери.

— Но ты так же хочешь меня, как и я тебя...

И лучшего предложения у меня нет, — в очередной раз предупредил он.

Кэрол повернулась к нему.

— Думаешь, это имеет для меня хоть какое-то значение?

— Я хочу тебя в своей постели, — сурово сказал Алвеш. Его глаза превратились в куски черного льда.

Кэрол рассмеялась.

— Уверена, мне легко найдется прекрасная замена!

— А что, если ты беременна?

Кэрол побледнела, но все-таки нашла в себе силы взглянуть ему в глаза.

— Вряд ли. Это было неудачное время, — сказала она.

— Тогда заботься о себе сама!

Он вышел из комнаты и исчез в темном коридоре.

На ватных ногах она подошла к окну и увидела, как он садится в ожидающий его вертолет.

Такое чувство, будто ее разрезали пополам без анестезии. Но она просто не может быть влюблена в такое чудовище! Это страх заставил сконцентрировать на нем все чувства. Но теперь все позади, она должна выздоравливать и возвращаться к жизни.

— Самоуверенный негодяй, — буркнул позади нее инспектор.

Кэрол повернула голову. Инспектор взял ее под руку и повел к машине. Усевшись, он протянул ей пачку салфеток. Этот человек хорошо понимал, что с ней происходит. Оказалось, что у него четыре взрослые дочери. К тому же он где-то видел ее картины.

Услышав все это, Кэрол уже не могла сдерживать слезы. Они хлынули потоком, и она еле успевала вытирать их салфетками, думая, каким добрым и умным человеком оказался этот пожилой полицейский. В отличие от той высокомерной свиньи, с которой она так глупо улеглась в постель.

Они долго ехали до загородного домика Энн, ее подруги. Там Кэрол всегда чувствовала себя спокойно и знала, что Энн никогда не будет болтать лишнего. Знала она также, где хранятся запасные ключи от домика — под второй ступенькой крыльца.

— Давай, я останусь с тобой, пока подруга не вернется, — предложил полицейский.

— Я хочу побыть одна.

Он внимательно посмотрел на нее и вздохнул.

— А если он спросит, где ты?..

— Нет! — прервала Кэрол с яростью.

— Хорошо, буду держать тебя в курсе расследования, — закончил он и очень неохотно оставил ее в пустом доме.

Энн вернется, конечно, не раньше полуночи. Каждый вечер она обычно проводила в художественной студии. Наверняка проторчит там и сегодня до поздней ночи. Энн была на несколько лет старше Кэрол, любила писать маслом большие композиции с цветами и шутила, что клиенты будут расслабляться, любуясь ее творениями. Однако лишь в редких случаях подписывала их.

Прошло уже несколько лет с тех пор, как Гарри Эванс, увидев в доме у деда рисунки Кэрол, привел ее в студию. Она тогда еще не окончила школу, была самой младшей в группе и не имела никакого художественного образования. Но уже в первую встречу их наставник был поражен, как он сказал, ее «диким талантом». И дед и Гарри тогда были больше озабочены, нежели довольны такой оценкой, но единодушно решили, что ей надо учиться.

Зазвонил телефон. Кэрол подошла и услышала в трубке голос Гарри.

— Я очень забеспокоился, когда пришли эти два шумных копа и рассказали, что случилось с тобой, — гневно начал он, вызвав улыбку Кэрол. — И уж совсем был не рад этим невыносимым репортерам.

— Я останусь здесь, пока все не утрясется. В ресторан позвоню и скажу, что больна.

— Надеюсь, ты не повредила руки?

— Нет, только сердце.

— Не понял.

— Неважно. Я тебе позвоню.

— Разговоры стоят дорого, — недовольно пробурчал он. — Почта тоже дорога, но все же дешевле разговоров.

Кэрол положила трубку и расхохоталась. Смеялась до тех пор, пока смех не перешел в рыдания. Чтобы их прекратить, она потянулась к альбому Энн, открыла его и принялась рисовать, хотя все расплывалось перед глазами. Механически она набрасывала знакомые черты и, только поняв, чей это портрет, в ужасе остановилась. С листа на нее смотрел Алвеш.

Отшвырнув альбом, она разрыдалась еще сильнее. Что с ней происходит? В конце концов, всего

неделю назад она знать не знала о его существовании. И никогда не допускала и мысли, что может влюбиться в какого-то богатого сноба.

— Чувствую себя идиотом... Абсолютным идиотом! — Стив как заведенный ходил из угла в угол. — Все мои друзья только и спрашивают, а я ничего не знаю. Что же произошло с вами в том злосчастном контейнере? Имею я наконец право знать?

— Наверное, я тоже имею право знать, кто был с тобой, когда ты не пришел на мой день рождения?

Проговорив это, она тут же пожалела. Стив был очень красивым, но обладал удивительной способностью краснеть, что всегда выдавало его. Сейчас он стал похож на вареного рака.

— Я... я не понимаю, о чем ты говоришь. Я работал всю ночь.

Он так неумело лгал, что она разозлилась. С какой стати он вдруг почувствовал себя ее хозяином? Почему вообще этот врунишка будто приклеился к ней как раз тогда, когда она уже почти забыла о нем. Вот Алвеш и не думает разыскивать ее. Он исчез с ее горизонта так же быстро, как и появился.

— О кей, — вздохнул Стив. — Виноват, но это был лишь легкий флирт, меня соблазнили, вот и все. Непростительно, конечно... в твой день рождения...

— А тебе не приходило в голову, что дата была выбрана специально, чтобы ударить меня побольнее?

Стив пристально смотрел на нее, но она была для него слишком умна. Очень часто говорила то, о чем он только начинал думать. Сейчас Кэрол решила наконец закончить надоевшую ей историю.

— Послушай, теперь уже нет смысла выяснять это. Все кончено. Мы останемся друзьями — вот все, что я могу тебе предложить.

— Но я не спал с ней! — В голосе, в жестах вдруг появилось какое-то чувство, которого она никак не ожидала от него, всегда такого холодного и сдержанного. — Прости меня, такое никогда больше не повторится, — произнес он, сжимая ее руки.

Разумеется, он спал с той женщиной! Но это не имело никакого значения после всего, что произошло с ней самой.

— Давай пообедаем в каком-нибудь модном месте. И вообще, интервью с твоим Оливейрой просто выводят из себя. «Без комментариев» — как тебе это нравится! В конце концов, ты моя девушка. А такое исчезновение дает повод думать, что тебе есть чего стыдиться.

Энн вошла в маленькую ванную комнату, когда Кэрол переодевалась.

— Ты собираешься пойти с ним?

— Думаю, придется это сделать, чтобы, как заявил Стив, он мог смело смотреть в лицо своим коллегам в офисе.

— Раньше ничего подобного он не говорил.

— Да, — согласилась Кэрол, продолжая собираться. — Наверное, мне вообще-то уже пора

возвращаться домой. — Грустная улыбка коснулась ее губ. — Спасибо, что приютила, но рано или поздно надо поворачиваться лицом к жизни.

— Думаю, что этим делом будут долго интересоваться, ведь похитители пойманы и мне теперь ничего не угрожает. И пока не начнется процесс, все будет тихо.

— Неужели ты сама веришь в это?.. Хочешь или не хочешь, но каждое твое слово теперь стоит больших денег. И чем больше ты будешь молчать, тем больший интерес вызовет это дело. Тебе надо наконец сделать заявление.

Прошло уже три недели с тех пор, как полицейский привез Кэрол в дом Энн. Гарри собрал ее вещи и Энн потихоньку забрала их по дороге с работы, потому что репортеры неотлучно следили за домом Эванса, пытаясь выследить Кэрол. За это время она дважды побывала в центральном бостонском отделении полиции, где дала показания. Казалось, что все закончено, впереди был лишь суд.

Но пресса все равно нагло лезла в ее прошлое и публиковала все сведения о родителях, о «несуществующем» образовании, о ее таланте. Казалось, каждый, кто когда-нибудь был знаком или хотя бы раз в жизни видел ее, рассказывал о ней. Соседи Эванса, друзья по школе, ее наставник в художественной студии, бывшие приятели. Они разыскали всех, даже тех, о существовании которых Кэрол давно забыла, печатали то, о чем она даже не подозревала. Кто-то назвал ее фригидной, кто-то — дикой. Один из заголовков в газете гласил: «Я все еще люблю ее» — слова последнего друга, с которым она рассталась шесть месяцев назад. Возникло ощущение, что ее раздели догола.

— Здесь? — удивленно воскликнула Кэрол, когда Стив остановил машину около ресторана, где они должны были обедать. — Но ты потом месяцев шесть будешь сидеть без копейки.

— Можешь помолчать! — цыкнул Стив, почему-то побледнев так, что стал одного цвета со своим бледно-голубым пиджаком. — Могу я, в конце концов, раз в жизни позволить себе такое расточительство.

Раньше он не тратил на нее таких денег. Хотя и неплохо зарабатывал в своей конторе, но был очень экономен. Неужели он решил так «отметить» их расставание?

Официант, едва взглянув, тут же узнал Кэрол и заулыбался. Ответив рассеянной улыбкой, она подтянула свои длинные черные перчатки и стала поправлять платье — тоже, черное, которое плотно облегалo ее стройную фигурку и прекрасно сочеталось с длинными золотисто-каштановыми волосами и матовой кожей.

Ощущение неловкости, однако, не проходило.

Их столик оказался в центре зала.

— Мы что-нибудь празднуем? — спросила Кэрол, чувствуя, как все головы повернулись в ее сторону.

Неужели все эти люди читали о ней в газетах?

— Надеюсь, — ответил Стив, широко улыбаясь и заказывая дорогое французское вино.

— Я не пью, — предупредила Кэрол.

Он придвинулся к ней ближе.

— Надеюсь, сегодня ты сделаешь исключение?

В тот момент, когда она собралась было задать Стиву вопрос по поводу столь странного поведения, Кэрол повернула голову и замерла от неожиданности. В нескольких шагах от нее за столик у окна усаживался... Алвеш де Оливейра. Теперь грозы не миновать.

Все эти три бесконечные недели Кэрол старательно гнала прочь все мысли о нем. Она ругала себя за то, что позволила ему овладеть не только ее телом, но и душой, за неуправляемую вспышку сексуальности. Она похудела и почти не спала по ночам.

Но в ту секунду, когда увидела его, все остальное перестало существовать. Все три недели «лечения» мгновенно пошли прахом. Она уже не могла не смотреть на эту темную голову. Ее взгляд скользнул по его фигуре вниз и снова вернулся к лицу.

— Твое вино... — напомнил Стив.

В эту секунду взгляд Алвеша остановился на ней. Было видно, как напряглось лицо, а в глазах появилось жесткое выражение. Кэрол схватила бокал с вином и залпом осушила.

— Никогда не подозревал, что ты умеешь так пить. Хотя вообще-то вино пьют медленно, маленькими глотками, чтобы насладиться букетом.

Официант вновь наполнил ее бокал.

— А сейчас... — произнес Стив торжественно.

— Что сейчас?

Кэрол увидела на ладони у Стива кольцо. Он протягивал ладонь к ней.

— Зачем это? Чего ты хочешь? Что мае с ним делать? — удивленно спросила Кэрол.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — ответил Стив и взял ее за руку.

— Что?.. Все остальное произошло в одну секунду. Ее ослепила вспышка, а открыв глаза, она увидела, как человек с фотоаппаратом бросился к двери.

— Спасибо, друг! — крикнул он на ходу Стиву и исчез.

Потом сбоку раздался знакомый голос:

— Уверен, вы не будете возражать, если мы присоединимся к вам.

Открыв рот, Кэрол уставилась на Алвеша, появившегося, и не в одиночестве, около их стола. Он спокойно пододвинул свободный стул и усадил свою спутницу — великолепную блондинку.

— Соня Иствуд, — представил он. — Соня, познакомься, это Кэрол. Раз мы сегодня две самые популярные пары в ресторане, то почему бы нам не объединиться?

— Я не хочу сидеть с тобой за одним столом. Ты всегда появляешься там, куда тебя не приглашают...

— Кэрол, пожалуйста, — шепотом прервал ее Стив.

— Если вы будете шептать, то именно этим заставите ее кричать, — невозмутимо заметил Алвеш, усаживаясь рядом с блондинкой и подзывая официанта. — Значит, вы — Стив Экройд? Скажите, а она не называет вас Стойком время от времени? Я спрашиваю, потому что, когда, мы встретились, она запомнила мое имя далеко не сразу.

— Заткнись, — процедила Кэрол сквозь зубы.

— Прошу тебя, Кэрол, — повторял Стив. — Мистер де Оливейра и мисс Иствуд вполне дружелюбны.

— Конечно, мы дружелюбны, — заверил Алвеш.

Кэрол схватила бокал и осушила его так же быстро, как первый.

— Мне очень жаль, что так получилось, — пробормотала Соня, уставившись на обручальное кольцо, лежащее на скатерти рядом с прибором Кэрол.

— Свадебные оковы, — сардонически рассмеялся Алвеш.

— Если ты не заткнешься и не уберешься отсюда, я запущу в тебя этой бутылкой.

— Только попробуй, — оборвав смех, зло ответил Алвеш.

— Извините меня, — бросила Кэрол и встала из-за стола.

Через несколько секунд она была уже в туалете. Следом за ней вошла Соня. Кэрол с трудом сдерживала слезы, готовые вот-вот хлынуть. Соня подошла к ней и сказала:

— Если бы я могла сделать для Алвеша то, что можешь ты!

— Не понимаю, о чем вы? — удивилась Кэрол.

— Ты так молода, — вздохнула Соня, внимательно ее рассматривая. — Я должна была бы ненавидеть тебя, но не могу. Не твоя вина, что он собирается бросить меня. Все равно ни с кем Алвеш не оставался больше двух месяцев. Это наше последнее свидание, и, честно говоря, с меня хватит! Он стал совсем другим человеком после похищения...

— То есть? — В глазах Кэрол мелькнуло любопытство.

— Он с тобой. — Соня начала вынимать из изящной сумочки какие-то вещи. — Вот возьми... Этот ключ открывает городскую квартиру, а эти-от дома в его поместье. Ключи от «порше»... Он сказал, что я могу оставить его себе, но, думаю, это слишком высокая плата.

— Не надо! Я не хочу! — в ужасе закричала Кэрол, увидев все эти вещи у себя в руках.

— Ты собираешься выйти замуж за этого...

Стейка или как там его?

— О нет...

— Тогда дай Алвешу возможность для дополнительных расходов, — уже весело сказала Соня.

— Все не так, вы неправильно поняли.

— Желаю удачи. Она пригодится. Алвеш никого не любит и никогда не женится. Сенсационные разводы оставляют шрамы, — пробормотала Соня уже у выхода. — Жаль только, что он не понимает, что есть и другие люди на этой земле, которые знают, что такое боль.

Кэрол осталась стоять в оцепенении, держа в руках ключи. Соня потрясла ее. Какая сильная и гордая женщина! Хотя раз в этом злосчастном контейнере она подумала об этой женщине? А ведь она видела их вместе в день своего рождения около серебристого «линкольна». Неожиданно Кэрол поняла, что предала все так ценимые ею принципы. И за это она сейчас ненавидела Алвеша.

Она вернулась к столу с высоко поднятой головой. Холодная, высокомерная и недосягаемая, как статуя. Не глядя на Алвеша, положила ключи перед ним на стол.

— Я хочу домой, Стив.

— До встречи, дорогая, — по-испански произнес Алвеш.

7

Стиву потребовалось совсем немного времени, чтобы продать несколько ее картин, и он пребывал в великолепном настроении. К тому же Алвеш нашел путь к его сердцу, пообещав порекомендовать одному из своих друзей.

— Однажды я уже сталкивался с такими людьми. Они пришли ко мне за советом. И предложили стать главным партнером фирмы, — безудержно хвастался он, раздуваясь от самодовольства.

— Великолепно.

Боже! Каким он был скучным и предсказуемым! Кэрол уже не могла выносить его общество и не чаяла от него избавиться.

— Это даст нам возможность пожениться через год или два.

— Ты опять об этом? — свистящим шепотом произнесла она.

Стив составил план их будущей совместной жизни: через три года свадьба, за это время — ее превращение в модного художника. Он был таким рассудительным, что хотелось просто рвать на себе волосы. Неужели это был именно тот мужчина, за которого еще месяц назад она, не раздумывая, вышла бы замуж?!

Кэрол спросила:

— Почему тот человек с фотоаппаратом поблагодарил тебя?

Стив нахмурился.

— Ну, просто я сказал ему, что мы там будем.

— Что-что? А ты не предполагал, что и Алвеш там окажется?

— Это его любимый ресторан, и я знал это. Мне очень польстило, что он подошел к нам. К

счастью, и у него там было свидание. Поэтому мы, так сказать, осветили нашу помолвку публично. Теперь у нас есть еще и фото, -гордо заявил Стив, не замечая нарастающий гнев в глазах Кэрол. Он был чрезвычайно доволен собой.

— Но я еще не сказала «да»! — в ярости вскричала Кэрол. — От неожиданности он сделал шаг назад. — Так вот мой ответ — «нет»! Нет и нет. Не хочу выходить за тебя замуж. Ты не только нечестен, но еще и чванлив, как индеец. Не собираюсь выходить замуж за человека, которого больше интересует мнение секретарши в офисе, чем мое.

— Боже мой, что ты говоришь! Почему нечестен? Почему чванлив?

— Так что можешь забрать свое объявление о нашей помолвке из газеты.

Выпалив это, Кэрол вытолкала его и захлопнула дверь перед самым его носом так быстро, что он не успел опомниться.

Все! С этим покончено! Кэрол поднялась к себе, в свою студию, и бросилась на кушетку.

Очень хотелось плакать. После той встречи в ресторане она была в постоянном напряжении. Она ждала. Алвеш обязательно придет, она чувствовала. И от одной мысли об этом ее начинало трясти. Мужчина, покупающий женщин, как покупают сорочки, по словам Сони, никогда никого не любивший и не собирающийся жениться! Как она могла влюбиться в такого? А это была любовь. Лгать себе уже не имело смысла. Увидев Алвеша вечером в ресторане, она столкнулась лицом к лицу с правдой. Она не просто влюбилась, она безумно полюбила мужчину, который расплачивался с женщинами дорогими машинами и квартирами! В мужчину, который имел над ней полную власть в постели. Два месяца? Даже Кэрол позволяла мужчинам быть возле себя дольше, чем два месяца... Чаще всего... Их роман со Стивом, например, длился три месяца.

А что говорила Соня насчет сенсационного развода? Странно, что об этом не было сообщений в газетах. Надо будет спросить Энн. Она была ходячей энциклопедией светских скандалов. И молчала сейчас скорее всего потому, что была слишком хорошим другом, чтобы упоминать имя де Оливейры в то время, как Кэрол изо всех сил старалась забыть его. Да, да, конечно. Бедная Энн! Она была вынуждена держать рот на замке, хотя наверняка умирала от желания рассказать все, что знала.

Старинный колокольчик зазвенел над входной дверью. Кэрол пошла открывать.

— Вам следовало бы иметь цепочку на двери. Почему здесь такая темнота?

— Гарри не любит электрического освещения.

Продвигаясь ощупью по коридору, Алвеш наткнулся рукой на старинное бра на стене.

Щелкнул выключатель, и коридор осветился тусклым светом. Кэрол никогда и не знала, что эта лампа может гореть. Вдруг из комнаты Гарри раздался страшный вопль:

— Выключите немедленно! Вы что, хотите моей смерти?! Вы хоть имеете представление, сколько ватт в этой лампе?

— Выключи, ради Бога, иначе у него будет сердечный приступ, — прошептала Кэрол.

Алвеш с удивлением уставился на худую фигуру, одетую в какие-то лохмотья.

— Мистер Эванс? Я Алвеш де Оливейра.

Алвеш протянул руку для приветствия.

Но Гарри лишь прижал свою руку к груди, продолжая умолять:

— Выключите свет.

— Не волнуйтесь, я заплачу, -спокойно проговорил гость, вытаскивая из кармана пухлый бумажник. — После моего приключения в контейнере я теряюсь в темноте. Нервы не выдерживают, — продолжал он, доставая из бумажника хрустящую банкноту.

— У Кэрол есть свечи, — заметил Гарри.

— Этого будет недостаточно. — И Алвеш сунул банкноту в дрожащую руку Эванса. — Я очень хорошо понимаю, в какую борьбу вы вступили, решив выжить в этом доме.

Не было темы ближе сердцу Гарри, чем эта. Он улыбнулся и спрятал банкноту в карман.

— Гарри! — Кэрол возмущенно топнула ногой.

— Женщины не понимают таких вещей, — вздохнул де Оливейра.

— Я не люблю посетителей, но вы мне понравились, и вы можете остаться, — сказал Эванс и удалился.

Кэрол поднялась вверх. Алвеш последовал за ней.

— Вот где ты обитаешь. — Алвеш с интересом осмотрелся, с опаской глядя на трещины в стенах. — На чердаке, с летучими мышами.

— Как ты смеешь? Что зазорного в том, что он беден!

— Беден? — расхохотался Алвеш. — Да он может купить любой дом на этой улице. У него куча золота в банке, и оно дает ему огромную прибыль каждый год.

— Не верю!

— Да-да. Он решил всех надуть, но я проверил. Твой Гарри Эванс — необыкновенно богатый человек, но он никогда не расстанется ни с одним центом, если только его не заставят.

Благотворительность никогда не стучится в эту дверь.

— Ты, наверное, перепутал его с кем-то?

— Он отменный лжец. Но давай все же зажжем свет. — Алвеш потянулся к выключателю.

— Здесь нет лампочки. — Кэрол еще не пришла в себя от изумления. — Пойдем вниз.

— Нет. Я давно хотел побывать в комнате художницы.

— Ладно, тогда я зажгу свечу.

— А где же тюфяк, набитый соломой, и мышеловка? — спросил Алвеш, взял из ее рук подсвечник и поднял его повыше. — О Господи! — воскликнул он, разглядывая голые стены

комнаты. — Ты бы, наверное, решила, что оказалась в раю, если бы приехала ко мне.

— Никуда я с тобой не поеду, Алвеш.

В мерцающем свете свечи он выглядел еще более романтично, чем всегда, и напоминал бронзовую статую, правда облаченную в дорогой темный костюм.

У Кэрол пересохло в горле.

— Даже если ты не будешь рисовать ничего, кроме разноцветных шариков, я буду твоим патроном, -нежно произнес Алвеш.-Ты заслужила это. Из газет я узнал о тебе больше, чем ты пожелала мне рассказать.

Кэрол вспыхнула.

— Что же, например?

— Например, то, что ты любишь играть с людьми.-Он произнес эту фразу на чистом французском. — Может быть, не слишком заботясь о произношении, но говоришь на французском, итальянском и немецком почти так же бегло, как на родном, английском.

Кэрол напряглась.

— Не следует верить всему тому, что написано в газетах.

— Так да или нет? — спросил он ее теперь по-немецки.

— О'кей, о'кей, пусть будет так!

— Ты сказала, что работаешь официанткой...

— И не стыжусь этого.

— Но ты бы могла стать ученым. Твои друзья говорили, что ты обладаешь великолепным аналитическим умом.

— Это большое преувеличение. А уж в сравнении с тобой...

— В студии ты занималась живописью, но у меня есть странное подозрение, что ты не сможешь нарисовать даже орех; Гарри заменил тебе отца, которого ты никогда на самом деле и не имела. И ты намерена пойти по его стопам!

Кэрол побледнела. Она не предполагала такой мощной атаки. Видимо, Алвеш был очень сердит. Но почему? Неужели он собирал все эти сведения ради своей собственной пользы? «Умная киска», — слышала она за своей спиной возгласы сверстников, когда училась в школе.

И уже тогда усвоила, что легче быть такой, как все, чем одаренной.

— Стейк думает, что в газетах написали много странной лжи о тебе.

— Его имя Стив, — поправила Кэрол.

— Он сказал мне, что ты великолепна. И он готов идти за тобой хоть на край света, если ты будешь хоть немного любить его. Но он и понятия не имеет о том, как ты умна.

Кэрол поджала губы.

— Зачем ты пришел?

— Между прочим, ты ждала меня, — уверенно констатировал Алвеш. — Когда я увидел тебя в ресторане, то готов был задушить. Где ты была эти три недели? Какого черта этот пожилой полицейский обращался со мной как с преступником и не желал сообщить твой адрес?

Кэрол покраснела и пожала плечами.

— Мне не приходило в голову, что ты будешь об этом спрашивать.

— Ты, наверное, забываешь, что перед тобой Алвеш, а не Стейк. Я очень хорошо знаю женщин и восхищался твоим поведением в полицейском участке. Видимо, ты специально дала мне время, чтобы я оценил тебя и в твое отсутствие. А затем, словно по мановению волшебной палочки, ты появляешься в моем любимом ресторане с другим мужчиной.

— Какая ерунда! — воскликнула Кэрол, не веря своим ушам. — Неужели я теперь опущусь до того, чтобы ловить тебя?

— Я уважал бы тебя больше, если бы ты честно призналась в своей расчетливости.

— Интересно, как ты проходишь через парадную дверь, имея такое самомнение?

— Извини, если я не оправдал ожидания и не устроил сцену ревности! Но я не ревнивец.

— Хорошо, я поверю тебе... Тысячи других не поверили бы, — отозвалась Кэрол, понимая что на самом деле он дьявольски ревнив. — Ты был груб со мной, с Соней, со Стивом. Не знаю, что я сделала, чтобы заслужить такое... Что же касается Сони, то мое сердце разрывается, когда я думаю о ней.

— Сердце? О Господи, видеть тебя рядом с ним, наблюдать, как он сжимает твои руки! Ты получила то, чего хотела!

— Я не знала, что ты будешь там.

Кэрол чувствовала, что говорит впустую, все равно Алвеш уверен, что она специально пришла в тот ресторан. Стив подставил их обоих, но Алвеш в это никогда не поверит. Потому что Стив был так вежлив с ним, потому что Стив обратился к нему за помощью. Ведь Стив никогда раньше не общался с таким могущественным человеком, как Алвеш де Оливейра.

— Хотел бы я взглянуть на великолепные творения, ни одно из которых никогда не было продано. О, да здесь целая выставочная галерея.. Может, ты мне подаришь одно из них как компенсацию за поврежденный «линкольн». Хотя любовники редко должны что-нибудь друг другу — лениво заметил Алвеш.-Если бы ты тогда не наскочила на мою машину, я бы никогда не встретил тебя. В общем-то, это не кажется слишком большой платой за то удовольствие, которое ты мне доставила.

Кэрол чувствовала, что атмосфера накаляется.

— Всего месяц назад ты собирался отвезти меня в полицию.

— Нет... Я передумал уже в лифте, когда спускался с тобой в подземный гараж. Вместо этого я собирался отвезти тебя к себе домой, -произнес Алвеш с убийственным спокойствием.

— Я бы не поехала! Скажи, а с Соней ты тоже поступал таким же образом?

Алвеш удивленно поднял брови.

— А какое это имеет значение?

Кэрол взглянула на него с отвращением.

— Она тогда жила с тобой, или, ты думаешь, я этого не знаю?

— У Сони было все, но она никогда не жила со мной. Я давно уже не делил свой дом ни с одной женщиной. Иметь такие близкие отношения очень опасно.

— В общем-то для двух месяцев я не следует утруждать себя.

— Ты имеешь в виду какие-то сроки в моих отношениях с женщинами? — расхохотался Алвеш, хотя в этот момент ему явно было не до смеха. — А как все-таки насчет тебя?

— Меня?

— Если то, что я прочитал о тебе в газетах, хотя бы наполовину правда, ты очень легкомысленная женщина.

— Вот как?

— Но я подрежу твои крылышки, прикую тебя цепями к кровати, а когда буду отсутствовать, найму для охраны только старых, страшных мужчин.

Он впился в ее лицо изучающим взглядом. Затем его губы тронула торжествующая улыбка победителя.

— Но на самом деле я не очень беспокоюсь. В конце концов, из всех названных в газетах мужчин ты спала только со мной, ведь так?

Пораженная таким заявлением, Кэрол заметила:

— В тот момент тебе так не показалось.

— Но я никогда раньше не занимался любовью с девственницами. Ты застала меня врасплох. И я должен был по достоинству оценить тебя и сделать комплимент.

— У тебя еще есть время.

— Только если поедешь со мной. Не волнуйся, не собирай вещи, завтра я пришлю кого-нибудь, чтобы очистить это помещение.

— Ты что, предлагаешь мне жить с тобой? — сдавленно прошептала Кэрол.

— Если хочешь точности, то я предлагаю тебе провести со мной месяц, и давай начнем его сегодня.

— Но ты же сказал, что не любишь обременять себя подобными отношениями.

— Да, это риск, но я готов пойти на него, чтобы...

— Не такой уж это большой риск, — задумчиво произнесла Кэрол.

— ...снова видеть тебя в моей постели, -закончил Алвеш.

— И это все, чего ты хочешь?

Тень досады промелькнула по лицу Алвеша.

— Ты когда-нибудь слышала о таком понятии, как скромность? И вообще, какого черта я здесь делаю?

— Да, действительно. Тем более что ты пришел только оскорбить меня.

Он взглянул удивленно.

— Чем же это я тебя оскорбил?

Кэрол вдруг ощутила такой гнев, такое разочарование, что сжалось сердце.

— Ты предлагаешь мне провести месяц в твоей постели, зная при этом, что я в курсе твоих любовных походов. Разве это не оскорбление?

— А что ты, собственно, теряешь? Стейка? И то кольцо, которое он положил обратно к себе в карман?

— Возможно.

— Но я никогда не предложу тебе кольцо, дорогая.

Кэрол вспыхнула, он попал в самую уязвимую точку. Неужели у нее все еще оставалась какая-то надежда на более серьезные отношения? Как все глупо. Сколько же правил должен нарушить человек, прежде чем начнет ненавидеть себя? Первый раз она переступила свои запреты именно в отношениях с Алвешем. И если она совсем потеряет самоуважение и гордость, то грош ей цена. Да, она из тех людей, которые должны иметь либо все, либо ничего.

— Если ты так честен со мной, то я тоже постараюсь быть честной.

Кэрол сделала несколько шагов, словно собираясь с духом. На лице промелькнула тень страдания.

— Я выросла, наблюдая за любовными похождениями моей матери, за тем, как ей каждый раз разбивали сердце, видя ее депрессии, ее унижения. Я не буду так жить! И я видела, как ты обращался с Соней...

— Соня и я не были любовниками.

Кэрол удивленно уставилась на него.

— Соня лишь играла роль моей любовницы. Возможно, мы бы и стали близки, если бы я не был похищен. Но все переменилось.

«Все переменилось». Да, и для Кэрол тоже. Всего за тридцать шесть часов ее жизнь стала другой. Все ее чувства стали другими. Как бы она ни пыталась повернуть время вспять, ей это не удавалось все закончилось прежде, чем начаться.

— Даже если это правда, ты не должен был так поступать! — воскликнула Кэрол, то ли переживая за судьбу другой женщины, то ли понимая, что если сейчас промолчит, то наступит день, когда и с ней поступят точно так же.

— Я хочу другого.

— Тебе бы следовало вспомнить об этом раньше, моя милая, до того, как ты предложила себя мне. Девственность — это была твоя цена, а не моя.

Кэрол вздрогнула. Ясно, она полюбила законченную свинью. Наверняка здесь сыграли свою роль порочные гены матери. Но нет, она не поддастся природе, не позволит собой управлять.

Она гордо вскинула подбородок и, глядя на него в упор, твердо произнесла:

— Я больше не сделаю этого, мне нужно другое.

— Тебе нужен брак? — спросил Алвеш с насмешкой, но в голосе уже чувствовался нарастающий гнев. — Я сказал, что хочу тебя, но не сказал, что буду стоять на коленях и умолять тебя об этом.

— А я не сказала, что хочу за тебя замуж! — парировала она.

— И не надо этого делать. Положение моего банка лучше говорит о твоих намерениях, чем твое лицо. Однако цена, которую ты установила, не соответствует той, что готов заплатить я. И ты очень ошибаешься, если думаешь, что расстроила меня.

— Но я никогда не упоминала о браке!

— Скоро ты заговоришь и о детях.

— Без сомнения.

— Да, я люблю детей. А также хочу большую собаку, и кошку, и пони для детей.

Так что убирайся отсюда, Алвеш де Оливейра, вместе со своим банком. Иди и поищи другую для своей драгоценной постели! И если она в твое отсутствие развлечется с садовником или охранником, ты получишь именно то, что заслуживаешь.

— Ни одна женщина не смела так говорить со мной!

— Мне стыдно, что я позволила тебе прикоснуться ко мне. Теперь буду отмываться всю жизнь. Как ты посмел явиться в мой дом и обсуждать, как с проституткой, мою цену! Ты что, назначил мне, как Соне, «порше» в качестве гонорара?

— Сначала тебе нужно научиться водить машину. Посадить тебя за руль «порше» сейчас было бы непростительно. Ты перебила бы все встречные машины.

— Не смей! — закричала Кэрол, увидев, что Алвеш начал приближаться к ней.

— Ты же тоже этого хочешь.

Он сжал: ее в объятиях так крепко, что она едва дышала, Но она и не хотела дышать. Не хотела сопротивляться. Голова закружилась, и она прижалась к нему. Сердце бешено заколотилось, и каждая клетка? вела задрожала от желания, Он подхватил ее на руки и положил на

видавшую виды кушетку, служившую кроватью.

— Ты великолепна! — прошептал он, задыхаясь от восторга.

Но наваждение уже кончилось.

— Убирайся, нахал, гад! — закричала Кэрол.

— Если ты хочешь, чтобы я обращался с тобой как с леди, то будь ею.

— Тебе наплевать, кто в твоей постели Я ненавижу тебя, Алвеш. — Она изо всех сил оттолкнула его и вскочила на ноги. — Уходи!

Он спокойно и внимательно посмотрел на нее и встал.

Дверь за ним закрылась. Кэрол с яростью ударила по подушке сжатыми кулаками. Она добилась своего. Он ушел. Но почему же от этого не стало легче? Почему звук хлопнувшей двери сделал ее еще несчастнее? Он снова оставил ее в одиночестве. И теперь не верилось, что она сможет вынести эту пустоту.

8

— ...В общем, настоящий джентльмен, — заключила журналистка, в ее тоне сквозила ирония.

Кэрол давала эксклюзивное интервью.

— Именно, — подчеркнула она.

— Но я поняла, что там была только одна кровать...

— Мистер де Оливейра спал на полу.

— Мистер? Неужели после всего вы не зовете его по имени?

— Для меня он только де Оливейра.

Журналистка вздохнула.

— Но он такой обворожительный и выглядит так сексуально.

— Первое впечатление бывает обманчивым. Когда мы вырвались оттуда, он дал мне свой пиджак, чтобы я согрелась, — поспешила Кэрол переменить скользкую тему.

Гарри сидел на кухне и пил чай.

— Завтра, когда интервью будет напечатано, весь этот кошмар наконец закончится, — сказала Кэрол, входя на кухню. — Перестанет звонить телефон, у нашей двери прекратят дежурить репортеры. Жизнь станет прежней.

— Тебе не следовало разговаривать с журналистами, они обязательно все переврут.

Кэрол собралась с духом и спросила напрямик:

— Алвеш сказал, что ты необыкновенно богат.

Гарри подавился чаем, потребовалось пять минут, чтобы он избавился от удушающего кашля.

— Абсолютный вздор, — наконец произнес он.

— Но, может быть, у тебя есть что-то, так, на черный день?

Он выглядел очень смущенным.

— Возможно, — нехотя ответил он.

— Ну так, может, у нас теперь есть возможность держать кое-где зажженные лампы?

Если ты в темноте свалишься с лестницы, то в твоём возрасте это может быть опасно. А лечение вообще обойдется в кругленькую сумму.

Однажды Гарри, встав на стул и пытаясь дотянуться до какой-то полки, грохнулся на пол и до сих пор не оправился от этого падения. Тогда в коридоре появились свечи. Но Кэрол все время боялась, что они могут стать причиной пожара

— Я подумаю, — пробормотал Эванс, рассматривая узоры на стене. — Надеюсь, ты не собираешься переехать от меня? — В голосе чувствовался страх.

— Куда? — рассмеялась Кэрол, желая его успокоить.

Гарри вздохнул.

— Я хотел поговорить с тобой еще вчера вечером, но крепко заснул... Когда-то я знал отца твоего де Оливейры — Мигеля. У него была великолепная коллекция картин. Они были куплены давно, еще по старым ценам. Жаль, что его сын оказался таким идиотом.

Кэрол нахмурилась.

— Ты говоришь об Алвеше?

— Да. Лет десять назад о его разводе писали все газеты. Он женился на совсем неподходящей особе — на актрисе или ком-то в этом роде. Она имела кучу любовников. В этой истории еще был замешан ребенок...

— Ребенок? — беспомощно воскликнула Кэрол.

— Это оказался не его сын. Он стал тогда центром большого скандала. Мне было очень жаль всю его семью, но особенно мальчика. Не очень хороший старт для начинающего жить молодого человека. Теперь у него репутация женоненавистника.

Кэрол была потрясена, хотя и знала, что Алвеш когда-то был женат. Но такие подробности...

— Пресса раскопала все факты моей прошлой жизни. Как же она не раздобыла информацию о его первом браке?

— Это было в Испании. Ему просто повезло.

В ту ночь она никак не могла заснуть, прокручивая в голове новые факты. Да, судя по всему, Алвешу пришлось несладко. Сколько же ему тогда было? Двадцать один. Столько, сколько ей сейчас. И жена изменяла ему. Но ведь и он не ангел. Избалованный, выросший в богатой и

счастливой семье, он вряд ли был готов к постоянству. Да и к темным сторонам жизни тоже. Видимо, его деньги стали тогда приманкой. Ведь как-то он сказал ей такую фразу: «Сладкая ловушка, а затем расплата». И теперь отношения с женщинами он меряет деньгами, не веря никому. Неужели она напомнила ему первую жену?

Что бы там ни случилось, но Алвеша предали и унизили. Кэрол вдруг стало жалко его.

Доброе сердце возобладало, и ненависть растворилась сама собой. Теперь, в свете этих новых знаний, она поняла, что предложение прожить вместе месяц выглядело с его стороны не таким уж оскорбительным. Скорее всего, он не делал таких предложений каждой, с кем переспал. Под великолепной броней из дорогих костюмов скрывался просто очень уязвленный и уязвимый человек, изо всех сил пытавшийся это скрыть.

Все-таки Алвеш очень умен. Он разглядел во всей той галиматье, что печатали про нее в газетах, нужные факты — ее образование, сведения о семье... О, как она любила его! И как глупо было упоминать об этих дурацких собаках, кошках и пони для малышей! «Но Алвеш не хочет детей, и ты никогда не сможешь все это иметь», — сказала себе Кэрол.

Но тут же напомнила, что сейчас у нее вообще ничего нет.

На следующее утро ей позвонил Стив.

— Кэрол... Было бы очень любезно с нашей стороны пригласить журналистку в ресторан на бутылку вина.

— О чем ты говоришь? Я не понимаю.

— О твоём интервью. Это абсолютно бесплатно. Давай сегодня вместе пообедаем. На тебе обязательно должно быть мое кольцо. Слишком поздно посылать опровержение в газету...

Кэрол швырнула трубку на рычаг, словно та была раскаленной. И уже через полчаса, купив по дороге на работу газету, поняла, как был прав Гарри, когда советовал не связываться с журналистами. В интервью Алвеш был представлен таким самовлюбленным идиотом, который даже не разрешал называть себя по имени. Короче, он был выведен настоящим снобом. В интервью не было и упоминания о том, как он согрел ее, отдав свой пиджак. Вероятно, это был неподходящий, слишком человеческий жест.

Кэрол ругала себя за свою собственную глупость и решила днем, в перерыве, позвонить Алвешу и извиниться. Ведь и правда, в голову не приходило, что из ее рассказа сделают такую «клюкву», что в газете появится такая чудовищно несправедливая статья. Просто хотелось плакать.

Ресторанчик, где она работала, во время ланча всегда был переполнен. Кэрол собирала со стола грязные тарелки. Посетители в зале внезапно оживились. Обернувшись, она увидела Алвеша. И замерла.

— Сколько тебе заплатили за ложь, которую ты изобрела? — Он набросился на нее как разъяренный тигр. — Сколько?! — заорал он, и все головы повернулись в их сторону.

В его глазах застыло затравленное выражение, какое бывает у человека, которого предали.

Она не могла этого вынести — взгляд буквально разрывал сердце. Она забыла, что в ее руках тарелки, и они с грохотом полетели на пол.

— Ничего... — прошептала Кэрол.

— Ты что, так ненавидишь меня? — прошипел Алвеш сквозь зубы.

— Нет, нет, — прошептала она, и из глаз брызнули слезы.

— Не терплю, когда газеты делают из меня идиота. Почему ты согласилась на интервью? — гневно продолжал он нападать.

— Я хотела только избавиться наконец от этих вьедливых журналистов, они очень раздражали Гарри.

— А мы, к сожалению, везде, куда бы вы ни бросили свой взгляд, — раздалось с соседнего столика дружеское предупреждение.

Замечание переполнило чашу гнева.

— Значит, я с самого начала был на крючке? Да, подружка? — свистящим шепотом произнес он.

Щеки Кэрол запылали.

— Это не так...

— Все кончено, — твердо сказал он и, круто развернувшись, направился к двери.

Замерев, Кэрол наблюдала, как он идет к выходу. Если он сейчас уйдет, она больше не увидит его никогда! Сорвав передник и бросив умоляющий взгляд своему боссу, она кинулась вслед за Алвешем.

Он уже садился в лимузин, стоявший у края тротуара.

— Что еще? — спросил он.

— Я сыграю... То есть я хотела сказать. Я поеду с тобой.

Он прищурился.

— Ты меня удивляешь...

— Лучше сам не удивляй меня. И обращай со мной как надо, — предупредила его Кэрол.

Его настроение мгновенно переменялось.

— Ты не пожалеешь, обещаю тебе, — произнес он и крепко обнял ее.

— Если мы сейчас же не отъедем, нас оштрафуют, — предупредила Кэрол.

Он наклонился, и их губы встретились в долгом поцелуе. Кэрол почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ее руки крепко обняли его шею, и она окончательно поняла, что расставания с ним просто не сможет пережить.

Все-таки их оштрафовали за неправильную парковку. Кэрол смотрела на Алвеша, ее сердце бешено билось. Впервые в жизни она приняла такое важное решение: подчинилась своим

инстинктам, а не разуму. Но она знала, что не выдержит, если потеряет его. Поэтому выбора все равно не было.

— Завтра я улетаю в Токио на три дня. Ты можешь полететь со мной, — предложил Алвеш.

— Но мне надо работать.

— Неужели? — не веря своим ушам, произнес он. — Подавать еду в ресторане?

— Ты забыл, сколько тарелок я разбила сегодня? А мой уход в самое горячее время?

К тому же я должна еще заниматься живописью.

Да и что я буду там делать целыми днями, пока ты будешь работать?

— Ходить по магазинам, — нетерпеливо пояснил он.

— У меня нет этой дурацкой привычки.

— Но все твои счета я оплачу.

— Хотя я и поехала с тобой, то должна заметить, что не намерена быть женщиной на содержании.

Алвеш внимательно взглянул на Кэрол, пытаясь что-то сообразить.

— Но я не понимаю, что в этом плохого.

— Тебе и не надо этого понимать.

— Баста... Я лечу один, оставайся здесь. Он был явно неудовлетворен таким поворотом событий.

Просто этот человек не привык ничего обсуждать. Всегда и все решал сам. Соня получила таки «порше» за сыгранную роль любовницы. Возможно, он и не спал с ней, но платил, хотя блондинка решила, что не отработала эти деньги.

— Куда мы едем? — неожиданно спросила Кэрол.

— На мою виллу. Я везу тебя домой. Только, пожалуйста, не говори мне, что ты против.

— Ну что ж, если не боишься...

— Черт возьми, что с тобой происходит? — неожиданно взорвался он.

— Просто не люблю, когда меня вот так везут, куда вздумается, без моего согласия.

На глазах Кэрол показались слезы.

— Ты опять подумала о собаке, кошке и пони? — угрожающе спросил Алвеш.

— Весьма сомнительно, что мы с тобой пробудем вместе столько, что все это потребуется.

Неожиданно его губы дрогнули.

— Давай оставим все как есть. Не нужно ничего загадывать.

— Хорошо.

Алвеш вздохнул.

— Как можно что-то обсуждать, когда прошло всего несколько недель после всех тех событий. Слава Богу, что ты хотя бы не беременна.

Кэрол подавила желание сказать, что еще ждет этому подтверждения. Зачем напрасно волновать его. Ведь она не очень беспокоится.

Хотя тогда, конечно, были очень нежелательные дни, и угроза вполне реальна.

— Стать отцом, как я понимаю, не входит в твои планы.

— Определенно нет. Это осложнение, без которого я спокойно могу прожить.

— Как мы вообще пришли к такому разговору? Кто его начал? Ты?

Алвеш привлек ее к себе.

— Если для тебя поехать ко мне — событие, то и для меня тоже.

Напряжение сразу исчезло. Она чувствовала, что любит его. То, что он предложил ей жить с ним, было определенным прогрессом в их отношениях. И она это понимала.

— Вообще-то, ты, если помнишь, пытаешься затащить меня в свой дом с первого дня нашего знакомства.

— И с полным отсутствием успеха, — ответил он.

— Но зато настойчиво.

— А если я скажу «пожалуйста»?.. — Он снова крепко прижал ее к себе. — В твоих глазах горят звезды, дорогая, и это настораживает.

— Боишься, что тебя поймут. Но меня это беспокоит еще больше.

— И все-таки почему ты согласилась дать интервью?

— Я же тебе уж объяснила. Просто хотела положить конец всем домогательствам. Это было невыносимо. Я решила, что, если ясно и четко скажу, что между нами ничего не было, они оставят меня в покое.

— Значит, ты намеренно лгала.

— Ну, хорошо, хорошо, я лгала. А ты предпочел бы правду?

— Никогда больше не делай этого. Никогда не лги мне и никогда не лги обо мне, — настойчиво сказал Алвеш. — На худой конец, ничего не говори обо мне вообще. Все, что происходит между нами, — это наша личная жизнь.

— Знаю.

— Один-единственный раз ты дала мне повод усомниться в тебе. И я прощаю тебя.

— О чем ты?

Алвеш цинично усмехнулся.

— Кэрол, я не дурак. И знаю, сколько будет дважды два. Меньше чем сорок восемь часов назад ты отдала мне чек на солидную сумму. А сегодня появилась эта статья. Значит, тебе заплатили за интервью.

— Но эти деньги я получила от продажи картины! — воскликнула Кэрол.

— Я не возводил тебя на пьедестал, дорогая, поэтому не надо беспокоиться о том, что можешь оттуда упасть. Я не предполагаю совершенство, но рассчитываю на честность. Кто мог заплатить такие деньги за работу неизвестного художника?

— Это была не моя картина!

Кэрол больно ранила отповедь, а главное — его недоверие. Ей и в голову не пришло заработать на интервью.

— Эту картину написал отец, и на ней изображена моя мать.

— Неужели?

— Я совершенно забыла о ней. Но когда пришла в банк, чтобы объяснить по поводу отсутствия страховки... послушай же меня? Мне просто не приходило в голову продать картину. Ведь я и понятия не имела, что она так дорого стоит.

Алвеш изумленно уставился на нее.

— Ты продала портрет своей матери, написанный твоим отцом, для того чтобы отдать мне долг? Ты с ума сошла?

— А что мне оставалось делать? Такую сумму я собирала бы всю жизнь.

— Кому ты ее продала?

— Какое это имеет значение?

— Кому?

Кэрол рассказала.

— Если она уже продана, то пеняй только на себя, — рявкнул он и приказал шоферу ехать в художественную галерею, — Господи, у тебя удивительная способность создавать мне трудности.

— Я должна тебе деньги. Надо же было как то выкрутиться...

— Мы были любовниками. За кого ты меня принимаешь? За сутенера?

— За банкира, — беспомощно пробормотала Кэрол, ошарашенная такой реакцией. Продажа картины была для нее серьезной жертвой. А теперь выясняется, что все это зря. — Если ты

думаешь, что, проведя с тобой пару ночей в постели, я списала с себя долг в несколько тысяч долларов, значит, ты меня совсем не знаешь. К тому же надо было платить за ремонт «мазды».

Алвеш буркнул что-то необыкновенно «лестное» по поводу ее машины.

— Извини, уж какая есть! — вспыхнула Кэрол. — Почему ты приказал ехать в галерею?

— Если картина еще там, то я ее выкуплю.

— Если ты купишь ее, то она будет твоей, — отозвалась Кэрол, наотрез отказавшись сопровождать его, пока он ходил в галерею.

Если он не перестанет быть таким подозрительным и циничным, то она никогда больше не скажет ничего о деньгах. Долг есть долг, и она намерена вернуть его. Может, для Алвеша деньги ничего не значат, но для нее долг — дело принципа.

Вернувшись в машину, он положил ей на колени маленькую картину.

— На, получи назад мамашу, — весело сказал он.

Кэрол взглянула на знакомые черты, к горлу невольно подступил комок. Но она упрямо мотнула головой.

— Я же сказала, что не возьму.

— О Господи, ты доведешь меня!

— Сколько ты заплатил?

Он назвал сумму.

— Это потому, что за ней пришел ты. Она столько не стоит. Это далеко не лучшее творение отца.

Алвеш нажал кнопку, и между ними и шофером опустилось стекло.

— Ты не собираешься расплатиться со мной за эту маленькую услугу? — нежно спросил Алвеш.

— Не будь смешным.

— А если бы мы были женаты, ты подумала бы об этом?

— Но мы же не женаты, — быстро ответила Кэрол и тут же пожалела об этом.

— Отлично! Видимо, мне придется постоянно расплачиваться за то, что на твоем пальце нет обручального кольца.

Кэрол надоели эти препирательства.

— Заткнись наконец, — выпалила она.

— Иногда ты доводишь меня до безумия, — проворчал Алвеш и снова поднял стекло.

Для Кэрол такие отношения были совершенно новыми. Впервые в жизни рядом с мужчиной она не чувствовала себя главной.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что наши отношения будут очень сложными. Я привык подчиняться лишь своим желаниям.

— Это я уже давно поняла.

Воцарилось молчание. Кэрол отдалась своим мыслям, глядя на портрет Ребекки. «Я следую своим чувствам», — как-то раз сказала ей мать. Точно так же поступала сейчас Кэрол. Именно чувство руководило ею в том контейнере, где она отдалась Алвешу. Она всегда старалась планировать свою жизнь, всегда хотела знать, что ожидает ее впереди. Но сейчас перед ней была абсолютная неизвестность.

Лимузин плавно миновал послушно открывшиеся железные ворота и въехал на широкую и длинную аллею. В свете заходящего солнца взору предстал идиллический пейзаж с великолепным домом в викторианском стиле.

— Ты любишь деревню?

Кэрол пожала плечами. Лимузин ехал по дорожке, посыпанной гравием, и даже шелест колес показался необыкновенно роскошным. Что я здесь делаю? — подумала она и облизнула вдруг пересохшие губы.

В простой юбке и блузке, никакого макияжа, никакой прически. И он — безукоризненный, как обычно, в изысканном светло-сером костюме. Более странную пару трудно было представить.

Шофер открыл дверцу машины. Кэрол вышла, все больше чувствуя себя не в своей тарелке. Увидев розовые кусты перед домом, поморщилась.

— Что-то не так? — спросил Алвеш, тут же прореагировав на ее гримасу. — Алвеш, розы не сажают в шеренгу, как солдат на плацу. Ох, извини, наверное, это не очень вежливо с моей стороны.

Алвеш улыбнулся.

— А я и не жду, что ты будешь вежлива со мной.

— Вот это правильно!

— О, ты не так поняла меня. Я имел в виду, что ты всегда говоришь то, что думаешь. Это очень редко в том мире, где я живу. И я ценю это. Мне просто нравится твоя непосредственность. Иногда она заводит меня в тупик, но я нахожу это довольно привлекательным.

— С чего это ты вдруг стал таким хорошим? — подозрительно спросила Кэрол.

— Это твой дом. Я хочу, чтобы ты расслабилась и почувствовала себя здесь хозяйкой.

— Хозяйкой? Это на месяц-то!

— Кэрол!

— Извини, я невыносима. Но ты и сам знаешь, через месяц нам придется выложить на стол все свои карты. И если у нас ничего не выйдет, то...

— Мы будем стараться, — жестко прервал Алвеш.

Кэрол хотела добавить, что она покинет этот дом без особых сожалений, но промолчала.

Пожилой невысокий мужчина в темном костюме ждал их у главного входа. Кэрол чуть не прыснула со смеху. О Господи, у него не только настоящий дворец, но и настоящий дворецкий.

— Это мисс Хэммон, Томпсон.

— Мисс Хэммон...

— Томпсон...

Кэрол кивнула, стараясь не расхохотаться. Алвеш провел ее в огромный холл, где их шаги отозвались гулким эхом. Кэрол чувствовала себя туристом, осматривающим местную достопримечательность. И вдруг она услышала:

— В какое время подавать ужин, сэр?

Слова отлетели от стен и обрушились на их головы.

Тут она уже не смогла сдержаться и звонко расхохоталась.

— Извини, -смущенно пробормотала она.

— В семь, — бросил Алвеш дворецкому. — Если хочешь, чтобы я с тобой повеселился, то объясни, что тут смешного?

— Вообще-то... нет, думаю, ты не поймешь. — Она с трудом заставляла себя быть серьезной.

— Давай все-таки попробуем.

— Я думала, что последний дворецкий умер в середине прошлого века.

— Я купил этот дом вместе с Томпсоном, — вполне серьезно произнес Алвеш.

Кэрол замотала головой.

— Алвеш, это совершенно чужой для меня мир.

— И он тебе не нравится?

— Нет, не знаю. Я просто удивлена.

— Хочешь, я покажу тебе дом?

Он стоял рядом, и Кэрол не могла отвести от него взгляда. Великолепный мужчина! Рост шесть футов четыре дюйма. И она обожала каждый дюйм. Только при одной мысли о его прикосновении она чувствовала, как набухает грудь как охватывает ее непреодолимое желание.

— Кэрол... — Взгляд его сверкающих глаз обдал ее горячей волной.

Смущенная оттого, что он может разгадать ее чувства, Кэрол улыбнулась, — Здесь все так романтично.

Правда, в той стремительности, с которой он заключил ее в объятия, не было ничего

романтичного Кэрол обвила его шею, позволив поднять себя на руки, совсем, не уверенная в том, что ее собственные ноги не подведут. Он толкнул ногой дверь в великолепную спальню, обставленную в стиле французского рококо, и бережно положил ее на кровать. Она снова рассмеялась.

— Кто обставлял этот дом?

— Моя сестра Паула.

— У нее неплохой вкус. Правда, такой стиль подходит скорее для женской спальни.

Кэрол скинула туфли.

— Ты прекрасна.-Алвеш смотрел на нее нежным взглядом.

Кэрол схватила его за шелковый галстук и притянула к себе. Губы встретились в долгом поцелуе. Она ощутила, как тепло и слабость разливаются по всему телу. Кэрол стянула с него пиджак, развязала галстук. Рубашку он скинул сам и, сорвав с нее блузку, с тихим стоном припал к ее груди.

— У тебя самая красивая грудь, какую я когда-либо видел. Такая чувственная...

Наслаждение было невыносимым.

Кэрол вцепилась в его волосы, почти теряя рассудок от неукротимого желания. Едва он снял с нее трусики, она рванулась навстречу и прижалась к нему всем телом. Хотелось кричать от восторга, когда она почувствовала его руки на своих бедрах. И она вскрикнула, когда он стремительно вошел в нее. Кэрол царапала, кусала и целовала его.

Алвеш толкнул ее вниз, на подушки, словно бог, требуя полного подчинения. Его движения становились жестче и быстрее. Он входил в нее все глубже. Напряжение внутри нее нарастало. Она чуть не задохнулась, когда наслаждение стало нестерпимым.

...Лежа в его объятиях, прижавшись к его плечу, Кэрол чувствовала такую острую нежность, которая была похожа на боль.

— Даже не снял до конца одежду, — заметил он. — А я, между прочим, планировал романтический ужин с шампанским.

Кэрол сморщила нос.

— Ну, это так предсказуемо.

— Жизнь становится не очень-то предсказуема, когда имеешь дело с тобой, — сказал он, лениво поднимаясь.

Слишком поздно она поняла значение паузы, которая возникла в разгар их страсти: он надевал презерватив.

Кэрол коснулась своей груди и снова ощутила легкую боль, которую раньше не испытывала. И напряглась, вспомнив, как одна из подруг, будучи беременной, рассказывала точно о таком же ощущении.

Нет, это невозможно. Она решительно прогнала эту мысль из своего сознания.

Сильные руки опять заключили ее в объятия.

— Почему ты такая серьезная?

— Я... серьезная?

Кэрол заставила себя улыбнуться, но холодный страх заполз в душу.

— Просто я далеко отсюда.

— А я хочу, чтобы ты была здесь, — произнес он и, усадив ее к себе на колени, принялся снимать остатки одежды.

— Я сама могу раздеться. — Кэрол вдруг покраснела.

— Нет.

— Обращаешься со мной, как с куклой!

— Глупая, это лишь возможность еще раз коснуться твоего тела. И я всегда буду искать такие возможности.

Она снова обвила его шею руками и крепко прижалась. Голова кружилась от счастья.

— Тебе не надо ничего искать, — прошептала она.

— Завтра придет так быстро... Токио... Впервые в жизни я пошлю вместо себя помощника.

Их губы в очередной раз встретились в безумном поцелуе. И еще не скоро они вместе отправились в душ.

9

— Это принадлежит моей сестре, тебе должно подойти.

Кэрол улыбнулась.

— Но я могу надеть свои джинсы.

— Нет, в этом тебе будет удобнее. Джинсы слишком тесны, — пояснил Алвеш.

— Хочешь, чтобы я произвела хорошее впечатление на твоих лошадей? — усмехнулась Кэрол.

— Просто собираюсь научить тебя ездить верхом.

Конечно же, это в его стиле — даже не спросить, умеет ли она обращаться с лошадьми.

Но хорошо, что он хочет научить ее тому, что любит сам. Послушно облачившись в костюм для верховой езды, она наблюдала за Алвешем. Как быстро, как удивительно быстро пролетели два дня. Они просочились, словно песок сквозь пальцы.

В тот первый вечер они так и не спустились поужинать, а пробрались на кухню уже на рассвете, как голодные подростки, готовые смести со стола все. На следующее утро Кэрол настояла на том, чтобы поехать в Бостон и посмотреть, как Гарри пережил исчезновение ее вещей. Картины она решила оставить у Эванса, чтобы не создавать ненужных хлопот и не

провоцировать лишних сплетен. Алвеш уже подготовил в своем особняке для нее мастерскую, которая была великолепно освещена, просто настоящая мечта художника. А для вдохновения прекрасно подходили само поместье и его великолепные пейзажи.

Кэрол виновато понурилась, когда увидела реакцию Гарри на свой отъезд. Он выглядел совершенно несчастным и жалким.

— Если он так заботится о тебе, значит, хочет жениться.

Кэрол прикусила губу и не стала спорить.

Только время покажет, собирается ли Алвеш это сделать...

— Подойди ближе. Не бойся. Лошади чувствуют страх и от этого нервничают.

— Думаешь, я боюсь?

— А почему же ты так далеко стоишь?

Алвеш помог ей взобраться на лошадь и показал, как управляться с поводьями.

— Шейла — молодая и резвая кобыла, но не волнуйся, я рядом, все будет хорошо... Я же сказал, что сегодня не буду ездить, — удивился Алвеш, увидев, как грум выводит из конюшни серого жеребца.

А я сказала ему, что будешь, усмехнулась про себя Кэрол. Пришпорив лошадь, она пустила ее легкой рысью.

На полпути к конюшне Алвеш обернулся.

— Кэрол! — позвал он.

— Встретимся вот там! — крикнула она ему через плечо и махнула рукой.

Шейла шла великолепной рысью. Ветер трепал длинные волосы Кэрол, а она представляла себе, какой взрыв удивления вызовет у Алвеша ее умение ездить верхом. Ну ничего, в следующий раз он сначала спросит, умеет ли она что-то делать, а уж потом примется учить. Шейла подскакала к изгороди и легко перелетела через нее. Алвеш, все-таки оседлавший своего коня, стремительно догонял.

— Извини, никак не могла остановиться. Кэрол повернулась в седле и улыбнулась, как только он поравнялся с ней.

Но улыбка тут же исчезла с лица, когда Алвеш крепко сжал ее руку.

— Никогда больше не делай этого!

— О чем ты?

— Только идиот может перескакивать через подобные ограждения в таком темпе!

— Извини, что заставила тебя волноваться.

— Где ты так научилась ездить верхом?

Она спрыгнула с лошади в зеленую траву, подставляя лицо яркому солнцу.

— У Ребекки были друзья, которые держали лошадей, мы иногда у них останавливались. Я обожала лошадей. К тому же у деда была конюшня.

— Конюшня?

— Да. И скучные уроки верховой езды.

Кэрол села, обхватив руками колени, и задумчиво поглядела вдаль.

— Все пошло прахом, когда мне исполнилось девятнадцать. Дед сломал бедро, в это время я была в школе. Он мог бы попросить меня вернуться домой, но не сделал этого. Когда я узнала, что происходит, банк уже припер его к стенке.

— Но ты, наверное, пыталась что-то сделать?

— Да, но все напрасно. Пришлось расстаться с лошадьми, и дед не перенес этого, сдался. Все было продано, оставался только дом для престарелых. Это убило его.

— Почему ты во всем винишь себя?

Кэрол напряглась. Сейчас ей предстояло сказать то, о чем раньше она только думала про себя.

— Я могла не допустить этого.

— Как же?

— Могла бы вести хозяйство до тех пор, пока он не встанет на ноги.

— Но он, очевидно, не хотел, чтобы ты бросала школу, к тому же у тебя не было опыта.

Зачем себя винить, ведь ты тоже осталась без дома.

— Цезарь, — сказала Кэрол. — Маленький старый шотландский пони. Его звали Цезарь. Больше всего я переживала из-за того, что продали его. Глупо, наверное. Он тогда уже не подходил мне, годился только для детей.

Алвеш обнял ее.

— Господи, как я испугался, увидев, что ты несешься на изгородь.

Дыхание коснулось ее волос, знакомый запах обволакивал.

Она чувствовала себя в безопасности в его объятиях. И становилось так страшно при одной мысли, что это не будет продолжаться вечно. Потому что он не хочет, чтобы это продолжалось вечно. Он хочет необыкновенной страсти, но оставляет открытой дверь к своей свободе. Никаких обязанностей, никаких осложнений, никаких сожалений. Он четко все это обозначил.

— Расскажи мне о своей бывшей жене.

— А что ты хочешь узнать?

— Для начала имя.

— Мэй.

— Может быть, потом ты расскажешь мне, почему все так печально закончилось... Я напоминаю тебе ее?

— Совсем нет. Она была маленькая, темноволосая, голубоглазая.

— Она была красива?

— Великолепна.

— А как вы познакомились?

— В ночном клубе. Она была актрисой. Но я не понял ее амбиций. На самом деле я толком так и не узнал ее. Мне исполнилось двадцать, она была на два года старше. Тогда я не понимал разницу между любовью и сексуальным влечением. В таком возрасте все кажется любовью. Она сказала мне, что беременна, и я женился.

— Да, — нежно прошептала Кэрол.

— Когда родился ребенок, Мэй перестала притворяться хорошей матерью и вернулась опять в мир кино. Я изо всех сил старался сохранить наш брак, хотя все мне твердили: не делай ошибки. Но я хотел доказать, что ошибаются они, а не я. Верил ей. Даже застав ее в постели с другим мужчиной, я не понял, что это был лишь один из многих. Она готова была спать с каждым, кто хоть немного мог помочь карьере. В ту ночь она была пьяна и рассказала о том, как много у нее мужчин. А на следующее утро уехала со своим продюсером. Я подал на развод...

— Что же еще оставалось делать?

Кэрол склонила голову ему на плечо. Бедный Алвеш! Его использовали, а затем отбросили. Она ждала, что он скажет что-нибудь о мальчике. Ведь он не назвал даже его имени. И не сказал, что это был не его ребенок.

— Мэй устроила из развода целую битву. Пострадала ее карьера. В общем, никому этот брак не принес счастья.

Был ли он все еще влюблен в свою бывшую жену? На его лице была тень сожаления. Но о чем? Она боролась с искушением спросить его об этом. Но решила, что сейчас не время. Когда-нибудь она обязательно все узнает.

— Мэй многому научила меня, — пробормотал Алвеш.

Ничему хорошему, подумала Кэрол. Теперь ты не доверяешь женщинам. Не веришь в постоянство. А брак считаешь лишь ловушкой.

И все-таки осталось чувство, что он очень много недоговаривает. Почему-то умолчал о ребенке. Может быть, вообще не любит детей? Или не желает вспоминать о том, что ребенок, хочет он этого или нет, все еще связывает его с прошлым.

— И что же ты вынес из своего опыта?

Алвеш лег на спину и взглянул на Кэрол. Глаза его блеснули.

— Что не следует жениться ради своей прихоти. То, что происходит сейчас у нас с тобой, - гораздо лучше, чем быть связанным контрактом, полным пустых обещаний, вызывающим лишь желание нарушить его, хотя бы из чувства протеста, ради ощущения собственной независимости. Если мы будем вместе, то это должен быть свободный, ничем не осложненный выбор.

— Так не бывает.

— Верь мне... Ведь я тебе верю. Знаю, ты очень рискуешь. И вряд ли я тот, о котором ты мечтала. Но впервые в жизни рядом со мной женщина, которой не нужно от меня ничего, кроме меня самого.

— Мне нужно только твое тело.

Улыбнувшись, он взял ее руку и внимательно посмотрел на нее.

— Когда ты так говоришь, я теряю над собой контроль.

Однажды утром, когда Кэрол была в конюшне, ей сообщили, что кто-то хочет ее видеть.

Вернувшись в дом и открыв дверь в свою мастерскую, она удивилась, увидев совершенно незнакомого человека. Он рассматривал ее картины.

— Что вы здесь делаете? Кто вы? — спросила она.

Мужчина подошел к ней и протянул руку.

— Дейвид Майер... Алвеш попросил меня заглянуть к вам.

Алвеш попросил? Лицо Кэрол окаменело.

— Галерея Майера? Правильно? — недоверчиво переспросила она, назвав один из самых престижных салонов. — Алвеш ничего не говорил мне о вашем визите.

Как он посмел так унижить ее! Пользуясь своим положением, «вызвал на дом» одного из самых известных владельцев частной галереи к ней, никому не известной молодой художнице.

— Между нами говоря, — заметил Майер, —я сначала не хотел приезжать. Но после того как увидел ваши картины, понял: Алвеш оказал нам большую услугу. К началу сентября мы готовим новую экспозицию, И если не возражаете, я мог бы включить в нее и ваши работы.

— Спасибо. Но я не думаю...

— Алвеш — мой друг. Но никто и ничто на свете не заставит меня делать то, с чем я не согласен, — мягко прервал ее гость. — Вы достойны выставляться в моей галерее, мисс Хэммон...

Кэрол покраснела.

— Я...

Он протянул ей визитную карточку.

— Позвоните мне, если вас заинтересовало мое предложение. Но не слишком откладывайте. Мне нужен ваш ответ как можно быстрее.

— Мистер Майер, мне жаль...

— Не больше, чем мне. — Он улыбнулся. — Я очень хотел разбить Алвеша в пух и прах.

Но после того, что я здесь увидел, должен, увы, прикусить язык. Вы еще талантливее, чем он мне говорил.

И он ушел. Так быстро, что она даже не успела закрыть от изумления рот. Кэрол сняла трубку и набрала личный номер Алвеша.

— Ты не забыла заказать устриц? — сразу же спросил он, напоминая о предстоящей вечеринке.

— Только что здесь был Дейвид Майер.

Последовало долгое молчание.

— И что? — наконец тихо спросил он.

— И ничего. Как ты посмел так поступить со мной?

— У меня есть и другие контакты.

— Оставь свои контакты. Если хочешь знать, он с удовольствием выставит меня. Но дело не в этом.

— Дело как раз в этом, — прервал ее Алвеш с нескрываемым удовлетворением.

— Ты не имеешь права вмешиваться...

— Ты со своими комплексами была бы хороша в прошлом веке. А теперь я забочусь о тебе.

Полное отсутствие угрызений совести с его стороны разозлило еще больше.

— Ты унижаешь меня! — дрожащим голосом воскликнула Кэрол. — И если не понимаешь этого, то вряд ли у нас есть будущее.

— Пожалуйста, Кэрол, короче, — вздохнул он, отказываясь воспринимать всерьез ее слова, — меня ждут два дипломата.

— Я предпочитаю сама строить свою жизнь. И не хочу, чтобы ты искал для меня какие-то связи. Дейвид Майер вовсе не собирался приходить. Он думал, что ты хочешь показать ему цветочки, нарисованные твоей очередной пассией.

— Но теперь-то он так не думает. Сейчас-то в чем проблема? Ты должна быть благодарна мне. Я ведь обещал, что буду твоим патроном.

— Я не хочу, чтобы ты платил мне, даже в такой завуалированной форме! Почему ты не можешь просто принимать от меня то, что я тебе даю? Не можешь быть просто счастливым от того, что я делю с тобой постель.

— Ни один человек в здравом уме не умудрился бы увидеть ситуацию в таком свете. Я позвоню

тебе из Хьюстона. — И он повесил трубку.

Упав лицом на диван, Кэрол разрыдалась. Еще немного, и она потеряет контроль над собой.

Они провели вместе уже больше трех счастливых недель. Но ее не оставляла мысль, что она не создана для отношений, в которых не может быть до конца открытой и честной. Она без конца повторяла себе: «Я люблю его. Я люблю его». Но было очень трудно сохранять такие отношения, ничего не желая взамен. Никогда не упоминать про будущее. И неожиданно для себя Кэрол вдруг трезво увидела реальное положение дел.

Алвеш больше ничего и не хочет от нее. Лишь ее страсть, а не любовь. Кэрол чувствовала себя так, будто загнана в маленький ящик, и она уже начинала в нем задыхаться. Сдерживать свои эмоции было для нее так непривычно, что чем больше приходилось это делать, тем сильнее становилась опасность срыва. Внешне все великолепно, но внутри было растущее ощущение опасности, грядущего отчаяния.

Бессознательно она потерла ноющую от боли грудь. Что, черт возьми, с ней происходит? Может, это из-за лишнего веса, который она набрала? Слишком много регулярной калорийной еды. Наверное, надо показаться доктору. По крайней мере, ты хотя бы не беременна, сказала она себе. Мысль об этом на какое-то время облегчила нарастающую тревогу.

Подняв голову от подушки, Кэрол почувствовала легкое головокружение. Стресс, решила она. Алвеш плохо влиял на ее нервы. Глупо было звонить ему. К тому же его не будет дома до завтра. Но, с другой стороны, он должен знать, что она думает по поводу его самоуправства. Может быть, он хотел, чтобы его знакомые лучше относились ко мне? — с грустью подумала она. Чтобы говорили: «Его подружка — художница... непризнанный талант».

— Чушь собачья, — вслух прервала она себя. — На самом деле ты бесишься от того, что он не взял тебя с собой в Хьюстон. Но ведь это смешно! Неужели не можешь прожить без него двадцать четыре часа?

Но, похоже, эти три с половиной недели действительно доказывали — не может.

Мысли кружились в голове, не давая покоя. Кто она — игрушка в руках Алвеша? Обвешанная драгоценностями и прикованная цепями.

Итак, у них снова произошла стычка. Одна из тысячи уже случившихся, ставших неотъемлемой частью их отношений. Как она могла думать, что у них нет ничего общего? Оба такие упрямые и такие вспыльчивые. Оба обожают лошадей и... поглощены друг другом. Это было подобно медовому месяцу — двое людей, ничего и никого не замечающие вокруг. Кэрол подумала: вечеринка, которую Алвеш собирается организовать для своих друзей, нужна, чтобы представить ее.

Поздно вечером Томпсон объявил о приходе второго за этот день посетителя. Кэрол повернула голову, оторвавшись от чтения журнала, и удивилась, увидев Стива.

— О, да ты тут как у Христа за пазухой!

Я пытался было узнать ваш номер телефона, но его нет в телефонной книге.

— Что ты здесь делаешь? — нахмурилась Кэрол.

— Я не по своей воле. Если бы у Гарри не было твоего адреса, меня бы здесь не было.

— Гарри? — изумилась Кэрол.

— Да. Мой босс — его поверенный. Боюсь, что привез тебе не лучшие новости. У старины Гарри сердечный приступ. — Кэрол окаменела. — Да не волнуйся так. Знаю, ты любишь старика, но он еще не умер. Хотя и... не совсем живой.

Кэрол с трудом потом вспоминала, что было дальше. Всю дорогу до Бостона она молилась. Это ее вина! Из-за ее решения жить с Алвешем Гарри сейчас в больнице. За это время она виделась с ним всего два раза. И оба раза старик уговаривал ее уйти от Алвеша де Оливейры.

— Ему семьдесят восемь, — сказала медсестра. — Если он доживет до утра, то у него будет шанс.

— Господи, я была уверена, что ему только семьдесят, — пробормотала Кэрол сквозь слезы.

— Вы можете побыть с ним некоторое время. Вы единственный человек, о ком он спрашивал.

— Я подожду здесь, — сказал Стив.

Кэрол совсем забыла о нем. И теперь поблагодарила его за то, что он подвез ее.

— Не жди меня. Я не уйду отсюда, пока все не выяснится.

Гарри выглядел таким отсутствующим, таким маленьким в огромной кровати. Лежал без движения. Кэрол коснулась его руки, чтобы дать понять, что она здесь. Он был для нее самым близким человеком. Даже ближе, чем дед. И всегда хорошо понимал ее.

Поздно вечером поверенный Гарри, мистер Конвей, приехал в больницу. Он передал ей ключи от дома и сказал, что если Гарри выкарабкается, то ему будет предоставлена отдельная палата, а потом долечивание в санатории. Таково было распоряжение самого Гарри на случай серьезной болезни.

Слезы покатались по щекам Кэрол, когда она поняла, что Гарри может уже не дождаться ни того, ни другого.

— А где его родственники? Почему их нет здесь?

— Гарри не хотел, чтобы им сообщали. Но я уже звонил им, Они сказали, что пока будут держать связь по телефону.

Это была долгая ночь. Один раз Гарри открыл глаза и слабо улыбнулся. Он едва заметно сжал ее руку, а затем потерял сознание. Под утро она позавтракала в кафетерии и поняла, что ей необходимо поспать хотя бы немного.

Сев в автобус, она поехала к дому Гарри. Когда она поднималась по лестнице, кто-то вдруг вырвал ключи у нее из рук.

— Алвеш, как ты меня напугал!

Он открыл дверь, втолкнул ее внутрь и с грохотом захлопнул дверь. В глазах были гнев и презрение.

— Ты маленькая сучка!

— Что ты говоришь? — едва шевеля языком от усталости, спросила Кэрол, с удивлением глядя на него.

— Не понимаешь?

Перед ней была кобра, готовая к броску. После бессонной нервной ночи Кэрол плохо соображала и никак не могла понять, что с ним.

— Алвеш... Я...

— Не пытайся лгать мне.

Слова били, как удары по лицу.

— Ты отсутствовала всю ночь. На тебе та же одежда, что была вчера во время завтрака. О Господи, я так доверял тебе. Сделал лишь одно неправильное движение, и ты уже ведешь себя как проститутка.

— Проститутка?

Она не верила своим ушам.

Разозлившись еще больше от того, что она не пытается оправдываться, он схватил ее за плечи и начал трясти.

— Ты что, думала, я позволю так поступать со мной?! — закричал он вдруг с резко проступившим испанским акцентом. — Только не говори мне, что ты пришла навестить Гарри и осталась здесь на всю ночь! Если бы я не увидел тебя сейчас, я бы так и не узнал, где и с кем ты провела ночь!

Внутри у Кэрол все сжалось.

— А, так это дворецкий рассказал тебе, что я покинула дом со Стивом; Теперь наконец понятно.

Когда Алвеш отпустил ее, она уже еле держалась на ногах. И чувствовала себя совершенно больной и разбитой. Неужели хоть на секунду он мог поверить во все, что сейчас здесь наговорил?

Она собралась с силами и принялась объяснять скорее себе, нежели Алвешу.

— Да, я должна была позвонить тебе этой ночью или оставить записку. Но я была так расстроена, что обо всем забыла. Мне даже в голову не приходило, что ты настолько мне не доверяешь, что можешь... О Господи!..

У Кэрол вдруг так закружилась голова, что она едва устояла на ногах.

— ...подумать, что я спала с кем-то другим. О Господи, -опять пробормотала она.-Стив, кстати, вел себя как друг.

Алвеш выглядел совершенно ошарашенным, он просто стоял и смотрел на нее. Зазвонил телефон, но они не обратили на него внимания. Кэрол вдруг почувствовала такой приступ тошноты, что больше не могла терпеть. Она вбежала в ванную, захлопнув дверь перед носом Алвеша. Сделав несколько глотков воды и прополоскав рот, она почувствовала себя немного

лучше. Дверь распахнулась.

— Уходи, -с трудом произнесла Кэрол.

— Телефон — сказал Алвеш.-Какой-то кузен Гарри спрашивает, в какой он больнице.

Он ждет ответа.

Кэрол с трудом перевела дыхание, подошла к телефону и ответила звонившему.

— Ты выглядишь просто ужасно, — неожиданно мягко сказал Алвеш.

До него, кажется, дошло, что случилось этой ночью. Кэрол даже пожалела, что раздался этот звонок. Она хотела проучить его, он заслужил это. Мужчина, в жертву которому она принесла свои мечты, ради которого нарушила все свои принципы. И что она получила взамен? А может, как раз то, что заслужила?

— Кэрол, Гарри не?..

— Нет, но он на волоске.

Он попытался обнять ее за плечи. Покачиваясь, она отстранила его и прошептала: — Оставь меня.

Не обращая внимания на эти слова, он все таки обнял ее.

— Прости меня, -сдавленно произнес он.

Она чувствовала такую слабость, что не могла сопротивляться.

— Почему бы тебе просто не уйти. Я провела в больнице всю ночь, мне совсем не до тебя. Не до чего. Это моя вина, что он там, — закончила она и разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Это не может быть твоей виной.

— Гарри был очень расстроен, когда я переехала к тебе. Уходи, пожалуйста.

Ноги не держали ее, и Кэрол прислонилась спиной к стене.

— Но я не могу оставить тебя в таком состоянии. Ты поедешь со мной.

— Нет, я останусь здесь.

— Но ты плохо себя чувствуешь. Необходимо лечь в постель.

— Кто-то должен быть здесь, чтобы отвечать на телефонные звонки.

— Но только не в том состоянии, в котором ты сейчас, — настойчиво произнес Алвеш и подхватил ее на руки.

Он отнес ее в лимузин, и Кэрол не могла сопротивляться. Все силы уходили на то, чтобы бороться с тошнотой. Наверное, она бы не чувствовала себя так плохо, если бы поспала хоть пару часов. Но все равно не могла понять, что с ней происходит. Может быть, подцепила какую-нибудь инфекцию? Но тогда она могла заразить и Гарри, проведя всю ночь у его

постели. Никогда в жизни Кэрол не чувствовала себя так плохо.

Они приехали в городской особняк, и Кэрол сразу легла в постель. Алвеш надел на нее шелковую пижаму и предложил вызвать доктора. Кэрол согласилась, чувствуя, что слабость нарастает.

— Может быть, ты съела что-нибудь? — предположил Алвеш.

Она ничего не ответила. Он сел на пол у ее кровати.

— Кэрол, мы с тобой переживаем тяжелые минуты, — тихим, напряженным голосом произнес он. — Когда я узнал, что ты уехала со Стивом, я был вне себя.

— Он помощник поверенного Эванса и приехал сообщить мне о том, что у Гарри сердечный приступ. Стив не мог позвонить, потому что у него не было твоего номера.

— Как только я мог подумать такое!

— Это не имеет значения. Но ведь я никогда не давала повода обвинять меня. Я ведь не твоя бывшая жена.

— Я совершил ошибку, — признался Алвеш.

Кэрол чувствовала смятение. В глубине души она была готова простить его. Но не могла себя заставить сказать это. Любить кого-то, кто не любит тебя, представлялось ей длинной цепочкой унижений. Его недоверие больно ранило, поэтому хотелось заставить его страдать. Но в то же время Кэрол стыдилась своих мыслей. Как можно наказывать кого-то за то, что он тебя не любит?

— Две ошибки, — раздался в тишине голос Алвеша. — Мне не следовало просить Дейвида заходить к тебе. Но мне так хотелось, чтобы еще кто-нибудь, кроме меня, увидел то, что ты творишь кистью.

Кэрол уткнулась лицом в подушку. Слезы текли по щекам. Как же так! Она уже протянула руку к Алвешу, как вдруг распахнулась дверь — приехал доктор.

Представляясь, он сказал, что она может называть его Джеком. У него было одно из тех замечательных круглых лиц, которые всегда говорят о хорошем здоровье. Алвеш вышел, а Кэрол села в кровати и слабым голосом начала рассказывать все симптомы. Она позволила осмотреть себя и ответила на пару вопросов. Кэрол была почти уверена, что это какое-то кишечное отравление. Но Джек знал свое дело.

— Вы беременны, — безапелляционно заявил он.

Кэрол тут же решила, что он совершенно некомпетентен.

— Не может быть, — сказала она, изо всех сил стараясь улыбаться.

— Кэрол, я практикующий гинеколог и, если я не прав, отправьте меня учиться назад в медицинскую академию. Вы по крайней мере на втором месяце беременности.

— Но я... — начала было она, но тут же замолчала.

Доктор пространно стал объяснять, что она должна побольше отдыхать, избегать тяжелых

нагрузок и стрессов.

— Не говорите ему, — попросила Кэрол, кивнув на дверь.

Джек напомнил о своем долге хранить тайны своих пациентов, и Кэрол извинилась.

Она была так поражена тем, что узнала, что никак не могла собраться с мыслями. Доктор остановился у дверей. Несомненно, его смутила такая реакция на известие.

— Кэрол, не бойтесь, Алвеш очень любит детей. Вам надо посмотреть, как он общается с моими.

Итак, Алвеш любит чужих детей, но какое это имеет значение? Она лежала на кровати.

Ее рука скользнула по пока еще плоскому животу. Внутри нее был ребенок — ребенок, зачатый несколько недель назад. В то время как она убеждала себя, что этого не может быть.

Она была наивной, как подросток: не существовало такой вещи, как подходящее или неподходящее время, — риск оставался всегда.

А Алвеш был более сведущ в таких делах. Наверное, потому, что меньше всего хотел, чтобы это случилось.

Дверь открылась.

— Джек очень спешил, — недовольно произнес Алвеш.

— Это просто глупое отравление. Возможно, я что-то съела в кафетерии за завтраком. Хорошо, что это не инфекция, которой могла бы заразить Гарри. Все, что мне сейчас необходимо, — немного поспать.

Взглянув на Алвеша, она почувствовала, как ее сердце разрывается: он явно испытал облегчение. Сейчас она была не готова поделиться с ним ошеломляющей новостью и не знала, сможет ли вообще это сделать.

— Я поеду в больницу днем, — сказала Кэрол, роняя голову на подушку и закрывая глаза.

Она знала, что должно случиться чудо, чтобы она сейчас могла заснуть. Ребенок! Значит, все кончено. Судьба посмеялась над ними.

Алвеш почувствовал облегчение, значит, он тоже боялся. Ребенок был бы осложнением, которого он совсем не хотел. Кэрол говорила себе, что хорошо знает его истинные чувства. Интересно, как он повел бы себя, узнав о ее беременности месяц назад? Конечно же, не предложил бы ей брак. Как и теперь. И незачем притворяться. Честность — единственно возможный путь.

И снова душевная боль заставила ее сжаться. Все равно их отношения рано или поздно должны были закончиться. Просто теперь это случится раньше, и она сама их прервет. У нее нет выбора.

Так же, как когда-то Ребекка родила ее — незапланированного и нежеланного ребенка, то же самое теперь сделает и Кэрол. Это так просто. Но она почему-то чувствовала себя ужасно виноватой. Как она могла быть такой беспечной? Всегда, думая о детях, она представляла себе прочную, дружную семью, в которой царит любовь.

В три часа Кэрол поднялась. Приняла душ, переделалась. Чувствовала она себя намного лучше, но внутри была холодная пустота.

Она проснулась с сознанием того, что должна всему положить конец. Ссора с Алвешем теперь казалась совсем неважной, но она давала предлог к разрыву. Сегодня вечером, вернувшись из больницы, она все скажет.

Кэрол думала, что Алвеш в банке, и удивилась, увидев его выходящим из гостиной.

— Как ты себя чувствуешь?

— Сейчас хорошо, — тихо ответила Кэрол.

— Я заказал тебе легкую еду.

— Спасибо, но я...

— Кэрол, будь благоразумной. — Он заставил ее пройти в столовую, где уже был накрыт стол. — Тебе необходимо заставить себя съесть что-нибудь. Между прочим, Гарри лучше. И тебе не надо спешить.

Как только она села, мгновенно перед ней оказался великолепный омлет. Руки дрожали, когда она взяла вилку и нож.

— Я думала, что ты в банке, — наконец выдавила она, когда слуга ушел.

— Я взял выходной.

Она не могла есть, просто не могла. Пришлось отставить тарелку. Взглянув на еду в последний раз, Кэрол откашлялась и произнесла:

— Ты помнишь, мы договорились прожить вместе месяц? Так вот, я решила, что с меня уже достаточно. Думаю, ты должен понять и принять это решение.

— Ешь, пока я силой не заставил тебя, — прервал он ее, словно непослушного ребенка.

Кэрол встала и отошла от стола.

— Алвеш, послушай меня, — с трудом произнесла она, тщательно подбирая слова. — Это не имеет ничего общего с теми глупыми недоразумениями, которые случались между нами... Пожалуйста, поверь мне. Но иногда кризисы помогают прозреть.

— Ты слепа сейчас так, что не видишь дальше собственного носа наши отношения не имеют ничего общего с болезнью Гарри.

— Я совсем не это хотела сказать! — яростно воскликнула Кэрол и едва сдержалась, чтобы не перейти на крик. Неожиданно их взгляды встретились, и она поспешно опустила глаза. — Дело в том... Дело в том, — повторила она, — что два месяца назад, когда нас похитили, влечение захватило нас и...

— Влечение захватило меня в первую секунду, как только я увидел тебя. И похищение не имеет к этому никакого отношения.

Кэрол пропустила его слова мимо ушей. Она не могла позволить себе взглянуть на него. Не

выдержала бы такого испытания.

— Я поняла сейчас, что зависимость наша друг от друга в этом контейнере сыграла свою роковую роль. Но я больше не хочу быть зависимой. Хочу вернуть свою свободу.

— Речь была бы более впечатляющей, если бы, говоря все это, ты смотрела мне в лицо, — прервал он. Кэрол взглянула. Сердце ее сжалось.

— Все кончено. Мне жаль!

— Ты лжешь, — хмуро отозвался Алвеш, пересекая комнату быстрыми шагами. — Что, черт возьми, происходит?

Не успел он приблизиться, как Кэрол бросилась вон из гостиной. Когда она выбежала из дома, рыдания душили ее. С трудом она взяла себя в руки и, глубоко вздохнув, зашагала по улице.

10

Час спустя Кэрол сидела у кровати Гарри. Его уже перевели в отдельную палату. Но пока она спала, Алвеш, оказывается, навестил старика.

— Абсолютная ерунда, что мой сердечный приступ как-то связан с твоим отъездом из дому, — с упреком заявил ей Гарри. — У меня уже был приступ, подобный этому, три года назад, если ты помнишь. А что касается тебя и Алвеша... время идет, и мне кажется, что он очень любит тебя.

— Любит меня?

— Почему тогда он пригласил меня провести несколько недель в его поместье?

— Он сделал это? — воскликнула пораженная Кэрол.

— Должен сказать, мне бы очень хотелось снова взглянуть на дом, — вздохнул Гарри. Когда он принадлежал Рэдклиффам, я частенько там бывал.

— Но я думала, что ты отправишься в санаторий.

— Алвеш сказал мне, сколько это будет стоить. — Старик был еще очень слаб, но Кэрол узнавала в нем прежнего Гарри.

— Как умно... Я хотела сказать, как любезно с его стороны пригласить тебя к себе, — с трудом произнесла она. — Но я могла бы ухаживать за тобой и дома, если бы ты захотел.

— Мне больше по душе его приглашение.

Десять минут в обществе Гарри привели Кэрол от отчаяния к гневу. Алвеш обращался с ней, как с гусем, которого готовили для жарки. Он был абсолютно уверен в том, что она сама по своей воле, никогда не уйдет от него. Гарри же очень хотелось провести несколько недель в особняке, на природе, где его будут ждать уход и хорошая еда, и все — совершенно бесплатно.

Как теперь объявить, что она разорвала их отношения с Алвешем? Еще месяц назад такое сообщение обрадовало бы старика, но теперь у Кэрол появилось подозрение, что Гарри, человек, который мало к кому проявлял приязнь, решил сделать исключение для Алвеша.

Засыпая, Гарри пробормотал что-то о хорошей идее Алвеша, который придумал, как уменьшить

его расходы на лечение... Уставшая от всего этого, Кэрол покинула палату.

В конце коридора она увидела Алвеша, который одарил ее ледяным взглядом.

— Как ты посмел использовать в своих интересах этого старого больного человека! — воскликнула Кэрол.

— Если ты сейчас же не замолчишь, то я отшлепаю тебя как непослушного ребенка. Прямо сейчас! Поверь мне!

Ее глаза гневно сверкнули, но она заставила себя замолчать, неуверенная в том, что не скажет сейчас такого, о чем потом пожалеет. Хотелось унижить его, причинить ему боль, но он не дал ей возможности. Угрюмо взглянув на нее, Алвеш повернулся к ней спиной и пошел к лифту.

— Поговорим в машине, — бросил он через плечо.

Кэрол прыгнула на заднее сиденье, словно разъяренная кошка.

— Как ты смеешь?..

— Замолчи! — резко прервал он. Гарри Эванс тебе, конечно, не кровный родственник, но ты очень привязана к нему, я понимаю. Но он был другом и моего отца много лет. Естественно, я счел нужным навестить его.

Кэрол слушала, стиснув зубы.

— Когда я был у него сегодня днем, ты рассердилась на меня. Не знаю только за что.

— Нет, не рассердилась...

— Не спорь. Как иначе объяснить то, что, когда я вернулся из больницы, ты объявила, что нашим отношениям пришел конец? — С этим трудно было не согласиться. — Гарри не хочет ехать в санаторий, где будет окружен посторонними людьми. К тому же он будет по тебе скучать. Поэтому я предложил ему погостить у меня — это вполне нормально. У него будет необходимый комфорт и свобода, которая тоже очень важна для него.

— Хорошо, извини, — процедила Кэрол сквозь зубы. — Но что нам-то теперь делать?

— Хоть ты и приняла решение, но я думаю, что не сказала ему всей правды?

— Как я могла? — свирепо произнесла Кэрол.

— Да, это было бы очень глупо, особенно после того как я сказал ему, что ты остаешься.

Впервые за это время Кэрол посмотрела ему в глаза.

— Не поняла.

Его взгляд внимательно остановился на ее лице.

— Ты плакала. Кончик носа еще красный.

— Спасибо за информацию, — пробормотала Кэрол, готовая в любую минуту разрыдаться снова.

Плаксивость, конечно же, тоже из-за беременности. Ведь раньше такого никогда не было.

— Мы возвращаемся в поместье, — сообщил он.

— Нет, я поеду в дом Гарри.

— Ключи у меня, и я не отдам их тебе, пока ты не успокоишься.

— Я абсолютно спокойна, — яростно прошипела Кэрол. — Дай мне ключи. Не знаю, что буду делать, когда Гарри выпишут из больницы, но тогда будет видно!

— Ключей ты не получишь.

Слезы выступили у нее на глазах, и она отвернулась. В конце концов, это была целиком ее вина. Она не ожидала встретить его ни дома, ни в больнице и совсем не подготовилась к каким-то серьезным объяснениям. Не смогла даже придумать достаточно важного повода для разрыва. Естественно, он ничему не поверил.

На самом деле причина, конечно, в другом. Кэрол очень любила Алвеша, а чтобы уйти от мужчины, которого любишь, нужно большое мужество. Мужество, которым Кэрол не обладала. Может, лучше было бы ему сказать о чувствах к Стиву или, в конце концов, просто правду?

Ведь именно истинная правда положит конец их отношениям.

Когда она поднималась по лестнице к себе в комнату, Алвеш спокойно объявил:

— Я жду тебя к обеду.

Да он обращается с ней как рабовладелец!

И она не выдержала:

— Отстань от меня!

— Томпсон изумится, когда я вытащу тебя обедать силой, — предупредил Алвеш. — Может быть, не будем развлекать слуг?

— Ты не посмеешь!

Но Кэрол знала, что этот человек способен на все. И, закусив губу, лишь посмотрела на него, вложив в этот взгляд все негодование.

— И не надевай черное вельветовое платье, мне оно не нравится.

— Надену то, что захочу!

Кэрол приняла душ и бесповоротно решила надеть именно это платье. Но никак не могла застегнуть молнию. Справившись с ней, она взглянула на себя в зеркало и в ужасе отпрянула. Все понятно... До этого момента она просто не замечала, как сильно изменилась ее фигура.

Спускаясь вниз в бесформенном цветастом балахоне, который считался сейчас почему-то ультрамодным, она размышляла о том, почему Алвеш не разрешил ей надевать черное платье.

Он только дважды видел ее в нем. И последний раз, всего несколько недель назад, он сказал,

что она выглядит великолепно.

Алвеш ждал в столовой. Высокий, необыкновенно красивый брюнет. Сердце Кэрол уже в который раз бешено забилося. Во рту стало очень сухо. Она с трудом отвела от него взгляд.

— В этом платье ты выглядишь так, словно ждешь ребенка, — заметил он.

Кэрол сделала большой глоток черри.

Эта же мысль пришла и ей в голову, когда она увидела себя в зеркале, но что могла она сказать в ответ?

— Просто оно очень удобное.

— Еще черри? — предложил Алвеш.

— О, обед! — воскликнула она с облегчением, увидев в дверях Томпсона с подносом.

Она действительно была очень голодна. Но, приступая ко второму блюду, она вдруг подумала, что сейчас самое время убедить Алвеша в бесперспективности их отношений.

Странно, но на протяжении всего обеда он хранил молчание, хотя вовсе не относился к людям, которые переживают свои страдания молча.

— Почему ты такой молчаливый?

Он улыбнулся в ответ. И эта улыбка смутила ее.

— Мне доставляет удовольствие наблюдать за тем, как ты ешь.

Кэрол взглянула на него.

— Боюсь, что была не до конца честна с тобой сегодня днем.

В его глазах появилось напряжение. Он отставил фужер и тихо произнес:

— Я чувствую это.

Станным образом неожиданно показалось, что стол между ними вдруг превратился в стол управляющего банком, а сама она — в должника, отказывающегося уплатить долг. Было что-то очень деловое и холодное во внимательном взгляде Алвеша.

— Хорошо, я скажу тебе правду.

— Скажи, — согласился он.

— Я вдруг поняла, что все еще равнодушна к Стиву, — виновато пробормотала Кэрол.

Сейчас не требовалось притворяться, она действительно так себя чувствовала.

Воцарилась гнетущая тишина. Лицо Алвеша скривилось, как от зубной боли, — Почему же ты мне не скажешь остаток правды? — мягко потребовал он. Только в этой мягкости было что-то зловещее.

— О чем ты?

— Можешь мне сказать, например, почему не надела черное платье? Почему отказалась от второй рюмки черри? Или почему один из моих близких друзей не смотрит мне в глаза, когда я задаю ему совершенно определенный вопрос?

Кэрол побледнела.

— Или, например, как ты приобретаешь формы, достойные обложки «Плейбоя»?

— Как ты смеешь?! — задохнулась Кэрол, не в силах сказать ничего более вразумительного.

Он не мог догадаться! Просто не мог.

Алвеш нарочито громко рассмеялся и отодвинул от себя тарелку.

— Ты беременна... И все, что мне нужно узнать, — как давно? — Боль захлестнула Кэрол. — Джек не сказал мне. Но когда ты встала с постели и объяснила, что наши отношения закончены, мне только и осталось сложить два и два. Поэтому скажи мне, когда это счастливое событие имело место?

— Когда нас похитили...

— Теперь я понимаю, почему ты согласилась переехать ко мне.

— Но я не знала до сегодняшнего дня, -запротестовала Кэрол.

— И ты хочешь, чтобы я поверил?

— Но это правда.

— Не слишком ли много лжи для человека, который гордится тем, что всегда говорит правду.

К горлу подкатил комок. Почему, ну почему не сказала ему правду сегодня днем, как только сама ее узнала. Да потому, что ожидала такой реакции. Ведь это была именно та сцена, которой она боялась больше всего.

Губы у Кэрол пересохли. Она лихорадочно облизнула их и заговорила:

— Мне наплевать, что ты обо мне думаешь. Но после визита Джека я была в таком же шоке, как ты сейчас. Поэтому я знаю, что ты сейчас чувствуешь.

— Господи, ты даже представить не можешь, что я сейчас чувствую!

Кэрол стала объяснять, почему не считала себя беременной. В этот момент ей было все равно, верит он ей или нет. Они оба пошли на этот риск два месяца назад. И если в первый раз во всем была виновата она сама, то за дальнейшее ответственность несет и он тоже.

— И какие у тебя планы? Собираешься избавиться от ребенка? — Кэрол в ужасе взглянула на него. — Я должен был спросить, — пробормотал он, вполне удовлетворенный ее немым ответом. С его загорелого лица вдруг сошло напряжение. — Я боялся, что ты собираешься это сделать.

— Нет, — сказала Кэрол, совершенно сбита с толку его реакцией. В глубине души она страшно боялась, что он захочет именно этого.

— Я бы не позволил тебе это сделать.

— А я и не собиралась, — ответила Кэрол.

— Мы поженимся как можно быстрее.

Кэрол чуть не упала со стула. Смотрела на него широко открытыми глазами, отказываясь верить в это простое заявление. Оно прозвучало так естественно, словно было единственным решением, и никакое другое не предполагалось.

— Я собираюсь получить на ребенка все законные права.

Кэрол совсем опешила. Несколько минут назад она и понятия не имела, как он отреагирует на известие о ее беременности. Но теперь она столкнулась с совершенно другими проблемами. Однако...

— Давай пойдем в гостиную, — предложил он, вставая из-за стола. — Сомневаюсь, что кто-нибудь из нас сегодня в состоянии съесть еще что-либо.

Опустившись в кресло, Кэрол спросила:

— Как ты можешь говорить о браке? Ты ведь вообще не любишь детей.

— Когда я тебе такое говорил?

— Ты сказал, что вовсе не желаешь стать отцом.

— Естественно, нет... без брака, — подчеркнул он. — На самом деле я очень люблю детей, — продолжил он, наливая себе бренди. — Но они иногда приносят большое горе. У меня был сын, и я потерял его. Это был опыт, повторения которого я не хочу.

— Я совсем не понимаю тебя...

Он, несомненно, говорил о ребенке, который был у его бывшей жены.

— Его звали Мануэль. По сей день не знаю, мой ли он сын или нет. Но это не имеет значения. Потому что, когда он родился, я считал его своим и любил его. Он был единственным светлым пятном в нашем браке, единственной причиной моих стараний сохранить его. Мэй не заботилась о нем. Он был для нее лишь способом выгодно выйти замуж. Но когда дело дошло до развода, он стал для нее и средством получить как можно больше денег. — Кэрол начала понимать, как далеки от истины были ее предположения. — Когда Мэй уехала от меня, она забрала с собой и сына. Думала, что я захочу его выкупить для себя, — зловещим шепотом произнес он. — Но она хотела больше, чем я мог тогда заплатить. И, окончательно потеряв совесть, принялась рассказывать всем, что это не мой ребенок.

— Как она могла так поступить с тобой! — прошептала Кэрол.

— На самом деле она, наверное, и сама не знала, чей это сын. Я был не единственным ее мужчиной в то время. Мануэль по решению суда остался с ней. Она собралась было сделать необходимые анализы, чтобы доказать, что он — не мой. И... — Алвеш помедлил, собираясь с силами: — И однажды, когда у нее была вечеринка, он упал в бассейн и утонул.

— О Господи! — Кэрол была в ужасе.

— Ему было восемнадцать месяцев от роду. А она оказалась совсем никудышной матерью. Накануне она поссорилась с няней и выгнала ее...

— Извини меня, — тихо сказала Кэрол, глотая слезы и не отводя глаз от ковра под ногами. Она была до глубины души потрясена услышанным.

— И я поклялся, что у меня никогда не будет больше другого ребенка, потому что потеря Мануэля заставила меня страдать так, как я никогда не страдал в моей жизни. — Лицо его неожиданно просветлело. — Но будь уверена, что ребенок, которого ты носишь, меняет все... Мы сделаем для него все, что сможем, — заявил он с неожиданным неистовством. — И я не позволю тебе уйти и забрать моего ребенка, как это сделала Мэй. Он в такой же степени мой, как и твой!.. И чем быстрее ты поймешь это, тем лучше! — С этими словами он вскочил и направился к двери.

— Но я не хочу уходить от тебя! — тихо произнесла Кэрол, когда дверь за Алвешем уже закрылась.

Она вскочила и бросилась за ним. Но когда поняла, что он не просто вышел в другую комнату, а покинул дом, его машина уже отъехала от ворот.

Она была растеряна. Ругала его за то, что он не рассказал ей о Мануэле раньше. Она не сделала бы столько ошибок. Но, с другой стороны, понимала, почему он не сделал этого: трагедия, все еще незажившая рана. О Господи, на какой же шлюхе был он женат, беспомощно подумала Кэрол.

Хотелось дождаться его и объяснить ему все. Но, начав снова и снова прокручивать в уме его слова о Мэй и малыше, она вдруг поняла, что дело вовсе не в его бывшей жене. Он просто больше не хотел рисковать своим ребенком. А то, что ребенок уже существует, изменило его отношение к ней. И он был обеспокоен вовсе не тем, что теряет его. Он боялся лишь за своего ребенка. И ничего удивительного в том, что он позволил себе расслабиться, узнав, что она не собирается от него избавляться. Алвешу просто не терпелось побыстрее получить права на ее дитя! Ради этого он готов был даже жениться на нелюбимой женщине.

Кэрол поднялась в спальню, потрясенная и расстроенная. Она была совершенно выбита из колеи, никогда раньше не оказывалась в таком затруднительном положении. Теперь понятно, что Алвеш действительно хочет этого ребенка, но в то же время он совершенно не заботится об их отношениях. Все было так странно.

Он разбудил ее рано утром, войдя в спальню. Она ничего еще не понимала спросонья, когда он скользнул под одеяло.

— Я попросил тебя выйти за меня замуж. Думал, что ты будешь рада, — пробормотал он.

Кэрол подпрыгнула на кровати от возмущения.

— Какого черта я должна быть этому рада!

— Но ведь это именно то, чего ты хотела с самого начала.

— Я больше всего боялась этого!

— Успокойся, — приказал он. — Ты совсем не думаешь о ребенке, когда так кричишь!

— Это тебя не касается!.. — зарыдала Кэрол. Ее страхи подтверждались.

Но он вдруг обнял ее и прижал к себе.

— Кэрол...-сдавленно начал он.-Я находился в страшном напряжении. Был очень смущен и поражен тем, что ты беременна, а потом испуган тем, что ты можешь избавиться от ребенка. Но когда я распил бутылку шампанского с Джеком... — Кэрол не поверила своим ушам. Так вот, значит, как он провел это время! — Я по-настоящему понял, как я счастлив, — закончил он торжественным тоном.

— Ты отпраздновал это событие с доктором? — изумленно воскликнула Кэрол.

— Естественно, мы не говорили о тебе ни в медицинском, ни в личном аспекте, — уверил ее Алвеш.

— Ты подлец! — закричала она.

С него в одну секунду слетело благодушное настроение. Темные глаза бешено сверкнули.

— Неужели ты думаешь, он захочет тебя, если узнает, что ты беременна?

— Кто? — недоуменно уставилась на него Кэрол.

— Кто? — эхом повторил за ней Алвеш.

Ответ на этот вопрос заставил ее покраснеть. За всей этой нервозностью она совсем забыла о Стиве. Продолжать лгать было бесполезно, и она смущенно пробормотала:

— Я придумала это...

— Что?

— О Стиве... Это была маленькая ложь...

— Маленькая ложь? — взорвался Алвеш, прыгивая с кровати. — Ты говоришь мне, что любишь другого мужчину, а потом называешь это «маленькой ложью»?

— Я должна была найти вескую причину, чтобы уйти от тебя! — защищалась Кэрол.

— Если ты не любишь Стейка, то почему собралась уходить от меня? — напрямик спросил он, одеваясь.

— Из-за ребенка. — Кэрол посмотрела так, словно говоря: «Неужели ты такой дурак, что не можешь сам догадаться?» — Я боялась, что ты не захочешь... Думала, что для тебя это будет самой плохой новостью, какую ты когда-либо слышал.

— А когда ты вообще собиралась сообщить мне о ребенке?! — закричал он.

— Через некоторое время после того, как мы бы расстались. Тогда все это не было бы таким болезненным.

Алвеш недоверчиво взглянул на нее. Казалось, он не верил своим ушам.

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

Кэрол покачала головой. Обнаружив, что беременна, она впала в такую панику, что вряд ли могла здраво оценивать то, что совершает.

— Я думала, что смогу убежать от всего этого. Не могла набраться смелости сказать тебе то, о чем ты не захочешь услышать.

— Ив этом виноват я?

Кэрол пожала плечами.

— Ты не хотел, чтобы тебя снова заманили в ловушку брака, и это нормально. — Она вздохнула. — По тем же самым причинам и я не хочу выходить за тебя. Раз уже мы оба были такими беспечными.

— Я никогда не был беспечным, дорогая Я знал, что мы рискуем, и был готов к этому. Я думал, что между нами что-то есть...

Кэрол вскинула голову.

— Алвеш, пожалуйста, не говори мне ничего такого, что убедит меня выйти за тебя замуж Я наверное, не понимаю, но... — Он взял ее за руку и потянул из кровати. — Что ты делаешь?

— Хочу тебе кое-что показать.

— Но сейчас только четыре часа утра.

Он не слушал ее.

— Пойдем, — сказал Алвеш и надел на нее халат.

— Куда?

— Увидишь.

Он нетерпеливо подтолкнул ее к двери. Они спустились по лестнице, вышли на улицу и подошли к автомобилю, стоявшему у входной двери. Алвеш сел за руль.

— Я же не одета.

— А мы никуда не едем.

Автомобиль обогнул лужайку и направился по аллее к конюшне. Алвеш остановил машину, вышел и подошел к загону. Заинтригованная Кэрол последовала за ним.

— Напряги глаза и постарайся разглядеть...

В темноте что-то зашевелилось.

— Я нашел его пять дней назад, — прошептал Алвеш. — Он тогда не очень хорошо выглядел, но ветеринар сказал, что если за ним хорошо ухаживать, то все будет в порядке.

Кэрол подошла к изгороди. Алвеш открыл дверь загона.

— Цезарь! — прошептала потрясенная Кэрол и кинулась к шотландскому пони.

Не вытирая слез, Кэрол гладила маленького пони, которого она уже никогда не надеялась увидеть, — живое воспоминание о прошлом. Она понимала, как трудно было отыскать и привезти пони сюда. Она вернулась в машину абсолютно счастливая.

— Я планировал также купить в придачу собаку и кошку и преподнести всех троих тебе перед вечеринкой.

— Собака, кошка, вечеринка, — беспомощно бормотала Кэрол.

— Ты же сказала мне, что любишь детей и хочешь для них собаку, кошку и пони. Все это я собирался подарить тебе.

Кэрол совершенно растерялась. Наконец до нее дошло: Алвеш сейчас говорил ей о том, что по крайней мере неделю назад был готов дать ей все, о чем она мечтает.

Он что-то вытащил из кармана.

— Вот образец приглашений. На этой вечеринке я намеревался сообщить о нашей помолвке. Правда, это должно было стать сюрпризом для тебя, — тихо произнес он.

Кэрол прочитала приглашение, и ее сердце бешено заколотилось. Задолго до того как Алвеш узнал о ее беременности, он собирался попросить ее выйти за него замуж.

Страх, что он хочет жениться на ней только потому, что она забеременела, тут же улетучился.

Они сели в машину и поехали к дому.

— До того, как ты сказала мне, что хочешь уйти. Я думал, ты любишь меня...

— Я люблю, — тихо призналась Кэрол.

— Так почему ты сейчас сидишь и молчишь?! — неожиданно закричал он.

— Ш-шок, — дрожащим голосом ответила Кэрол.

Он пробормотал что-то по-испански и крепко обнял ее.

— Я так боялся потерять тебя! Когда ты сказала, что хочешь уйти, я почувствовал, что моя жизнь рушится. Не было ничего, чем бы я мог тебя удержать. И тогда я подумал, что это мог быть ребенок!

— И ты готов был пойти на это?

— Да... Никогда не думал, что смогу любить кого-то так, как люблю тебя.

— Я влюбилась в тебя еще в контейнере.

Алвеш попытался поцеловать ее. Кэрол засмеялась, выскочила из машины и побежала к дому. Он кинулся за ней, и уже через секунд она была в его объятиях. Он начал страстно целовать ее. Потом взволнованно заговорил:

— Когда ты упала в обморок во время нашего побега, я уже понял, что люблю тебя. Но у меня не было ни малейшего доказательства, что ты чувствуешь то же самое. Я не просто поддался страсти, а уже знал, что ты не такая как другие женщины. И я боялся, что ты будешь смеяться

надо мной.

— Я бы не смеялась, — прошептала Кэрол, чувствуя, как он весь дрожит от переполнявшие его эмоций.

— Я на одиннадцать лет старше тебя я боялся, что тебе будет скучно со мной.

— Никогда.

— Я не мог отвести глаз, когда впервые увидел тебя, а ты этого даже не заметила.

— Алвеш, представь себя на моем месте тогда, и ты поймешь, что я испытывала. К тому же ты пытался вызвать полицию.

— И ты заснула в лимузине... словно меня там и не было.

— Твое высокомерие вывело меня из себя. «Я знаю женщин, которые пойдут на большой риск, чтобы познакомиться со мной», — передразнила она и рассмеялась.

Алвеш бережно отнес ее на кровать.

— Ты ворвалась в мою жизнь и перевернула ее.

— Но и ты тоже.

Кэрол прильнула к нему, их губы встретились.

В этот раз они занимались любовью медленно, наслаждаясь каждым новым ощущением.

— Можно, теперь я буду покупать для тебя вещи? Драгоценности?

— Я хочу «порше», — не растерялась Кэрол.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Нет проблем. Как только ты заново сдашь экзамен на права, я куплю его тебе.

— Хорошо. Только придется годик-другой подождать.

Эпилог

Кэрол наблюдала за тем, как Алвеш, держа на руках дочь, идет по коридору к ней навстречу. Мэри, обхватив его шею маленькими ручками, издавала какие-то свои звуки, похожие на «да, да, да». Они ждали свою маму. Наконец она появилась. С нескрываемым удовольствием она смотрела на черные кудряшки дочери и ее лучистые зеленые глаза.

— Ну, что, сдала?

— Сдала.

— Поздравляю.

Однако поздравление прозвучало натянуто. Мысль о том, что теперь она будет водить «порше», приводила его в отчаяние.

Взяв Мэри на руки, Кэрол предложила:

— Хочешь, пойдём посмотрим её?

— Ты что, уже купила?

— Да, она в гараже.

Алвеш с опаской заглянул в гараж.

— Это же «сааб».

— Я никогда не хотела «порше». Я не слишком люблю скорость. А для художницы с ребенком это намного практичнее.

— Ты никогда не хотела «порше»?! Но заставила меня пройти через такие муки, притворяясь, что хочешь!

Теперь он выглядел сердитым, вместо того чтобы вздохнуть с облегчением.

Кэрол взяла его за кончик галстука и при тянула к себе.

— Я хочу все время держать вас в тонусе, мистер де Оливейра.

— Боже мой, ты не шутишь! К счастью, я не имею ничего против. Поэтому позвонил Томпсону и предупредил, что мы приедем и отметим твой успех на экзаменах. Только поедем на твоём новом «порше». Я все же купил его тебе.

Кэрол от удивления открыла рот.

— Только представь себе, что скажет бедняга Гарри, когда узнает о двух покупках сразу!